

The background of the cover features a faint, sepia-toned illustration of a river scene. In the upper right, there is a building with a traditional roof. The river flows from the top left towards the bottom right. Several boats are depicted on the water, including a large, multi-masted sailing vessel in the center and smaller boats. The banks are lined with numerous trees, possibly birches or aspens, and some small structures or huts are visible along the shore.

Р.Г.Скрынников

**Сибирская
экспедиция
ЕРМАКА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Р. Г. СКРЫННИКОВ

СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЕРМАКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1982

Скрышников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака.— Новосибирск: Наука, 1982.

В монографии показана историческая обусловленность присоединения Сибири к России в конце XVI в. Всесторонне рассмотрены взаимоотношения России и народов Сибири в период, предшествующий присоединению, освещена роль народной колонизации в освоении окраин. Заново исследована вся совокупность источников по ранней истории Сибири и выделен комплекс известий, непосредственно восходящих к «архиву» Ермака. Воссоздание «архива» и введение в научный оборот новых, не известных ранее данных позволили автору полностью пересмотреть хронологию похода и его основных этапов.

Книга рассчитана на специалистов в области русской истории и филологии, а также на широкую читательскую аудиторию.

Ответственный редактор
акад. А. П. Окладников

Освоение Сибири сыграло исключительную роль в истории русского народа. Именно поэтому поход Ермака, положивший начало присоединению Сибири к России, является значительным историческим событием.

Проблемы, связанные с сибирской экспедицией Ермака, вызвали к жизни обширную литературу. Споры относительно времени, характера и основных этапов экспедиции продолжаются по сей день. Трудности в решении этих вопросов коренятся в состоянии источниковедческой базы: сведения о походе Ермака скудны, отрывочны и противоречивы.

Начало изучению истории Сибири положил в XVII в. замечательный сибирский историк, географ и картограф С. Ремезов. Свою «Историю Сибирскую» он всецело посвятил походу Ермака¹.

Автор первого научного труда по русской истории В. Н. Татищев приступил в XVIII в. к составлению «Общего географического описания всея Сибири» и сбору сибирских источников. Его начинания способствовали развитию сибирской историографии на научной основе².

Важный этап в изучении Сибири связан с деятельностью ряда крупных экспедиций XVIII в., снаряженных Российской Академией наук. Одним из участников этих экспедиций был Г. Ф. Миллер — член Петербургской Ака-

демии наук, историк и археограф. За время пребывания в Сибири (1733—1743 гг.) он собрал богатейший исторический, а также археологический, этнографический и географический материал. В 1750 г. Российская Академия наук опубликовала первую часть его труда под заглавием «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе»³. Г. Ф. Миллер ввел в научный оборот множество сибирских летописей, грамот, актов. Используя приемы исторической критики, он старался выяснить достоверность фактов, но при этом следовал правилу знакомить читателя со всеми источниками, не исключая «баснословных», что вызвало резкие упреки со стороны В. Н. Татищева⁴.

Ученый выразил в значительной мере официальный взгляд на проблему присоединения Сибири. Правительственная колонизация в его глазах целиком заслонила народную. Следуя мифу о «воровстве» Ермака, Г. Ф. Миллер называл казачьего вождя и его сподвижников за их прошлое «разбойниками с большой дороги». Г. Ф. Миллеру было чуждо представление о народных массах как главной силе в освоении Сибири. В то же время он обратил особое внимание на такой момент, как установление мирных взаимоотношений между казаками Ермака и местными племенами. После взятия Сибири, писал он, Ермак «начал себя оказывать как милостивый государь, который тем доволен, что подданные безобидно принести могут»⁵.

Г. Ф. Миллер заметил хронологические несообразности в описаниях экспедиции, но не взялся за их объяснение, ограничившись следующими словами: «Не намерен я пространно объяснять о находящейся здесь неисторичности в численности времени и ниже изъяснять сомнение»⁶.

Насыщенный ценнейшим фактическим материалом труд Г. Ф. Миллера не утратил значения до настоящего времени.

Развитие демократической традиции в историографии XVIII в. связано с именами М. В. Ломоносова и А. Н. Ра-

лицева. М. В. Ломоносов видел в освоении Сибири результат «неутомимых трудов нашего народа»⁷. Присоединение нового края, утверждал он, было во многом осуществлено «больше частными поисками, нежели государственными силами», причем главная заслуга, по его убеждению, принадлежала казакам и русским поморам. М. В. Ломоносов склонен был защитить Ермака от наветов в разбое: «...О сем деле должно писать осторожно и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать». Значение первой сибирской экспедиции М. В. Ломоносов оценивал с позиции укрепления России⁸.

А. Н. Радищев считал, что в присоединении Сибири сказались «великий дух свободы» русского народа и такие качества народного характера, как «твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении». В его глазах почин принадлежал новгородцам, и даже Строгановы выступали представителями той новгородской вольницы, которая приблизила к Сибири русские поселения. Экспедицию в Сибирь осуществил Ермак и «непорабощенные воины» — вольные казаки с Дона. А. Н. Радищев увидел величие Ермака как народного вождя и героя. Самодержавие, всегда угнетавшее носителей воли, обратилось к сибирским делам, когда народ сделал свое дело. Непрочность власти Кучума, «пришельца и завоевателя» по отношению к местным сибирским народам, облегчила Ермаку и его казакам разрешение задачи⁹.

Концепция А. Н. Радищева, мыслителя-революционера, была связана с его общим взглядом на роль народа в истории, на борьбу «вольности» и «самовласти» как стержень общественного развития.

С противоположных позиций подходил к ранней сибирской истории крупнейший дворянский историк XIX в. Н. М. Карамзин. Считая летопись, составленную при дворе купцов Строгановых в XVII в., достовернейшим из всех сочинений о походе Ермака, он воспроизвел схему этой де-

топился с небольшими поменениями: «Три купца и беглый атаман волжских разбойников дерзнули без царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь»⁶⁰. Купцы Строгановы действовали в Пермском крае именем царя, а потому нанятая ими дружина казаков неизбежно превратилась в царское войство. Присоединение Сибири, по мнению Н. М. Карамзина, ничем не отличалось от завоевания Мексики и Перу испанскими конкистадорами. Ермак охарактеризован им как «российский Пизарро».

Изучение сибирской экспедиции продолжали авторы как исторических обзоров, так и общих трудов по русской истории⁶¹.

Крупнейший буржуазный историк С. М. Соловьев считал колонизацию окраин важным фактором развития России. В рамках его общей концепции присоединение Сибири могло быть результатом только «известного движения русского народонаселения на северо-восток». Признавая значение вольной колонизации Сибири, С. М. Соловьев в то же время видел в казаках и прочих людях, составлявших передовые дружины колонизации, носителей анархических начал, противостоящих обществу и государству⁶². Совсем иная роль в схеме С. М. Соловьева отводится мирным колонизаторам и промышленникам Строгановым. Экспедиция Ермака была осуществлена потому, что Строгановы «нуждались в передовых людях колонизации, которые вовсе не имеют мирного промышленного характера, нуждались в отыскивателях путей, новых земель, нуждались в казаках». С. М. Соловьев уделял большое внимание «подвигу Строгановых на пользу России и гражданственности». Строгановы, утверждал он, обладали не только материальными средствами, но и необыкновенной смелостью и энергией. «Прикамская сторона была окраина, на которую нападали дикие зауральские и приуральские народцы; правительство не могло защищать от них населения, он должен был защищаться сам, своими средствами... отсюда уясняется важное значение Строгановых,

которые одни, по своим средствам, могли заселить Прикамскую страну, приблизить русские селища к Уралу и чрез это дать возможность распространить их и за Урал»¹².

Продолжая традицию А. Н. Радищева, А. И. Герцен считал русское движение в Азии важнейшим мировым событием, а присоединение Сибири — бескровным завоеванием, итогом «подвигов колонизации». Сибирь, считал А. И. Герцен, стала не колонией России, а ее обширной частью, что явилось следствием вольнонародной колонизации. «...Везде, где оседали усталые кучки (переселенцев.— *Р. С.*) в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами...»¹⁴ В исторических песнях А. И. Герцен искал и находил народную оценку деяний Ермака.

В. О. Ключевский лишь мимоходом затронул проблему присоединения Сибири. Излагая начальный момент освоения сибирских просторов, он указывал в первую очередь на необходимость «обезопасить восточные пределы государства от нападения зауральских инородцев» и овладеть «пушными богатствами Сибири»¹⁵. Вслед за С. М. Соловьевым В. О. Ключевский подчеркивал значение колонизации окраин в русской истории.

В советской историографии тема присоединения Сибири получала новое освещение. Большой вклад в развитие науки о Сибири внесли С. В. Бахрушин, А. П. Окладников, В. И. Шунков, А. И. Андреев.

С. В. Бахрушин заново исследовал комплекс сибирских летописей и сделал ряд важных общих выводов, показавших несостоятельность старых теорий «военно-правительственного присоединения Сибири»¹⁶. Русские промысловики и купцы, по его мнению, явились тем элементом, который проторил пути за Урал и подготовил почву для «сибирского взятия». Однако С. В. Бахрушин считал, что первая сибирская экспедиция, осуществленная «наемными казаками» Строгановых, сама по себе не привела к прочным результатам¹⁷.

А. П. Окладников изучил процесс присоединения к России различных областей Сибири во всей его сложности и многообразии. Особенно важным в его анализе представляется выделение объективных предпосылок присоединения Сибири и влияния этого фактора на развитие местных племен и народностей¹⁸.

В исследованиях В. И. Шункова показано, что процесс присоединения Сибири к России «включал явления различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения»¹⁹. Особое внимание В. И. Шунков уделил проблемам развития земледелия в Сибири. В связи с изучением аграрной истории он сделал вывод, что процесс присоединения Сибири следует рассматривать «в единстве с освоенным сибирских земель трудовым русским населением». Некоторые районы Сибири, отметил В. И. Шунков, были освоены русскими людьми в итоге мирного продвижения без всякого вмешательства государственной власти²⁰.

А. А. Введенский, специально исследовавший историю торгово-промышленного дома Строгановых и его роли в «сибирском взятии»²¹, видел в Строгановых «рыцарей так называемого первоначального накопления капитала в России». Будучи агентами правительства по управлению Пермским краем, Строгановы при Грозном послали своего «строгановского полководца на завоевание царства Кучума, следствием чего было присоединение Западной Сибири к Русскому государству»²². Взгляды А. А. Введенского подверглись критике со стороны ряда исследователей²³.

А. А. Преображенский расширил поле наблюдения, подвергнув анализу комплекс дипломатических материалов о «сибирском взятии» конца XVI в. Посольские документы позволили ему «признать значительную долю участия центральной власти в осуществлении похода Ермака»²⁴. В то же время исследователь сделал важный вывод о том, что в преддверии Крестьянской войны начала XVII в. поход казачьей дружины Ермака имел особый

характер. Поясняя свою мысль, он писал: «Уход на территории, недостижимые для царских властей, осуществленный отрядом поставленных вне закона казаков, был одной из вспышек острых социальных конфликтов эпохи. Правительству, однако, удалось в конечном счете воспользоваться результатами похода Ермака, на какой-то стадии подчинив его общегосударственным целям»²³.

З. Я. Бояршинова изучила историю населения Западной Сибири до начала русской колонизации²⁴. Проанализировав материал о взаимоотношениях Сибири и Руси в ранний период, она пришла к заключению, что начало процесса присоединения Западной Сибири к России следует связывать не с экспедицией Ермака конца XVI в., а с успешными походами русских войск за Урал в конце XV в.²⁵ Подобная точка зрения не встретила, однако, поддержки в литературе²⁶. Более убедительным, писал В. И. Шунков, является мнение, приурочивающее начало присоединения Сибири к России ко времени, «когда после знаменитого похода дружины Ермака за Урал возникли первые русские поселения первоначально в виде острогов, а затем и в виде деревень»²⁷.

Проанализировав историческую литературу о Сибири XVII в., В. Г. Мирзоев так оценил значение экспедиции Ермака: «Движение отряда Ермака следует представлять как первую волну мощного потока вольнонародного освоения, влившегося в Сибирь после падения царства Кучума»²⁸.

Оценивая политику царизма с классовых позиций, советские историки резко разграничивают колонизаторскую политику самодержавия и народную колонизацию, которая приводила к сближению местного населения с трудовыми массами России, благоприятствовала развитию производительных сил и культуры Сибири²⁹. Преобладание крестьянской колонизации имело благотворное влияние на исторические судьбы Сибири. Включение сибирских народностей в состав Русского государства, отметил

А. П. Окладников, отвечало жизненным потребностям не только русского народа, но и народов Сибири, имело прогрессивное историческое значение³².

В последние десятилетия наибольшие споры развернулись вокруг вопроса о времени похода и роли правительства в его организации.

Со времен Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева утвердилась точка зрения, согласно которой казаки выступили в поход 1 сентября 1581 г.³³ Мнение Н. В. Шлякова, относившего начало экспедиции к 1 сентября 1582 г., было основано на частном наблюдении и не получило поддержки в научной литературе³⁴. Лишь Г. Красинский в 1947 г. повторил дату, предложенную Н. В. Шляковым, но при этом попытался примирить ее с традиционной. По его утверждению, ермаковы казаки прибыли с Волги на Урал в сентябре — октябре 1581 г., а в Сибирь отправились ранним летом 1582 г.³⁵

Н. В. Шляков полагал, что завоевание Сибири было осуществлено отрядом казаков, переброшенных правительством с ливонского театра военных действий на Урал. Г. Красинский и здесь повторил вывод Н. В. Шлякова, утверждая, будто «сибирский поход Ермака явился прямым следствием решений и действий Московского правительства — Ивана Грозного»³⁶.

Новую попытку пересмотреть хронологию сибирской экспедиции предпринял В. И. Сергеев. В своих работах он более полно использовал так называемые «ногайские дела», в которых упоминались имена Ивана Кольца и других сподвижников Ермака³⁷. В хронологических выкладках В. И. Сергеев следовал, однако, не ранним источникам XVI в., а поздним и менее достоверным — XVII — XVIII вв. Опираясь на данные С. Ремезова и Строгановской летописи, В. И. Сергеев составил следующую схему экспедиции: Ермак прибыл в вотчины Строгановых еще в 1577 г., зазимовал на уральских перевалах в 1579 г. и лишь через три года занял столицу Кучума Кашлык

(Искер). В течение этих трех лет будто бы произошло много кровопролитных битв между казаками и татарами³⁶.

В. И. Сергеев попытался пересмотреть вопрос об участии центральной власти в «сибирском взятии». По его мнению, «до 1592 г. включительно московское правительство не преследовало цели завоевания Сибирского ханства и его присоединения к России подобно Казанскому ханству»³⁷. Даже первые военные экспедиции, посланные в Сибирь по следам Ермака, ставили ограниченную задачу — восстановление вассальных отношений сибирских правителей. Поход же ермаковцев не имел и такого значения: «Ни деятельность Строгановых, ни организованный ими поход Ермака не являлись началом официального завоевания и присоединения Сибирского ханства»³⁸. Выводы В. И. Сергеева вызвали возражения³⁹.

Советская историография достигла крупных успехов в изучении истории Сибири. Основное внимание историки уделяют выяснению объективной обусловленности присоединения Сибири к России, роли народных масс в этом процессе, земледельческого характера колонизации. Однако не все вопросы, связанные с указанной проблематикой, изучены в достаточной мере. Наименее разработанной остается конкретная история первого сибирского похода, включая участие в его организации Строгановых и московского правительства, хронологию и характеристику основных этапов. Потребность в монографическом исследовании сибирской экспедиции Ермака давно назрела. Настоящая книга и является попыткой такого исследования.

ИСТОЧНИКИ

Документальные материалы о первой сибирской экспедиции не сохранились. Исключение составляет несколько царских грамот начала 80-х гг. XVI в. из фамильного архива Строгановых в Соли Вычегодской¹. Определенный интерес с точки зрения исследования предыстории сибирского похода имеют подлинные документы Посольского приказа, упоминающие имена главных сподвижников Ермака².

Среди источников по ранней истории Сибири особую ценность представляют сибирские летописи. Они были впервые систематически исследованы в трудах С. В. Бахрушина, Д. С. Лихачева и А. И. Андреева³. В последние годы летописание стало объектом анализа в специальных работах Н. А. Дворецкой, Е. И. Дергачевой-Скоп, В. И. Сергеева, Е. К. Ромодановской и др.⁴

Начало сибирского летописания исследователи единодушно относят к 20—30-м гг. XVII в. Летописные известия о походе Ермака возникли сразу после Смуты, что непосредственно сказалось на их содержании. Наметилось два направления в оценке Ермака, резко различавшиеся по своему характеру. Одно, представленное «Кратким описанием о земле Сибирской» и московским Новым летописцем, осуждало казачье «воровство», послужившее предлюдей к сибирской экспедиции. Второе направление,

представленное ранними тобольскими летописями и синодиками, не упоминало о «воровском» прошлом ермаковцев, изображая их защитниками православной веры.

К числу ранних сибирских летописей относится «Краткое описание о земле Сибирской»⁵. Один из списков его сохранился в составе рукописного сборника, скопированного для А. Л. Шлецера в XVIII в.⁶ В издании сибирских летописей этот памятник опубликован по Головинскому списку⁷. В начале 30-х гг. XVII в. текст, лежавший в основе «Краткого описания...», был отредактирован и сокращен, после чего его включили в виде отдельной статьи в московский Новый летописец.

«Краткое описание...» и Новый летописец отразили официальную оценку действий вольных казаков на рубеже XVI—XVII вв. Казаки «своровали», сначала поддержав Расстригу, а затем вместе с Болотниковым осадив Москву. Из-за них произошла Смута в России.

В рамках подобной концепции не оставалось места для положительной оценки мотивов, побудивших Ермака двинуться в Сибирь. Автор «Краткого описания...» изображал начало сибирской экспедиции следующим образом: вольные казаки «вороваху много по Волге и по иным рекам»; царь, «видя их воровство и злое непокорство», велел их ловить и вешать; многие были казнены, а «иные аки волки разбегошася по Волге вверх»; с ними был их «старейшина атаман Ермак Тимофеев сын»⁸. Новый летописец дословно повторил приведенные фразы относительно «воровства» ермаковцев на Волге⁹.

Описывая конец сибирского похода, автор «Краткого описания...» проводил мысль, что казаки погибли из-за собственной беспечности. Ермаковцы заснули на острове, «и никого от них стражи не бысть». Кучум прислал на остров татарина, который неслышно «украде у козаков пшцаль и лядунку». После этого Кучум истребил отряд Ермака, «точию еден казак от них утече»¹⁰.

Составители Нового летописца переделали текст, с тем

чтобы оттенить беспечность казаков. По их утверждению, Кучум будто бы дважды посылал татарина на остров и тот вытащил у спящих казаков «три пищали да три вязни»¹¹ («вязнями» называли ремни, на которых держалось оружие). Основательно сократив текст «Краткого описания...», автор Нового летописца внес в него и ряд других изменений:

Краткое описание...

Ермак же сяде в царстве Сибирском и посла к великому государю к Москве с сеунчем 50 человек... Царь Иоанн Васильевич тех сеунчей пожаловал, а с ними послал воевод своих... к Ермаку и к атаманом его и к казаком посла свое государское жалованье, а Ермака повелел государь написать в грамотах сибирским князем¹².

Новый летописец

Си же Ермак сяде в царстве Сибирском, ко царю же к Москве посла с сеунчем казаков пятьдесят человек, а царь Иван Васильевич уже преставись... Государь же царь Федор тех сеунчуков пожалова, а с ним послал воевод своих... и к тому Ермаку и к отаманом и казаком посла с своим государевым с великим жалованьем, а к Ермаку повеле государь написать во отаманом, по князем сибирским¹³.

Согласно начальной версии, гонцы Ермака прибыли в Москву к Ивану IV и были им награждены. Автор Нового летописца заменил имя Ивана IV именем Федора. Именно Федор будто бы получил весть о взятии Сибири и послал своих воевод на помощь Ермаку. Как объяснить столь грубое искажение фактов? Новый летописец был составлен в окружении Филарета и Михаила Романовых, связывавших свои права на трон всецело с именем царя Федора Ивановича. Автор московской летописи начал свое повествование с известия о воцарении Федора и завершал сведениями о коронации Михаила и поставлении на патриаршество Филарета. Упоминание об Иване IV в самой первой статье летописи грозило нарушить композицию произведения, и летописец предпочел пожертвовать истиной.

Вторая группа памятников — ранние тобольские летописи и синодики — по своей идейной направленности значительно отличалась от памятников, выразивших официальный московский взгляд. В них отсутствовали сведения о казачьем «воровстве» и на первый план выдвигались заслуги ермаковцев в деле присоединения Сибири. Новая тенденция в освещении сибирской экспедиции возникла в провинции в связи с учреждением архиепископской кафедры в Тобольске и назначением на эту кафедру в 1621 г. известного церковного деятеля Киприана¹⁴. Человек деятельный и энергичный, Киприан завоевал доверие московских властей еще в то время, когда, будучи архимандритом Хутынского монастыря в оккупированном шведами Новгороде, добивался возвращения Новгородской земли в состав России. В Тобольске благодаря его энергии были выстроены архиепископский двор с соборной церковью, а тобольский Софийский дом добился больших земельных пожалований¹⁵.

Чтобы укрепить авторитет вновь основанного архиепископства, Киприан искал случай канонизировать местных подвижников и святых. Решение этой задачи должно было облегчить ему выполнение основной миссии — христианизации присоединенного языческого края¹⁶. Киприан явился в Сибирь, имея смутные представления о местном населении и его традициях, но пробыв в Тобольске некоторое время, должен был оценить факт исключительной популярности Ермака в народе. Покоритель Сибири стал подлинным героем песен и сказаний русских переселенцев. Не меньшее внимание уделено ему и в фольклоре нерусских народностей. Предания связывали с его именем всевозможные чудеса. Киприан решил использовать этот своеобразный культ в интересах церкви и в 1622 г. приказал «кликати» Ермаку и его погибшим товарищам «вечную память» наряду с прочими пострадавшими за православие. Для составления синодика «убиенным» архиепископ обратился к ермаковцам, жившим в Тобольске.

Некоторые из ветеранов сибирского похода продолжали служить в пешеходных казаках под начальством своих атаманов и входили в состав «старой сотни». В начале XVII в. местный воевода отставил атамана «старой сотни» Гаврилу Ильина и назначил на его место литвина Б. Аршинского, сосланного в Тобольск за разбой. Сподвижники Ермака были возмущены тем, что их подчинили «голове» из служилых дворян, а не атаману. «Старые казаки» атамана Гаврилы Ильина, пятидесятники Остапка Антонов и Ивашка Лукьянов, десятники Ларка Сысоев, Дружина Васильев, Фомка Бородин и Пашка Ерофеев немедленно подали царю челобитную о том, что служат они государю «в Сибирь в Тобольске от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесяти с атаманами, а не з головами...»¹⁷ Власти рассмотрели ходатайство ветеранов и вернули должность атамана «старой сотни» ермаковцу Гавриле Ильину.

Можно полагать, что Киприан обратился в первую очередь к Гавриле Ильину и его помощникам, когда ему потребовались сведения о погибших ермаковцах.

Среди уцелевших соратников Ермака многие дожили до глубокой старости: сибирская экспедиция была по плечу молодым и физически очень крепким людям. В 20-х гг. XVII в. архимандрит тобольского монастыря писал, что в его обители «стригутца все служивые люди: увечные, раненые и которые очьми обвиняли, за убожество, иные и без вkladу стриглись, еще (из. — *P. C.*) ермаковых казаков пострижепники лет во сто и больши...»¹⁸ Примерно в то же время тобольский воевода испросил в Москве разрешение на учреждение богадельни в Тобольске для престарелых служилых людей, которые служили «в Сибирь лет по сороку и больше с сибирского взятия, и на боях ранены и за старость и за увечье от ... службы отставлены и волочатца меж двор, помирают голодною смертью»¹⁹. (Ходатайство воеводы было удовлетворено).

Тобольский монастырь и богадельня находились в ведении архиепископского дома. Поэтому вполне возможно,

что Кирипнап распорядился привлечь для составления Синодика не только служивых казаков, но и ветеранов, находившихся на покое.

Некоторое время спустя ермаковцы явились на по дворе к архиепископу и «принесоша к нему списки, како они приидоша в Сибирь и где у них с погаными агаряны были бои и кои из них племем атаманов и казаков побилша»²⁰. Так появились в Тобольске первые «списки», или «написанше», с записью «речей» оставшихся в живых участников сибирской экспедиции.

К тому времени прошло 40 лет после похода Ермака, и нет ничего удивительного в том, что казачьи «сказы» приобрели черты фольклора. Например, они имели зачин, весьма характерный для былин и исторических песен. «Не от славных муж, не от царьского повеления воевод, — читаем в Синодике ермаковым казакам, отразившем эти «сказы», — ... но от простых людей избра и вооружи... славою и ратоборством и вольностью атамана Ермака Тимофеева сына... со единомысленною и с предоблею дружною храбрствовавшю»²¹.

Соратники Ермака, хорошо знавшие его, были весьма далеки от того, чтобы представлять его христианским подвижником. Поэтому духовенству пришлось подвергнуть «списки» их речей основательной переработке, прежде чем включить в Синодик. В результате приведенный выше текст «сказов» был искажен вставками церковно-житийного содержания. Между двумя частями фразы («не от славных муж... но от простых людей») появилось пространное рассуждение о том, что бог избрал Ермака «очистити место святыни и победити бесерменскаго царя Кучюма и разорити их богомерзкие капища», и т. п.

Длительное время Синодик был известен лишь в той редакции, которую сохранила летопись С. Есипова. Е. Н. Ромодановской удалось разыскать более ранний список этого памятника²². Он находится в сборнике поминаний, заведенном в начале XVII в. и пополнявшемся в те-

чение всего столетия. Синодик ермаковым казакам писан, по наблюдению Е. Н. Ромодановской, полууставом второй четверти XVII в. и помещен в конце основного текста Синодика²³.

Ранняя редакция Синодика, всего точнее передававшая «сказы» тобольских казаков, содержала указание на две решающие битвы, сокрушившие Кучумово «царство»: «И бысть с нимп (татарами.— *Р. С.*) первой бой... и на том деле убиенным Околу, Ивану, Карчиге, Богдану Брязге...»; «бысть бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день... убиенным Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею...»²⁴

Рядом с записью о битве на Абалаке в Синодике есть другая запись: «Ермакове и дружинне, безо опасения им идущим к рыбной ловле под Обалак декабря в 5 день... побиша на том деле Окула, Ивана, Карчигу, Богдана Брязгу и с их дружиною». Можно заметить, что в этой записи названы были те же самые имена, что и в записи о первом сражении. Обе записи не могли возникнуть одновременно, ибо создавалась абсурдная ситуация: есаула Богдана Брязгу и его товарищей поминали как умерших дважды; за смерть в бою им пели «вечную память большую», за гибель на рыбалке — «память малую». По-видимому, составители Синодика неоднократно обращались к тобольским ветеранам, и им не удалось примирить противоречия в показаниях последних.

Наличие двух версий о гибели Брязги вызвало сомнения у переписчиков Синодика, и они весьма своеобразно разрешили их. Уже в копии тобольского архиепископского дьяка С. Есипова 1636 г. запись о битве под Абалаком оказалась опущенной и оставлена одна запись о рыболовах. Копия 1636 г., включенная в состав летописи, имела чисто литературное значение, поскольку все имена убитых были в ней опущены.

Синодик, сохранившийся в составе летописи С. Есипова, нельзя рассматривать как испорченную копию раннего

текста Синодика ермаковым казакам. Внесенные изменения имели важное смысловое значение. Наибольшей переработке подверглись две записи — о сражении под Кашлыком и о последнем бое на Вагае:

Синодик ермаковым казакам

...и противник собращася... татареве во уречном месте, у реки Иртыша, на берегу под Чувашеем ...и бысть с ними первой бой октября в 26 день²⁵.

Ерминовская летопись

...и противник собращася во уречном месте у реки Иртыша на берегу под Чувашеем ...И бысть с ними бой велик октября в 23 день²⁶.

Из раннего Синодика, непосредственно отразившего воспоминания тобольских ветеранов, следует, что Ермак разгромил татар в первом сражении 26 октября и в тот же день занял их столицу. Неизвестный редактор вычеркнул из текста слова «первой бой» и заменил их привычным летописным штампом — «бой велик», а также исправил дату с 26 на 23 октября. По сравнению с ранним Синодиком поздний лучше согласовывался с данными «Краткого описания о земле Сибирской». Автор «Краткого описания...» не считал, что под Чувашеем произошло первое сражение между казаками и татарами. Прежде чем казаки вступили в Кашлык, утверждал он, им пришлось вести бой с татарами «по многи дни»²⁷.

Редактор подверг правке также и запись о смерти Ермака. По словам очевидцев, дружина Ермака спаслась бегством и лишь «иные» погибли вместе с предводителем. Редактор исключил из текста Синодика сведения о бегстве дружины и вставил фразу о поголовной гибели казаков: «... посланнем божиим уготовися час и прииде на воинов смерть и тамо вси казани быша...»²⁸ Летописцы дополнили этот текст словами: «токмо един казак утече», «един токмо утече»²⁹. Новая версия находила полную аналогию в «Кратком описании...»: татары казаков «сиящих без страп побн, точно еден казак от них утече...»³⁰

Тобольский архиепископский Синодик не является

единственным памятником, содержащим перечень имен погибших казаков. Известна краткая помпнальная запись ермаковцев, скопированная тобольским любителем истории И. Черепановым в XVIII в.³¹

Синодик

И бысть с ними первой бой
...и на том деле убиеным Околу,
Ивану, Каряге, Богдану Бряге...

...бысть бой с печестивыми под
Обалаком декабря в 5 день... уби-
еным Сергеем, Ивану, Андрею, Ти-
мофею...

...Ермакове и дружице, безо опа-
сения им идущим к рыбной ловле
под Обалак декабря в 5 день... по-
биша на том деле Окула, Ивана,
Карягу, Богдана Брягу и с их
дружиною...

...в хождении (к Назиму.— Р. С.)
Ермаковым товарищем отоману Ни-
ките, Тимофею, Ивану, Анаше, Ан-
цыфору, Ивану, Григорию, Андрею,
Алексею, Никону, Михаилу, Титу и,
Федору, Ивану, Артемия, Логяну.

...отомана Ивана Кольца, а с ним
40 человек товариства... Отоману Ива-
ну Колцу, Владимиру, Василью 2,
Лукьяну.

Августа в 6 день Якову, Роману,
Петру 2, Михаилу, Ивану, Ивану и
Ермаку³².

Помпнальный список И. Черепанова воспроизводит в основном те же имена, что и архиепископский Синодик. Но налицо также и некоторые расхождения. Составители черепановского списка соединили ряд имен (Тимофея 2, Ивана 3 и др.), поменяв местами некоторые из них. Кроме того, они вынесли имена атаманов в особый список, в котором упомянуты были, помимо Ермака, Ивана Кольца и Никиты Пана, также Яков Михайлов и Матвей Меще-

Список И. Черепанова

—

Сергея, Иоанна 3,
Андрея 3, Тимофея 2.

—

Иоакима, Иоакима,
Григория, Алексея, Ни-
копа, Михаилу, Тита,
Федора 2, Иоанна 2,
Артемия, Логяна.

Иоанна, Владимира,
Василия 2, Лукяна.

Иакова, Саввы, Пет-
ра 2³³.

ряк. В черепановском списке пазвапы рядовые казаки Иоаким и Савва, имена которых в архиепископском Синодике отсутствуют³⁴. В копии И. Черепанова нет имен Богдана Брязги и его сотоварищей — Окула, Ивана и Карчиги.

Возникновение второй редакции тобольского Синодика было тесно связано с летописными работами, которые проводились при архиепископском доме в Тобольске в 20—30-х гг. XVII в.

При патриархе Филарете официальная летопись называла Ермака и его казаков ворами и разбойниками. За разбой этих «волков» следовало повесить, и только бегство с Волги в Приуралье спасло их от виселицы. Такой была официальная точка зрения столицы, расходившаяся с мнением местных церковных властей в Сибири. Провинциальная точка зрения получила признание в Москве лишь через два года после смерти Филарета. В начале 1636 г. священный собор назначил архиепископом Сибири Нектария. Новый пастырь пользовался большим влиянием при дворе, и ему удалось добиться изменения официального взгляда на Ермака³⁵. 16 февраля священный собор «правильно по грамоте первому Нектария» установил «вселенские» поминания Ермака и его казаков. «И оттоле, — сообщают тобольские источники, — уставися и до нынешнего лета помяновение вселенское на Москве и зде в Тобольску»³⁶. В период между 1 апреля (время прибытия Нектария в Сибирь) и 1 сентября 1636 г. С. Есипов завершил работу над летописью, которая должна была закрепить новый взгляд на миссию ермаковых казаков в Сибири. За несколько месяцев он не мог начать и закончить обширное сочинение, на котором стоит его имя. Сам автор признался читателям, что он лишь «распространил» имевшуюся у него в руках более раннюю летопись, или «писанше»³⁷.

Использованная С. Есиповым ранняя летопись не сохранилась, но ее текст поддается реконструкции. Дело

в том, что наряду с есиповским сочинением имеется еще одна редакция того же памятника — Строгановская летопись. В итоге тщательного текстологического исследования С. В. Бахрушин показал, что обе летописные редакции — Есиповская и Строгановская — восходят к общему протографу³⁹. Наглядное представление об этом протографе дают приведенные ниже тексты с описанием генерального сражения под Кашлыком:

Строгановская летопись

И пачаша на городка на бой месяца октября в 23 день на память святого апостола Иякова... И вси вкупе яко единома усты глаголаху: «С нами бог!» и пак: «Господи, помози нам, рабом своим!» И пачаша приступати к засеке...

...и бысть с поганым брань велия; погани же пустиша стрелы тмочисленныя... крепко бьющися, дондеже друг друга за руки емлюще сечахуся⁴⁰.

Найденное в протографе краткое описание батальной сцены не удовлетворило ни С. Есипова, ни составителя Строгановской летописи. В результате каждый из них дополнил текст подробностями, заимствованными из разных литературных источников. С. Есипов целиком взял это описание из рассказа о битве между болгарами и византийцами, изложенного в Хронографе редакции 1512 г.:

Есиповская летопись

И пачаша приступати к засеке и бысть брань велия. Сии же алоратные мужие убиеше и дерзость свреподушную показаху и яко копейныя сулицы имеющие во утробах, пбо вооружихася собою

Есиповская летопись

Месяца же октября в 23 день вси рустии воины на городка на бой, воп глаголюще: «С нами бог». И пак и приложиши: «Боже, помози ми, рабом своим!» Начаша приступати к засеке...

...и бысть брань велия... погани же пустиша тмочисленныя стрелы... и бысть сеча ала, за руки емлюще сечахуся⁴⁰.

Хронограф 1512 г.

Пак и полки брани алоратныя, пак и мужа убиеша... и дерзость свреподушную варвары показаху и якоже (козлы), копейныя сулицы имеюще во утробе, убо вооружихася вой со обою страну, греческии

крепце и вси дыхающе гневом и яростию, оденни же железом и меднощитницы и копьеносцы и железострельцы. Состави же си брань от обою страну: поганци же пустиша тмочисленныя стрелы... и бысть сеча алая; за руки емлюще сечахуся...

Очерсталишася тогда кровля поля сущая ту, и послашася трупищи мертвец и блата собрашася от истекших кровей тогда...⁴¹

В результате редактирования текст ранней летописи оказался дополнен неуместными подробностями насчет полков с медными щитами и копьеносцев, заимствованными из истории древних византийцев.

Строгановский летописец использовал для пополнения протографа иные источники. Он ввел описание ночи перед битвой 23 октября и дополнял картину боя деталями из так называемой Повести 1626 г.:

Строгановская летопись

И уже ноци прошедши, святающе днени и солнцу просиявшу, просветися облак светлым блистаннем. Ермак же о деле своем зело печашеся... И пзыдоша из городка на бой месяца октября в 23 день.

По малу же времени поганци пачаша оскудевати в силе своей; бог же казацем на поганых победу дая, казацы же поля приобретают и одолевают их и безчисленно поганых побивают и от засеки отбиша...⁴²

и болгарскии, и вси убо дыхающе гневом ярости и брани и вси железом оденци, меднощитницы и копьеносцы и железострельницы и брань, губяща мужа, составися отогсюду и падение велне со обою страну воем...

Очерствяшася кровни поля Болгарьскии и послашася трупнем мертвец и блата собрашася всюду ото истекших кровей...⁴²

Повесть

Уже бо ноци прошедши, просиявшу солнцу, святающи днени, просветися облак светлым блистаннем, воевода же московского воинства князь Михайло Васильевич Шуйской повеле глас трубой дати.

Рострпгтно же воинство по малу оскудеваше и вдашася бегству; московци же народи поля обретают и усты меча гонят...

...поляце же поле обретают и усты меча гонят и безчисленно людей царевых побивают...⁴³

Текстологический анализ позволяет обнаружить, что и автор Строгановской летописи, и С. Есипов механически переписывали большие отрывки из имевшегося под руками общего источника, дополняя его вставками на различных сказаниях, летописей и хронографов.

Текстуальные совпадения двух летописных редакций дают возможность довольно точно реконструировать их протограф — ту более раннюю Тобольскую летопись, которую использовали и С. Есипов и строгановский придворный летописец. Ранняя летопись содержала тексты о царях Сибирской земли от Чингисхана до Кучума (Сибирские летописи, с. 17—19; 113—114), о прибытии Ермака на Туру и плеппи Таузака (с. 16, 126), строительстве татарамп засекп под Кашлыком, взятип казаками меда в улусе Карачи, вступлении в городок Атик-Мураы (с. 19, 20, 126—128); о битве 23 октября, бегстве Кучума и вступлении Ермака в Кашлык 26 октября; о помощи от Бояра (с. 20—26, 127—134), взятип в плен Маметкула, появлению Сейдяка и заятии казаками городов (с. 27—29, 138—142); о прибытии воеводы Семена Болховского (с. 31, 142), гибели Ивана Кольца (с. 33, 144), осаде Кашлыка Карачей и гибели Ермака 5 августа (с. 35—38, 147—149); о походе Ивана Мансурова, постройке пм Обского городка и осаде острога остякамп (с. 40, 151), об излиянии божьей благодати на Сибирскую землю (с. 44, 162).

В описании главных событий сибирской экспедиции автор ранней Тобольской летописи следовал второй редакции Сиподика ермаковым казакам, совпадавшей в некоторых пунктах с «Кратким описанием о земле Сибирской». Он парсовал красочную картинку четырех крупных сражений, будто бы предшествовавших падению Кашлыка.

Автор летописи, послужившей общим источником для Есиповской и Строгановской летописей, пересмотрел показания очевидцев в пользу поздней версии также и в другом решающем пункте — в рассказе о гибели Ермака.

Синодик

И додоша до Вагайского устья и обичовашес на перекопи...

...ужаснушася печестивых и в бегство приложившас, а инем на стенах побитым...⁴⁵

Строгановская летопись

...зело утрудившася от многого пути и дошедше до перекопа и обичовашеся ту

...и тако ту вси избени быша, един токмо утече⁴⁷.

Синодик, основанный на показаниях очевидцев, засвидетельствовал, что казаки, подвергшись нападению, бежали с поля боя. Автор ранней Тобольской летописи стал утверждать, вопреки показанию очевидцев, будто в последней стычке отряд Ермака был поголовно истреблен.

Ранняя Тобольская летопись подверглась литературной обработке, попав в руки С. Есипова и неизвестного автора Строгановской летописи.

Последний дополнил ее текст, сделав заимствования из упомянутой выше Повести 1626 г., посвященной событиям Смутного времени⁴⁸. Текстовые сопоставления показывают, что почти все развернутые описания боев ермаковой дружины, которыми строгановский летописец дополнил раннюю Тобольскую летопись, близки, часто дословно следуют описаниям этой знаменитой повести:

Строгановская летопись

Погапи же противу нашедших крепце и немилостивно пастуху на конех, копей-

Краткое описание

Ста почевати в пролеа и утрудившася велми стали спати и никого от них стражи не бысть.

...и Ермака и казаков спящих без страха побити, точною сдеи казак от них утече⁴⁸.

Протограф

Есиповская летопись

...утрудившеся от многого пути, додоша же до перекопи, ту обичовашася... стража же крепце не утвердиша.

...казакон же спящим... и побитша, токмо один казак утече⁴⁸.

Повесть 1626 г.

Поляци же противу нашедших жестоко и тяжко защищение предлагают, копейным

ным пораженнем и острыми стрелами казаков уязвляют велики...

...Ермак же о сем оскорбился много зело и на гнев подавися, возъярися сердцем велики и повеле дружине своей препоясатися оружием...

...и брань опускают и ото обою страну друг на друга... наскачивают... и от смертных пораженньи падают трупия мертвых ото обою стран. Уже бо ношней тме нашедши и брань преста...

...Время же бо наста яко в полунощи... погани ж яко неисто дышуще, готовяшеся на пролитие крови...⁵⁰

Можно заметить совершенно различную манеру переработки текста у С. Есипова и автора Строгановской летописи. Если первый механически переписывает большие отрывки текста, то второй в аналогичной ситуации непременно видоизменяет текст. Замечательно, что автор Строгановской летописи дополнил раннюю Тобольскую летопись картинами природы, набросанными яркими штрихами и весьма сходными с аналогичными картинами Повести:

Строгановская летопись

И по сем убо зимняя година прюде, мразу и студени облегчавашу от солнечных теп-

пораженнем и вострыми саблями смертне москвич и немец уязвляют...

...Шуйской никакко о сей бывшей победе ужасеся и много подвижесе на гнев и разъярився зело о убийстве своих вои, отомщенне уповая последити, и повеле войску препоясатися бранным своим оружием...

...и тако брань смертную спускают... Со обою страну ополчение жестокое бысть: друг на друга направляюще коня своя и пораженнем смертоносным уязвляются... падают трупия мертвых сею и овами...

...нашедши почи, преста брань...

...падают трупие мертвых ото обою страну...

Поляцы же в пощи той нападоша на полки царева яко неистовственно дыхая пролития крови...⁶¹

Повесть 1626 г.

И зимняя година прюде, уже время бысть весны, студель уже совлечесе своих

лоты... И егда весне присневши и от теплоты воздуха снегу раставшу... тогда убо всяко животно веселящися и птицам прелетающим в та места плодов своих ради...⁵²

иньев, и мразу от своей жестости ослабевши и раставшу снегу...

...Уже зиме прошедши... и весна празнуется, время начинается веселити смертных, на воздухе светлостию блистающа, раставшу снегу... и отовсюду украшаются плоды земля, поют птицы сладким воспеванием⁵³.

Отметив факт «поразительного сходства в обоих произведениях картины природы, столь редких вообще в московской письменности», С. Ф. Платонов указал на невозможность в этом случае установить простое заимствование. «Напротив, — писал он, — неизбежно следует признать однородность творчества»⁵⁴.

Отметим еще один факт, который может иметь значение существенного аргумента. Последние строки летописи и заключительные стихи Повести совпадают:⁵⁵

Строгановская летопись

Сия словеса о сем переходят в конец сей повести, всяк бо чтый да разумеет и дело толпкие вещи не забывает⁵⁶.

Повесть 1626 г.

Первые стихи

Сему писанию конец предлагаем, а дела толпкия вещи во веки не забываем... словеса писанию переходят в конец.

Вторые стихи

Всяк бо чтый да разумеет, а дела толпкия вещи не забывает⁵⁷.

Приведенные отрывки подтверждают предположение о том, что в составлении Строгановской летописи и Повести 1626 г., возможно, участвовало одно и то же лицо. В числе наиболее вероятных авторов Повести в разное время называли московских писателей Ивана Катырева-Ростовского, Семена Шаховского и Ивана Хворостинина, а также тобольского сына боярского Сергея Кубасова⁵⁸.

В своих ранних работах С. Ф. Платонов обстоятельно доказывал, что автором Повести 1626 г. был князь И. Катырев-Ростовский⁵⁹. Открытие текстуальных совпадений в Повести и Строгановской летописи заставило его отказаться от такой атрибуции. С. Ф. Платонов оставил открытым вопрос о возможном авторе двух сходных сочинений⁶⁰.

Еще А. Н. Попов считал автором Повести 1626 г. Сергея Кубасова⁶¹. Ученица С. Ф. Платонова — А. М. Ставровиц приняла эту точку зрения и попыталась доказать, что тобольский сын боярский С. Кубасов был автором как Повести, так и Строгановской летописи⁶². Однако С. Ф. Платонов не согласился с нею, высказав веские сомнения. В доводах А. М. Ставровиц имеется очевидная хронологическая несообразность. Автор Повести 1626 г. описал события Смутного времени как очевидец. Следовательно, его сознательная жизнь протекала в первой половине XVII в. А между тем все известные факты биографии С. Кубасова относятся к 60—90-м гг. XVII в., иначе говоря он жил во второй половине.

Недавно М. В. Кукушкиной удалось разыскать новый список Повести 1626 г., заканчивающийся указанием на то, что «наложена бысть сия книжица летописная многогрешным в человецех Семеном Шаховским»⁶³. По мнению М. В. Кукушкиной, найденная запись окончательно разрешает вопросы, связанные с атрибуцией произведения. Тем не менее представляется, что находка нового списка не устраняет всех сомнений. Творчество С. Шаховского ждет своего исследователя⁶⁴. Известны две повести С. Шаховского (о царевиче Дмитрие и о Григории Отрепьеве), которые имеют много текстовых аналогий и совпадений с Повестью 1626 г., но отличаются от последней богословской риторикой и стилем. Нетрудно заметить, что описания природы, общие для Повести 1626 г. и Строгановской летописи, мало напоминают стиль сочинений, бесспорно принадлежащих перу С. Шаховского.

Что касается биографических данных о С. Шаховском, они допускают возможность его участия в работе над сибирскими летописями. В первый раз князь С. Шаховской попал в ссылку в Тобольск в 7130 (1621—1622) г. Как раз в то время в Тобольске по распоряжению Киприана велась работа по составлению Синодика ермаковым казакам и, может быть, равней Тобольской летописи. То, что между Киприаном и князем С. Шаховским сразу возникли определенные отношения, можно считать доказанным фактом. В соответствии с литературными нравами времени князь обратился к архиепископу с обширным посланием, называя Киприана «великий господине мой и учитель»⁹⁵.

В своих записках С. Шаховской утверждал, что, попав в Тобольск в 7130 г. он был «того же году пожалован, взят к Москве»⁹⁶. Второй раз С. Шаховской оказался в Сибири между 1628 и 1632 гг.: в автобиографии он упомянул о службе в Енисейске в 1628 г. и возвращении в Москву в 1632 г. При этом писатель ни словом не обмолвился о своей новой ссылке. Сибирская Книга записная позволяет восполнить этот пробел. В ней зафиксировано, что «в тех же годах был в Тобольску с Москвы в ссылке... князь Семен Харя (прозвище писателя.— Р. С.) да князь Иван Шаховские»⁹⁷.

Население Сибири было немногочисленным, и собственная летописная традиция только начинала складываться. С. Шаховской был заметной фигурой, и тобольские церковники могли обратиться к нему за помощью в своих литературных начинаниях. Такое предположение вполне правдоподобно. Однако пока нет никаких строгих доказательств причастности писателя к составлению и редактированию киприановского Синодика либо к работе над ранней Тобольской летописью.

На склоне лет, в 1647—1648 гг., С. Шаховскому довелось провести около двух лет в Соли Вычегодской — резиденции семьи Строгановых⁹⁸. Можно отметить одно многозначительное совпадение. Как раз в 30—40-х гг. XVII в.

Строгановы проявляли исключительный интерес к своим фамильным архивам. Они свезли в Соль Вычегодскую все документы, хранившиеся в их пермских, московских, ка-лужских и прочих вотчинных архивах, и провели большую работу по упорядочению собранных фондов. Каждый документ был снабжен ярлыком, в котором указывались дата его составления, наличие печати и подписей. «Позже, во второй половине XVII в., — пишет А. А. Введенский, — мы уже не замечаем такой тщательности в работе строгановских архивистов»⁶⁹. Конечно, отмеченное совпадение могло иметь и случайный характер⁷⁰.

Существенное значение для атрибуции Строгановской летописи имеют палеографические данные. В свое время А. И. Андреев отнес строгановскую рукопись (ГПБ, поступления 1939 г., № 13, скоропись XVII в.) ко второй половине XVII в. на том основании, что ее филигрань можно примерно датировать 30—50-ми гг. XVII в. и даже 1660 г.⁷¹ А. А. Введенский оспорил его наблюдения и сделал вывод, что водяной знак Строгановской летописи — кувшинчик с двумя ручками и литеры *РС* — тождествен филиграммам деловых грамот из Строгановского архива за 1610—1621 гг.⁷² «Если от выхода бумаги с фабрики до написания на ней текста в среднем проходит 25 лет, — писал А. А. Введенский, — то Строгановская летопись по филиграммам может быть датирована 30—40-ми годами XVII в.»⁷³ В. И. Сергеев установил полную тождественность водяного знака Строгановской летописи и филигрань печатной Трефологии 1636—1637 гг.⁷⁴

Итак, палеографические данные свидетельствуют в пользу предположения о сравнительно раннем происхождении Строгановской летописи. Они ведут к 30-м гг. XVII в., а не к 1647—1648 гг. (времени предполагаемой работы С. Шаховского над Строгановской летописью).

Подтверждение или опровержение гипотезы об участии С. Шаховского в составлении Строгановской летописи зависит от правильной атрибуции Повести 1626 г., что

может быть решено лишь при рассмотрении всего комплекса источников по истории Смуты. Подобная задача, однако, выходит далеко за рамки настоящего исследования.

Весьма интересным представляется вопрос о соотношении Строгановской летописи с другими сибирскими памятниками. Схема сибирского летописания, разработанная С. В. Бахрушиным, сохраняет свое значение до сих пор, хотя некоторые ее пункты и нуждаются в уточнении. С. В. Бахрушин считал, что «в основе трех известных нам древнейших памятников Сибирской истории — „Синодика“, „Строгановской“ и „Есиповской“ летописей — лежит один и тот же первоисточник», то «Написание», которое принесли казаки Киприану, когда он пожелал узнать от них, «как приидоша в Сибирь»⁷⁵. С. В. Бахрушин высказал предположение, что Казачье написание возникло не позднее конца XVI в. Однако это предположение не подтверждается фактами.

Казачье написание, или «списки», были записью воспоминаний тобольских ветеранов. Они, по точному указанию источника, содержали прежде всего имена ермаковцев, погибших во время сибирского похода. Отсюда следует, что казаки составили Написание по заказу Киприана, распорядившегося составить поминальный список ермаковцев. Иначе говоря, запись «речей» ветеранов была осуществлена не в конце XVI в., а в начале 20-х гг. XVII в.⁷⁶ С. В. Бахрушин отверг мнение, согласно которому составители Есиповской и Строгановской летописей воспользовались Синодиком, расширив и пополнив его текст. Один из главных аргументов исследователя сводился к тому, что «в синодике есть неудачные сокращения общего текста (Синодика и летописей.— Р. С.) и неувязки, которых нет в летописях», в частности, в рассказе о посланце Карачи к Ермаку фраза: «Ермак, по совету своего товариства, поверивша их печестивому и безверному шерстовацью и... опустивша» — грамматически неправи-

на, и в ней к подлежащему в единственном числе очень нескладно присоединены два сказуемых во множественном⁷⁷. В своих текстологических построениях С. В. Бахрушин использовал лишь тот список Синодика, который сохранился в составе Есиповской летописи 1636 г. и представлял, как установлено выше, вторую редакцию. Введение в паучный оборот Синодика ранней редакции существенно меняет картину⁷⁸.

Согласно этой редакции, текст, указанный С. В. Бахрушиным, не содержал ссылки на имя Ермака («И по приговору всего товариства, а повериша их печестивому безверному шерствованию»). Обращение к раннему тексту полностью устраняет несогласование, отмеченное С. В. Бахрушиным.

Итак, «списки» (или Казачьеписание) легли в основу Синодика, составленного в стенах Тобольского архиепископского дома. Там же возникла и ранняя Тобольская летопись. Авторы ее, по-видимому, не ограничились тем, что расширили текст Синодика. Они имели возможность обратиться за новыми сведениями к тем же самым ветеранам похода.

Произведя параллельное сравнение списка Синодика 1636 г. и летописей, С. В. Бахрушин доказал, что из двух редакций летописей — Есиповской и Строгановской — последняя ближе к тексту Синодика⁷⁹.

В ряде случаев Строгановский летописец более точно воспроизвел также и текст ранней Тобольской летописи. Например, придворный летописец Строгановых, работавший в Соли Вычегодской, по-видимому, сохранил заголовок ранней летописи, имевший явно тобольское происхождение: «О взятии Сибирския земли како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси подарова бог Сибирское государство обладати... и како просвети бог Сибирскую землю святым крещением и утверди в ней святительский престол архиепископию»⁸⁰. Заголовок ранней летописи возник, как видно,

еще до того, как Москва санкционировала поминовение Ермака в 1636 г.⁹¹ По этой причине одна из первых исторических повестей, посвященных прославленному покорителю Сибири, не называла его имени в заглавии. Не упоминала она также и имени Строгановых — по той причине, что концепция тобольского летописца попросту не оставляла места для этого. Сам бог призвал Ермака для очищения Сибирской земли от язычества, основание архиепископства увеичало дело, начатое казаками⁹².

Строгановский летописец в угоду своим покровителям заменил концепцию «призвания богом» прагматической концепцией призвания Ермака Строгановыми. Именно Строгановы послали «писания и дары» к волжским казакам, вызвали их на Урал, снабдили оружием и припасами и послали на Кучума. Именно их «промыслом» совершилось «очищение» всей Сибирской земли. Трудившийся в Соли Вычегодской летописец, однако, не привел заголовков в соответствии с выдвинутой им новой концепцией. По иронии судьбы имена Ермака и Строгановых так и не попали в заголовок Строгановской летописи.

Историки различным образом оценивали характер и степень достоверности летописи, составленной при дворе Строгановых. Так, С. В. Бахрушин, дав уничтожающую оценку сочинению С. Есипова, находил в приемах изложения строгановского летописца некую научность⁹³. Совсем иначе оценивал Строгановскую летопись А. И. Андреев, рассматривая ее как равный образец того сочинительства по истории Сибири, которое стало процветать в конце XVII в.⁹⁴

Значение Строгановской летописи определялось в первую очередь тем, что ее автор широко использовал раннюю Тобольскую летопись, а также подлинные документы архива Строгановых в Соли Вычегодской. Можно установить, однако, что придворный летописец во многих случаях подверг имевшийся у него материал тенденциозной обработке.

Стремясь возвеличить Строгановых и проводя мысль о службе Ермака пермским вотчинникам, летописец сочинил версию о том, что казаки сообщили о победе над Кучумом прежде всего своим «хозяевам», а те возвестили «вся по ряду царю». Царь Иван IV, утверждал придворный исторпограф Строгановых, на радостях будто бы осыпал их своими милостями «за их службу и раченье». Старшему Строганову — Семёну — будто бы «пожаловал города Солью Большою, еже есть на Волге, и Солью Малою и грамоту свою царскую на те места Семёну Строганову пожаловал»⁶⁵. Сведения о донесениях Ермака Строгановым и царской жалованной грамоте носят недостоверный характер⁶⁶.

В Есиповской летописи события описаны в их естественной последовательности: взяв Кашлык, казаки тотчас послали голцов в Москву, позже пленили Маметкула и совершили поход за ясаком. Составитель же Строгановской летописи сознательно перепутал последовательность событий и стал доказывать, будто казаки пленили Маметкула и лишь затем послали донесение Строгановым и царю о взятии Сибири.

В Строгановской летописи сведения об отписках Ермака Строгановым и царской жалованной грамоте на Соль Большую и Соль Малую носят характер неуместной вставки. Они помещены в главу с заголовком: «О буйстве и храбрости Ермакове и о взятии Назыма града и о убийнии Никиты Пана, волскаго атамана с его дружиною». В Есиповской летописи рассказ о гонцах на Русь изложен под соответствующим заголовком: «О послании ко царю к Москве с сеунчем»⁶⁷.

По сравнению со Строгановской летописью сочинение С. Есипова имело свои отличительные черты. В конце своего труда тобольский архиепископский дьяк сообщал, что он не только списал краткую летопись, составленную до него, но и дополнил ее на основании рассказов очевидцев: «Ино ж от достоверных муж испытах, иже очима

своими видеша и быша (в Сибири. — Р. С.) в те лета»⁹⁸. Дополнения С. Есипова (а их можно выделить, поскольку они отсутствуют как в протографе, так и в Строгановской летописи) проливают некоторый свет на вопрос, чьими показаниями пользовался летописец. Он подробно описал посылку Ермаком «сеунчем атамана и казаков» с отпиской в Москву, царское жалованье посланцам «деньгами и сукнами», торжественную встречу, которой царь Федор удостоил в Москве пленного Маметкула, жаловавше «деньгами и кормом и выходными сукнами» тем, кто привез Маметкула⁹⁹. Ермак послал в Москву Черкаса Александра и 25 казаков. Они вернулись в Сибирь уже после гибели Ермака. Вероятно, от этих участников первого посольства Ермака к Ивану IV С. Есипов и узнал подробности, приведенные выше. Тобольские документы упоминают о службе атамана Ивана Александра в Тобольске еще в 1638 г.¹⁰⁰ Сомнительно, чтобы в небольшом сибирском городе служили разом два казачьих атамана по имени Иван Александр. Если же верно то, что знаменитый сподвижник Ермака был жив в момент работы С. Есипова над летописью, тогда допустимо предположение, что именно он служил источником информации для местного летописца. Черкас Александр и его товарищи вернулись в Сибирь с воеводой В. Сукным. Соответственно в летописи С. Есипова находим данные о походе в Сибирь В. Сукна и основании им Тюмени¹⁰¹.

В Строгановской летописи подобные данные отсутствуют. Эта летопись повествует, будто Данила Чулков, явившийся на Иртыш, нашел Кашлык пустым и построил на его месте Тобольск¹⁰². С. Есипов более точен. По его словам, Д. Чулков основал городок «в 15 поприщах» от Кашлыка, где находился сибирский «царь» Сеид-хан со своим двором¹⁰³. Тобольский летописец приводит далее сведения о захвате Сеид-Хана на пиру в избе тобольского воеводы и о разгроме его свиты в 600 чел.¹⁰⁴ Скорее всего эти подробности С. Есипов узнал от Ч. Александра и тоболь-

ских ветеранов, служивших в Тобольске с Д. Чулковым.

Начиная с лета 1583 г. по весну 1586 г. Ч. Александров и 25 других ермаковцев находились в Москве. В изложении сибирских событий этого периода С. Есипов следовал протографу и не внес никаких уточнений в краткие известия о походе казаков к Назыму на Обь, об избивании всех казаков на Вагае и пр.

В литературе давно поставлен вопрос об «архиве» Ермака. В. И. Сергеев принял на веру сообщение «кунгурских» статей из «Истории» С. Ремезова о палачии в войске Ермака «полковых писарей»: «Видимо,— пишет В. И. Сергеев,— можно говорить о какой-то „канцелярии“ в дружине Ермака»⁹⁵. В полном соответствии с канцелярской практикой, казаки, по мнению В. И. Сергеева, все свои грамоты составляли непременно в двух экземплярах. Беловики были отосланы адресатам, а черновые «отписки» «оставались в казачьей среде и в какой-то части были, видимо, принесены в 1622 г. Киприану. Это-то „Написание“, очевидно, и явилось для него основанием к составлению сплюдника...»⁹⁶ Отписки Ермака к Строгановым, по утверждению В. И. Сергеева, хранились в вотчинном архиве Строгановых, откуда были извлечены и использованы летописцем. Поскольку архив сохранился и в нем невозможно отыскать никаких следов «отписок Ермака», В. И. Сергеев выдвинул еще одну гипотезу: «Документы о походе Ермака в середине XVIII в. собрал управляющий имением Строгановых П. С. Икосов... Не потому ли в архиве Строгановых и нет этих материалов?»⁹⁷.

Предположение о существовании казачьей «канцелярии», о составлении документов в двух экземплярах и как следствие — о сохранности двух параллельных архивов Ермака в XVII в. — полностью противоречит всему, что мы знаем о вольных казаках, об их образе жизни и трудной борьбе в Сибири. Казачьи отписки не могли сохраниться в Тобольске, основанном через два года после бегства казаков из Сибири.

В связи с поисками «архива» Ермака особого внимания заслуживает Погодинская летопись (ГИБ, ОР, Погод. собр., № 1604). Археографическая комиссия издала ее в качестве вторичной редакции Есиповской летописи. Подобная классификация не подвергалась сомнению в трудах С. В. Бахрушина и А. И. Андреева. В археографическом обзоре списков сибирских летописей Н. А. Дворецкая отметила, что эта летопись представляет собой «сокращенное изложение основной редакции Повести С. Есипова, с присоединением сведений из других, не дошедших до нас источников»⁹⁸. Е. И. Дергачева-Скоп назвала Погодинскую летопись одним из примеров «сокращения Есиповской летописи и переработки ее в 50—70-е годы XVII века»⁹⁹. Е. К. Ромодановская в специальном исследовании о раннем сибирском летописании рассматривала Погодинскую летопись как одну из редакций Есиповской.¹⁰⁰ В дальнейшем она изменила взгляд на соотношения названных летописей и сделала вывод о первичности Погодинской летописи. Окончательное мнение Е. К. Ромодановской сводится к тому, что «казак Черкас Александр мог быть официальным историкографом дружины Ермака, а Погодинскому летописцу... стоило бы называться „Летописью Черкаса Александра“»¹⁰¹.

Погодинская летопись занимает строго определенное место в той стемме сибирского летописания, которая была выработана в итоге многолетних исследований дореволюционных и советских историков. Признание первичности Погодинской летописи начисто разрушает эту стемму. Упустив из виду этот момент, Е. К. Ромодановская ограничилась частными текстологическими наблюдениями. С. Есипов положил в основу своего сочинения раннюю Тобольскую летопись, дополнив ее вставками из Хронографа 1512 г. Погодинская летопись воспроизвела текст Есиповской летописи вместе с указанными вставками, причем, и текст и вставки в ряде случаев даны с некото-

рыми сокращениями. Иначе говоря, Погодинская летопись никак не могла появиться раньше Есиповской.

Палеографические наблюдения над рукописью Погодинской летописи подтверждают предположение о ее позднем происхождении. Водяной знак рукописи (двуглавый орел с коронами) имеет черты сходства с филигранью (двуглавый орел без короны) киевского издания 1692 г. (ГИМ, ОПИ, Собр. Шапова, № 293).

Погодинская летопись давно обратила на себя внимание уникальными сведениями, отсутствующими как в Есиповской летописи, так и в любой другой сибирской летописи¹⁰². Для атрибуции памятника эти сведения имеют первостепенное значение. Прямые ссылки погодинского летописца на использованные или знакомые ему источники выдают в нем не казака, а, скорее, образованного княжника. Говоря о том, что Чингисхан происходил из простых людей и именовался Темир-Аксаком, летописец отметил: «Пишет про то ниде в московских летописех»¹⁰³. Высказывание подобного рода невозможно приписать Черкасу Александрову или любому другому участнику похода Ермака¹⁰⁴.

Весьма примечателен самый характер дополнительных сведений, приведенных в Погодинской летописи. Они ничем не напоминают запись личных наблюдений очевидцев. Но им чужды также и летописные штампы. По своему стилю погодинские дополнения как две капли воды походят на выдержки из деловых документов. Примером может служить воспроизведенная летописцем роспись отряда, посланного из Москвы в помощь Ермаку: «Государь послал воевод своих князя Семени Волконского да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева Глухова, а с ними казанских и свияжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто человек и иных ратных людей 100 человек»¹⁰⁵. Приведенная запись очень напоминает

выдержку из разрядных книг. Сибирские летописцы сообщали, что у С. Болховского в походе был только один помощник — голова И. Глухов, а С. Ремезов утверждал, будто его отряд насчитывал 500 чел.¹⁰⁶ Подлинные царские грамоты, однако, подтверждают достоверность погодинского Разряда. В 1584 г. царь Иван IV велел Строгановым готовить «под рать» Семена Болховского, Ивана Киреева и Ивана Глухова 15 стругов, каждый из которых должен был поднять по 20 чел. с запасом¹⁰⁷. Итак, С. Болховский в самом деле имел отряд в 300 чел., а его главным помощником в походе был голова И. Киреев, в полном соответствии с погодинскими данными.

В Погодинской летописи имеется прямое указание на использование автором приказных документов. «Три сына у Кучума, — записал летописец, — ... а как оне взяты, тому письмо есть в Посольском приказе...»¹⁰⁸ Как известно, именно Посольский приказ ведал Сибирью после присоединения ее к России. Неудивительно, что там автор Погодинской летописи и нашел столбцы, составленные по случаю «сибирского взятия». Если летописец имел доступ к подобного рода архивным делам, то отсюда следует, что он либо служил в Посольском приказе, либо по крайней мере принадлежал к московскому приказному миру.

Знакомство с приказными документами определило как редкую осведомленность автора Погодинской летописи, так и его специфические ошибки, имеющие весьма существенное значение для атрибуции памятника. По-видимому, в приказных документах летописец нашел указания на то, что Ермак послал к царю с «сеунчем» — вестью о победе казака Ч. Александрова. Далее он сделал выписку с обозначением пути из Зауралья и тут же сослался на то, что этим путем пришел из Сибири Ч. Александров. Документы не оставляли сомнений в том, что посланец Ермака не имел атаманского чина. Тржды

упомянул автор о нем и каждый раз называл не иначе, как «казак Черкас Александров». По Есиповской летописи, Ермак прислал в Москву некоего атамана. Составитель Погодинской летописи не сумел оценить противоречивые показания своих источников и механически соединил их. Списав текст Есиповской летописи, он осложнил его неловкой вставкой (вставка выделена квадратными скобками): «Ермак с товарищи послаша к государю... к Москве с сеуньчем атамана и казаков [тут же послан был казак Черкас Александров]»¹⁰⁹. Так, под пером летописца главным «сеунщиком» Ермака стал не Ч. Александров, а некий не названный по имени атаман. Ошибка повлекла за собой дальнейшие недоразумения.

Доверяя Есиповской летописи, автор переписал из нее рассказ о том, что царь Иван без задержки отпустил атамана и других «сеунщиков», из чего следовало, что они вернулись в Сибирь вместе с воеводой С. Болховским¹¹⁰. Летописец не заметил того, что это известие решительно расходилось с документальными данными. Составитель Погодинской летописи сделал следующую выписку из приказных дел: «В лето 7094 по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всея Руси указу придоша с Руси воеводы Василей Борпсов сын Сукин да Иван Мясной, с ними же многие русские люди и ермаковы казаки Черкас Александров с товарищи...»¹¹¹ Из документа следовало, что «сеунщики» были задержаны в Москве и смогли вернуться за Урал лишь после смерти Ермака. Осознав этот факт, летописец сделал в тексте многозначительную помету: «...и Ермак в тое пору убит, покамест сеунщики ездил к Москве»¹¹².

Твердо усвоив последовательность событий и исходя из ошибочного представления о том, что главным «сеунщиком» Ермака был некий безвестный атаман, а не Ч. Александров, автор сделал ложное заключение. Ермак, по его словам, погиб будто бы до прибытия в Сибирь «сеунщика»-атамана и первых подкреплений во главе

с воеводой С. Болховским. «Князь Семен Волконской пришел в Старую Сибирь,— записал он,—... а Ермак уже убит до князь Семенова приходу»¹¹³. Подобное утверждение решительно расходилось с показаниями всех прочих сибирских летописей, основанных непосредственно на показаниях очевидцев. Например, рапная Тобольская летопись сообщала, что С. Болховский умер в Кашлыке при жизни Ермака, затем произошло много других событий, прежде чем предводитель казаков погиб на Вагае. Здесь факты связаны между собой, как звенья одной цепи. В Погодинской летописи логическая концепция повествования разрушена ошибкой в определении времени смерти Ермака. Чтобы выправить положение, летописец трижды упомянул о гибели казачьего предводителя, но эти упоминания выглядят как затемняющие ход события и неуместные вставки¹¹⁴.

Привлечение новых документальных материалов позволяет объяснить противоречия в тексте Погодинской летописи. Подлинные прихода-расходные книги кремлевского Чудова монастыря сохранили запись от 12 февраля 1586 г. о крупном пожертвовании, которое сделал «сибирский отоман Иван Александров сын, а прозвище Черкас»¹¹⁵. Приведенная запись, во-первых, подтверждает достоверность уникальных сведений Погодинской летописи об участии Ч. Александрова в посольстве, присланном в Москву Ермаком и, во-вторых, дает возможность исправить ошибку погодинского летописца. Чудовские монахи назвали имена целого ряда «сибирских казаков», но лишь двух из них (Черкаса и Болдырю) они именовали атаманами. Вопреки утверждению Есиповской летописи все эти «сеунщики» Ермака не были отпущены Иваном IV в Сибирь. Власть держали их в Москве в течение трех лет. В феврале 1586 г. воевода В. Сукин готовился к трудному и опасному походу за Урал, и именно в это время посланцы Ермака сделали пожертвования в монастырь. Итак, «сеунщики» вернулись

в Сибирь не с С. Болховским в 1584 г., а с В. Сукиным в 1586 г. К тому времени Ермака в самом деле уже не было в живых.

Такова история оплбки погодинского летописца, которая никогда не была бы сделана, если бы автором летописи был Черкас Александров или любой другой очевидец событий. Грубый промах, допущенный летописцем, подтверждает предположение, что автором летописи был московский книжник, не всегда умевший осмыслить попавшие в его руки архивные документы. Пока книжник цитировал найденные в архиве дорожные росписи (роспись пути Ермака в Сибирь, расчет пути из Москвы в Сибирь в верстах и др.), его сведения были надежны¹¹⁰. Но когда он делал самостоятельные ремарки к тексту Есиповской летописи, то нередко допускал просчеты. Так, он следующим образом прокомментировал архивное известие о походе сибирского царевича Алея на пермские места: «Алей пришел войпой на Чюсовую, и в тое же поры прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарищи [пограбили на Волге государеву казну и погромили ногайских татар] и Чюсовой Сибирским повоевать не дали»¹¹¹. Фраза о грабеже государевой казны разрывает первоначальный связный текст. Она неуместна по смыслу и, по-видимому, отсутствовала в тексте документа. Участник похода никогда бы не упомянул о грабеже казны Ермаком, поскольку сведения такого рода носили легендарный характер.

В эпизоде гибели Ермака погодинский летописец упомянул о том, что атаман был «в паясыре тягче» и потому «утопе». О причине гибели Ермака писали такие поздние писатели, как Н. Венюков и С. Ремезов. В ранней тобольской летописной традиции сведений подобного рода нет¹¹².

Е. К. Ромодановская высказала предположение, что протографом Погодинского летописца было Казачьеписание, созданное около 1600—1601 гг.¹¹³ Однако строго ус-

тавовленные факты противоречат такому предположению. Казаки не имели обыкновения писать летописи. Начало сибирского летописания связано с местным архиепископским домом. Киприан велел разыскать и расспросить тобольских ветеранов о казаках, погибших в боях с «агарянами». Серьезные расхождения в воспоминаниях казаков (например, об обстоятельствах гибели Брязги) показывали, что под руками у них не было письменного источника и что этим старым по возрасту людям приходилось целиком полагаться на свою память. Написание никак не могло лечь в основу Погодинской летописи, поскольку уникальные известия этой летописи как раз отсутствуют и в Синодике ермаковым казакам и в ранней Тобольской летописи — двух памятниках, составленных непосредственно на основе «списков речей» тобольских ветеранов.

В. И. Сергеев обратил внимание на то, что текст царского послания Ермаку по Погодинской летописи почти дословно передает официальную Шертную грамоту¹²⁰. На основе этого Е. И. Ромодановская сделала вывод, что автор Погодинского летописца не только включил Шертную грамоту в состав своего сочинения, но и расширил ее текст перечнем всех кучумлян, побежденных Ермаком («и с его детьми с Алексеем да с Алтынаем да с Ышимом», «и брата царя Кучюмова Маметкула разбиша ж»)¹²¹. Обращение к подлинным документам Посольского приказа XVI в. позволяет прийти к заключению, что текст царской грамоты по Погодинскому летописцу носил первичный характер по отношению к тексту Шертной грамоты, сохранившейся в поздней копии. В 1585 г. дьяки Посольского приказа, в архиве которого хранилась царская грамота Ермаку и другие сибирские документы, составили следующую официальную справку о «сибирском взятии»: «И казаки государевы... Сибирское царство взяли, а сибирской царь Кучюм убежал в поле, ...и племянник Кучюмов Маметкул-царевич.. приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех людей... побили...»¹²² Таким обра-

зом, сведения о разгроме Маметкула отдельно от Кучума носили первичный характер, а не были сочинены и вставлены в текст царской грамоты погодивским летописцем.

Приведенные факты дают возможность заключить, что под руками у автора Погодипской летописи имелся наиболее полный текст царского послания Ермаку, содержащий ряд важных подробностей фактического порядка и отличающийся как от копии Шертной грамоты, так и от летописных пересказов.

Текст царского послания был составлен в степях Посольского приказа как ответ на письмо Ермака. В соответствии с твердо установленной традицией царская грамота начиналась с подробного пересказа обращения Ермака к царю: «...Писали Ермак с товарищи... (что.— Р. С.) ... его государевы люди атаман Ермак Тимофеев с товарищи... царство Сибирское взяша и многих иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели...». Ниже составители цитировали реляцию Ермака и казаков об их победах над сибирскими татарами. Разные списки передавали реляцию с неодинаковой полнотой:

**Погодипская
летопись**

Сибирского царя Кучюма и с его детьми с Алеем да с Алтылаем да с Ышпом и с его вой победил и брата царя Кучюмова царевича Маметкула разбил и, а иноязычных людей татар и остяков и вогулич привел к шерти по их верам¹²³.

Шертная грамота

Хана Кучюма победил и в бегство обратил, многих татар, остяков и вогуличей покорил его царского величества державе и к шерти их привел¹²⁴.

Есиповская летопись

Царя Кучюма и с вой его победил, под его царскую высокую руку привел многих живущих тамо иноземцев татар и остяков и вогулич и прочия лзыцы, и к шерти их по их вере привел многих...¹²⁵

В письме царю Ермак описал две свои победы: одну — над Кучумом и вторую — над Маметкулом. О дальнейшей судьбе Маметкула Ермак не упомянул по

той причине, что казаки пленили Кучумова племянника уже после отъезда гонца с письмом в Москву¹²⁶. Этот момент имеет чрезвычайно важное значение с точки зрения оценки так называемых отписок Ермака к Строгановым, приведенных в Строгановской летописи. Строгановский летописец изложил равные отписки Ермака Строгановым следующим образом: «...бог изволи убо одолети им Кучюма салтана и град его stolной взяти в Сибирской земле и сына его царевича Маметкула жива взяша». Затем казаки «писаше к Москве государю... о взятии града stolного Сибири и отогнании царя Кучюма и о ятии царевича Маметкула»¹²⁷. Автор Строгановской летописи, не зная того, что Ермак послал гонцов в Москву еще до пленения Маметкула, допустил грубую ошибку. А это значит, что в распоряжении летописца не было подлинных ермаковых отписок и что их текст он сочинил сам.

Итак, в составе Погодинского списка сохранились выписки из подлинных документов Посольского приказа, непосредственно относящихся к сибирской экспедиции. Реконструкция «архива» Ермака имеет исключительное значение для установления достоверных фактов и исследования истории экспедиции в целом.

Среди источников по ранней истории Сибири особое место занимает сочинение известного русского картографа и географа С. У. Ремезова «История Сибирская». Это произведение содержит истинные уникальные сведения о походе Ермака и обстоятельствах «сибирского взятия». Работы С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, Е. И. Дергачевой-Ском, Л. А. Гольдешберга положили начало изучению «Истории Сибирской» в источниковедческом плане¹²⁸, однако исследование ее еще далеко от завершения. Чтобы выяснить степень достоверности этого памятника, надо заново исследовать вопрос об источниках и времени его составления.

Как показали А. И. Андреев и С. В. Бахрушин, при составлении «Истории Сибирской» С. Ремезов широко

использовал Есиповскую летопись. С. В. Бахрушин сделал важное открытие, указав на сложный состав произведения: в текст «Истории» (после завершения авторской работы над ним) были вклеены отдельные листы другой самостоятельной летописи, озаглавленной «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Кунгурская летопись, по мнению С. В. Бахрушина, была вставлена в текст «совершенно механически и легко может быть выделена из первоначального текста (ст. 5—8, 49—52, 73—80, 99—102)»¹²⁹.

Анализируя вопрос об источниках «Истории Сибирской», С. В. Бахрушин высказал предположение, что С. Ремезов дополнял использованную им Есиповскую летопись выписками из неизвестного нам литературного источника, отличавшегося богатством фактов. Из этого источника, согласно предположению С. В. Бахрушина, С. Ремезов почерпнул подробные сведения о сражении казаков с князьком Лабутой, о бое на Поганом озере и пр.¹³⁰ С. В. Бахрушин не заметил, что эти дополнения (о сражении с Лабутой и др.) С. Ремезов почерпнул не из неизвестного литературного источника, а как раз из Кунгурской летописи:

Кунгурская летопись

(70) 87 году... погребоша вверх по Тавде реке, воюя... Лабутана со княжцы... бишася и безвозвратно до Паченки, в ту великий бой бысть... наполниша трупом озеро, в то слово и дошле... Поганое¹³¹.

История Сибирская

Июли в 1 день того же году (7091) сядили восвать по Тавде: взял Лабутовский городок, князика Лабуту с богатством и Паченку и на Паченке бой великий бе, яко Поганое озеро наполни трупами¹³².

Аналогии можно обнаружить и в рассказе о начале похода Ермака:

Кунгурская летопись

Начало заворуя Ермака... в 7085-м п 6-м годех воевал и разбивал на Оке и Волге п на море суды и катар-

История Сибирская

Собрание вои в лето 7085 и 7 с Ермаком с Дову, с Волги п с Ерку,

ги, торговых караванов... хотя итти в Кызылбашин для своей власти з Донскими и Ендкими. И преже, и в те лета прочеся воровской слух его в Русии, в Казани и в Астрахане, и что кызылбашских послов пограбили... послан указ от великого государя со столником Иваном Мурашкивым... в Астрахань: где тех воров не застанет, тут пытать казнить и вешать¹³³.

В основном тексте «Истории Сибирской» отразились и другие сведения Кунгурской летописи, изложенные на вклеенных листах, например, подробности о переходе отрядом Ермака Уральских гор:

Кунгурская летопись

Ст. 5: ...обратя струги по Волге и по Каме вверх...

Ст. 6: ...взявши у Максима запас... и ружье... поидоша по Чюсовой вверх до Тагильского волока... тяжелые суда покинуша на Серебричке и легкие струги таскали через волок на Тагил реку¹³⁵.

С точки зрения текстологии «Истории Сибирской» вопрос о так называемой Кунгурской летописи имеет первостепенное значение. Почему С. Ремезов назвал дополнительные листы «Истории» Кунгурским летописцем? Очевидно, в их основу были положены какие-то материалы, обнаруженные в Кунгуре. В этой связи в литературе было высказано предположение, что С. Ремезов сделал находки скорее всего во время работ, которые он проводил вместе с сыном в Кунгуре и в округе в 1703 г.

Сопоставление текстов показывает, что поначалу С. Ремезов ограничился попыткой вставить в свой текст отдельные фрагменты из найденных им новых материалов. Фрагменты тщательно подгонялись к старому тексту, основанному на Есиповской летописи. Вот характерный

из Астрахани, из Казани вооруженно, разбише государевы казенные суды, послов и бухарцев на усть Волги реки и слыша посланных от царя с казнию...¹³⁴

История Сибирская

Ст. 11: Ермак побеже вверх по Волге и по Каме и... многие запасы у Строгановых, ружье в вожей взял и бежа по Чюсовой... до волоку в переволокли суды на Тагил... пшия же суды на волоку покинуша¹³⁶.

пример. Кунгурские листы подробно описывали поход есаула Брызги на Обь, во время которого казаки взяли город Самар, убили его князька, а правителем всей округи назначили своего союзника князя Алачей, которого отпустил из своего лагеря «честью». В Есиповской летописи С. Ремезов нашел лишь краткие сведения о том, что казаки «повоевали» многие городки по Иртышу и Оби и взяли городок Назим. В конце концов С. Ремезов отдал предпочтение этому «привычному» тексту Есиповской летописи, но дополнил его некоторыми деталями из Кунгурского летописца. Так на страницах «История» возник рассказ о том, как Ермак «воевал кодские городки, князей Алачевых с богатством взял и все городки Кодские и Назымский городок»¹³⁷. Известие Кунгурской летописи оказалось полностью искажено. Из союзника и вассала казаков (а таким он и был на самом деле: вассальное княжество, образованное казаками, существовало до середины XVII в.) Алачей превратился в их пленника.

Со временем С. Ремезов, по-видимому, изменил отношение к найденным или собранным новым материалам. И тогда он подробно изложил их на отдельных листах, снабдив заголовком «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Избранный заголовок мог создать впечатление, что историк лишь скопировал найденный им Летописец. Но факты разрушают подобное предположение. Прежде всего кунгурские листы были подготовлены для непосредственного включения в оригинальное сочинение. В соответствии с этим материал листов разбит на статьи с номерами, включенными в сплошную нумерацию статей «История». Вклеенные кунгурские листы оформлены совершенно так же, как и листы из основного текста. Каждая страничка разделена на две части и снабжена двумя рисунками. Оформление указывает на то, что С. Ремезов, по-видимому, склонен был рассматривать написанную его рукой «краткую летопись» наравне с прочим оригинальным текстом «История».

На вставных листах получили отражение сведения различного происхождения. Последние статьи (140—147), которые Е. К. Ромодановская без всяких оговорок приписывает автору Кунгурского летописца, носят чисто книжный характер¹³⁸. Они сообщают о победах Андрея Боголюбского над погапыми сиюю святой иконы, о вмешательстве святых в Мамаево побоище, о святом Якове и Савории Персидском и т. д.¹³⁹

Совсем иной характер носят первые статьи Кунгурского летописца. В этих статьях приведены сведения насчет «начала заворуя Ермака», когда атаман «разбивал» на Волге, пограбил персидских послов, из-за чего царь повелел его схватить. Тогда Ермак, «услышав грозное слово и дело», побежал «разбивать» в Сибирь¹⁴⁰. В приведенном рассказе очевидным образом отразились поздние фольклорные мотивы послеразинского периода. К концу XVII в. С. Разин приобрел огромную популярность, и сказители стали приписывать Ермаку подвиги разинцев (нападения на царские и купеческие суда, подготовка к персидскому походу и пр.).

Кунгурская летопись сохранила известие о том, что ермаковы казаки на пути к Уральским горам по ошибке свернули с Чусовой на Сылву и зазимовали там в районе будущего Кунгура¹⁴¹. На Сылве располагались «ермаково городище» и старинная часовня, основание которой местные жители связывали с походом Ермака¹⁴². Предание насчет зимовки Ермака как раз и должно было объяснить, каким образом казаки «по ошибке» попали на Сылву.

В Приуралье сохранились предания о том, что царь Иван IV сделал Строгановым резкий выговор за посылку казаков в Сибирь. Предание следующим образом передавало содержание опальной грамоты Ивана IV к Максиму Строганову: «Мужик, помни, да как ты с таким великим и полномочным соседом ссоришь и какая несостоятельная спона меж нами учинится...»¹⁴³

Фольклорными мотивами пропкнуты записи о враж-

дебном столкновении ермаковых казаков со Строгановыми. Замечательно, что казаки бранят жадных купцов, используя почти те же выражения, что и царь. Согласно кунгурским листам, Иван Кольцо кричал Максиму Строганову: «О мужик, не знаешь ли ты и теперь мертв, возьмем ты и ростреляем по клоку, дан нам па расписку по имянном па струги поартельно 5000, по именов на всякого человека по 3 фунта пороху» и пр.¹⁴ Приведенные выше тексты, судя по их стилистическим особенностям (ссылка на «слово и дело», канцеляризмы типа «полномочный сосед» и т. д.), несут па себе печать фольклора, записаного в петровское время¹⁵.

Первые четыре статьи Кунгурской летописи тесно связаны с местными преданиями. Однако последующие статьи вставных листов содержали не приуральские, а исключительно сибирские известия, которые резко отличны от кунгурских. В основе их, по мнению ряда исследователей, лежали «сказы» ермаковых казаков. С. В. Бахрушин обратил внимание на фразу, оброненную летописцем при описании боя Брязги под Демаяном: «Егда же начахом приступати на косогор...»¹⁶ Повествование ведется от первого лица, а это, заключил С. В. Бахрушин, дает повод думать, что рассказ написан участником боя, если только это не описка или не сказочный оборот¹⁷. Наблюдение С. В. Бахрушина легло в основу исследования Е. И. Дергачевой-Скоп о так пазываемых «устных летописях», запечатлевших в себе рассказы участников «сибирского взятия» и сохранившихся в устном народном творчестве. Е. И. Дергачева-Скоп определяет Кунгурскую летопись как «казацкую летопись», возникшую в среде, окружавшей Ермака. «Подробности в изложении событий настолько реальны, — пишет исследовательница, — что не остается сомнений — рассказ ведут участники похода или очевидцы»¹⁸.

Предположение о том, что вольные казаки из окружения Ермака вели свою, «казацкую летопись», не подтвер-

ждено фактами. Какой же характер носили материалы, положенные С. Ремезовым в основу так называемых кунгурских листов? Ответить на этот вопрос достаточно трудно. Вероятно, кунгурские листы отразили устную традицию, сохранявшуюся в среде сибирских казаков. Время записи этих преданий пока не поддается точному определению.

По-видимому, С. Ремезов не только переписал попавшие к нему в руки материалы, но и пополнил их собственными известиями.

Ремезовы обосновались в Сибири в 20-х гг. XVII в., когда живы были еще некоторые ветераны похода Ермака. Сначала дед Моисей и отец Ульяп, а потом и сам Семен собирали ясак в тобольской округе, строили острожки, выполняли дипломатические поручения¹⁴⁹. Когда Семену минуло 18 лет, отец доставил в степь к Аблаку Тайше панцырь Ермака, а обратно привез запись «сказов» о Ермаке¹⁵⁰. Семен продолжал дело, начатое отцом.

Первый историограф Сибири проявлял устойчивый интерес к самым разнообразным источникам по истории, этнографии и географии своего края. В собственных сочинениях он неоднократно ссылался на архивные разыскания («в Приказной палате из книг выписано», «в Сибирском приказе выписано» и пр.), на записи «сказов» местных жителей («допрашивал... сторожилов, бывальцов и ведомцов про всякие урочища, остроги и волости»)¹⁵¹. Составляя чертежи земель по рекам Тоболу, Иртышу и Оби, С. Ремезов многократно помечал на своих картах места, связанные с походом Ермака («суда Ермаковы», «кладбище Ермаково», «Дуванпой луг — Ермак с казаки дуванили на нем» и пр.), а в некоторых случаях кратко записывал на карты сведения, почерпнутые из бесед со сторожильцами. Так, возле урочища Кулары на ремезовской карте помечено: «Куларской Иртыпака царя береговой воинской город». Помета на карте паходит полную аналогию в кунгурских «сказах», где о Куларах сказано:

«той опасной крайвой кучюмовской (городок) от калмык и во всем верху Иртыша крепче его нет»¹⁵².

В 80—90-х гг. XVII в. С. Ремезов объездил многие сибирские уезды в качестве ясащного сборщика. В тексте кунгурских листов можно обнаружить дашные, связанные с этой стороной его биографии. Так, описав поход Ермака на Тавду, автор отметил, что казаки впервые собрали там «хлеб в ясак», «и тот збор первое ясащной хлеб в Тоболску, и допыпе хлеб и деньги и куны — то вместе Ермакова прибору»¹⁵³. В этом замечании сказан был опыт С. Ремезова, служившего много лет ясащным сборщиком в тобольской округе.

В городище Тебедди татары пели песнь о победении там пяти ермаковых казаков. В тексте кунгурских листов можно найти запись этой песни: «И о тех пяти человеках, — эпащилось там, — татары поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: ярым, ярым, бишь казак, бишь казак, сиречь: воины, воины пять, пять человек победниша и разориша. А сия песнь их словот Царицын плач»¹⁵⁴. Сама форма записи песни-плача, указание на «беседу» позволяет высказать предположение, не сам ли С. Ремезов записал татарское предание при посещении Тебедди?

С. Ремезов имел возможность познакомиться с богатейшей устной традицией, сохранявшейся как татарским населением Сибири, так и, в особенности, тобольскими казаками. Ветераны «сибирского взятия» сошли со сцены, но живы были их сыновья и внуки, пользовавшиеся в Тобольске известностью и уважением.

В 1668 г. тобольский служилый человек Степан Карпов подал воеводам челобитную грамоту, в которой писал, что дед его Сергей Зиновьев прибыл в Сибирь сразу после того, как «Ермак Сибирь взял». Добиваясь зачисления на казачью службу, С. Карпов не называл деда ни вольным казаком, ни ермаковцем. Он утверждал, будто Зиновьев явился в Сибирь с «первым воеводой Дмитрием

Чулковым», что он и дальше нес «государеву службу». Но описанные им дальше службы не оставляют сомнения в том, что казак Сергей Зиповьев участвовал именно в экспедиции Ермака. «И был послан дед мой,— писал С. Карпов,— на Вашу государеву службу под Белогоре с служилыми людьми и Белогоре взяли и остяков под вашу великих государей высокую руку привели и ваш великих государей первый ясак взяли и после того дед мой Сергей на вашей государевой службе под Сырьянском Маметкула царевича взяли и на той вашей службе дед мой Сергей убит»¹⁵⁵. Указание на то, что в первом ясажном походе казаки достигли Белогорья на Оби, находит полную аналогию в одном из кунгурских «сказов», а в Сиподике ермаковым казакам можно прочесть имя казака Сергея, погибшего в сражении с Маметкулом¹⁵⁶.

В то время, как С. Карпов подал свою челобитную и приказную пазбу, С. Ремезову было 26 лет и он служил в Тобольске.

Собирая исторические сказы и предания, С. Ремезов имел возможность сопоставить их с фактами, накопленными при поездках по Сибири и картографировании мест, связанных с экспедицией Ермака. Это обстоятельство значительно повышало ценность собранного им фольклорного материала.

В кунгурских «сказах» упомянуты названия десятков городищ, урочищ, речек и озер. Замечательно, что эти наименования находят полную аналогию в «Хорографической чертежной книге», составленной С. Ремезовым в 1697 г. В Кунгурском летописце можно прочесть, что в дни похода на Пелым казаки прошли Калымскую волость (на карте — волость Калымска), Лабутану (волость Лабутинска), Паченку (р. Паченка), озеро Банное Поганое (Поганое), Кошуня (городок Кошунский), в Кошуне «поймали первого есаула» (на карте — деревня Есаулов), вышли через Чандырь (волость Чандырская) к городку Табаринца Бия (Табаре) и добрались до «пелымского княжца» (Пелым).

Во время последнего похода Ермака, завершившегося его гибелью, казаки, согласно кунгурским «сказам», проследовали через городок Бегипша (на карте — Бегишевы), Крянчики (Рянчиковы), Салах (Старый городок Саланский), Каурдак (Каурдыков острог), Тебендинский острог (Тебевди), устье Ишима, Кулнары (Куллар), Ташатканский городок (Ташаткан), Шиш-Тамав (Шиштамацкая), волость Туралпыцы (Туралпыцы), Агитский городок на Вагае (р. Агитка — приток Вагая) и пр. То же совпадение названий можно обнаружить при сопоставлении с картой «сказа» о походе Брязги на Обь¹⁵⁷.

Можно ли предположить, что С. Ремезов нашел в Кунгурской летописи наименования десятков географических пунктов — мелких деревень и городищ, рек, озер, которые сам он нанес на карту несколькими годами ранее? Такое предположение кажется невероятным. Возможность случайного совпадения следует исключить. Столь же невероятно, чтобы С. Ремезов составлял свои карты на основе Летописца, поскольку Летописец был найден после составления «Хорографической чертежной книги». Остается предположить, что знаменитый сибирский картограф сам включил хорошо известные ему названия разных пунктов и мест в найденную им краткую летопись.

Кунгурские «сказы» содержат множество ярких и правдоподобных подробностей насчет походов казаков в пределах Сибирского «царства». Некоторые из этих подробностей поддаются проверке. Отписка Ермака в Москву подтверждает, что казаки сразу после первого зимовья в итоге ясажных походов привели к присяге и обложили ясаком многих татар и хантов¹⁵⁸. Автор «сказа» о походе на Обь не только в мельчайших подробностях обозначил маршрут следования казаков, но и называет имена князьков — владельцев различных городков. Проверка имен по ясажным книгам начала XVII в. подтверждает их подлинность. Так, «князцом» в Белогорье «сказ» называет Самара¹⁵⁹. В 1609 г. в русских источниках фигурирует

его сын Таир Самаров в качестве князя Белогорья. По «сказу», казаки объявили «большим князем» на Оби Алачег. И действительно — до середины XVII в. на Оби княжили Игичей Алачегев и его дети. В рассказах С. Ремезова о походе на Пелым упоминалось, что казаки запыли волость «Лабутана со княжцы» и захватили там князька Лабуту «с богатством»¹⁰⁰. Семья «князя» Лабутана продолжала жить в волости в XVII в. Правда, вся эта «волость» тогда состояла всего из одной семьи Васыкн Лабутанова¹⁰¹. В дни похода на Кулары Ермак выдержал бой с воинами князя Бегиша. Реальность этого персонажа Кунгурской летописи подтверждается тобольскими документами начала XVII в., упоминающими о Келмамете — князе Бегишеве сыне¹⁰².

В кунгурских листах подробно описан обряд шертования хантских племен, камлание шаманов и пр. Все эти описания также находят точную аналогию в самых ранних русских документах о Сибири и в этнографических описаниях Сибири XVIII в.

Однако не все подробности «сказов» выдерживают критическую проверку. В частности, многие подробности «сказа» о ясаином походе Богдана Брязги очевидным образом расходятся с показаниями тобольских ветеранов, получившими отражение в Синодике ермаковым казакам. Тобольские казаки утверждали, что их поход на Обь к Назыму был кровопролитным. Согласно кунгурскому «сказу», за время похода Брязги на Обь в «Назымские городки» казаки не потеряли ни одного человека убитыми. По «сказам», руководителем ясаинного похода был Брязга. Однако, по Синодику, Брязга погиб за несколько месяцев до названного похода. Показания тобольских ветеранов в этом случае подтверждается данными из «архива» Ермака.

Наибольшим правдоподобием отличались, как уже отмечалось, географические и этнографические подробности «сказов», которые С. Ремезов мог проверить или почерп-

вуть из личного опыта, накопленного во время сбора ясака и картографирования сибирских мест. То, что находилось вне сферы его практического опыта и наблюдений, отличается, как правило, меньшей достоверностью. С. Ремезов не знал в точности, когда произошли два похода казаков (на Обь и на Пелым), подробнее всего описанные во вставных (купгурских) листах, и датировал эти походы дважды по-разному.

Первоначально С. Ремезов включил фрагмент купгурских «сказов» в текст «История». При этом он отнес два похода к одному и тому же 1583 (7091) г. Весной казаки вышли в поход на Обь, 20 июня вернулись из похода, а 1 июля Ермак выступил на Тавду и Пелым¹⁶³. На последних страницах «История» С. Ремезов вновь вернулся к этому сюжету, подвергнув переработке текст Синодика: «...в лето 89, июня и июля месяцев, воюющим вниз Иртыша по Оби, по Тавде, взяша Назымские и Кудские и Лабутинские городки, вечная память средняя»¹⁶⁴. Итак, ко времени окончания «История» С. Ремезов по-прежнему считал, что походы на Обь и Тавду продолжали друг друга по времени. Но теперь он произвольно изменил дату походов с 7091 на 7089 г.

На самой последней стадии работы при составлении купгурских листов С. Ремезов снова пересмотрел свои хронологические выкладки и вновь изменил даты. В «сказе» о Брязге он пометил, что казаки ходили на Обь с 5 марта до 29 мая 7090 г., когда тот и вернулся в «Сибирь град»¹⁶⁵. Поход же Ермака на Тавду и к Пелыму С. Ремезов отнес теперь ко времени с 1 августа по 8 ноября 7087 г.¹⁶⁶

В описании ясацкого похода на Обь (из купгурских листов) сказано, что казаки прибыли во владения князяка Самара и «в день недельный приплыша протокою под самый Самар»¹⁶⁷. Ниже в тексте обозначена дата появления казаков под Самаром — 20 мая. Эта дата не выдерживает критики. В 1583—1585 гг. 20 мая приходилось

соответственно на понедельник, среду и четверг, а не на воскресенье («день недельный», как обозначено в Кунгурской летописи).

«Точные» даты, которыми С. Ремезов снабдил текст «История» в купгурские листы, носят явно недостоверный характер.

Проведенное выше исследование текста «История» и его соотношения с текстом так называемого Кунгурского летописца позволяет перейти к рассмотрению вопроса о датировке и атрибуции памятника в целом.

Е. И. Дергачева-Скоп датировала «История», исходя из предположения о том, что в работе над этим сочинением участвовало сразу три поколения семьи Ремезовых — Ульян, его сын Семен и внук Леонтий. По ее мнению, «История» была написана до времени смерти Ульяна (1689—1690 гг.), когда внук Леонтий достиг пятнадцатилетнего возраста¹⁶⁹.

Автор специальной монографии о С. Ремезове Л. А. Гольденберг отверг предположение об участии в работе над «Историей» Ульяна Ремезова и отнес труд Семена Ремезова к 90-м гг. XVII в.¹⁷⁰ По мнению Л. А. Гольденберга, «История» возникла до времени поездки С. Ремезова в Кунгур в 1703 г., когда он разыскал Кунгурскую летопись¹⁷¹.

Приведенные выше данные об использовании Кунгурской летописи при работе над текстом «История» обнаруживают ошибочность предложенных датировок. С. Ремезов приступил к работе над своим основным сочинением в конце XVII в., но завершил его, без всякого сомнения, после 1703 г. Некоторые статьи «История» были написаны на той же бумаге, на которой печаталась книга «Артиллерия» в 1709 г.¹⁷¹

В заключительной статье «История» С. Ремезов обозначил имена авторов «литореей» из четырех букв — «ЛСУР». Е. И. Дергачева-Скоп расшифровала «литорею» как указание на имена Ульяна Ремезова, его сына Семен-

на и внука Леонтия. Однако эта «литорея» допускает различные толкования. Некоторые историки полагают, что на последней странице зашифрованы были имена Семена Ремезова, его родственников («природных»), т. е. сыновей Леонтия, Семена, Ивана, Петра и, возможно, племянника Афанасия¹⁷². Такая интерпретация «литорей» кажется более простой и удачной. Прочтение «литорей» имеет немаловажное значение для уточнения датировки сочинения. Монограмма с инициалами младших сыновей С. Ремезова (как авторов или владельцев «Истории») попала на страницы памятника, очевидно, после того, как они достигли совершеннолетия, а произошло это никак не ранее 1708—1711 г. «Литорея», таким образом, наводит на мысль, что работа над текстом «Истории» была завершена в сравнительно позднее время.

Процесс творчества С. Ремезова носил более сложный характер, нежели принято думать. Когда историк приступал к написанию произведения, он находился под сильным влиянием официальной традиции, прославлявшей подвиг Ермака во имя христианизации языческого сибирского края, и не только воспринял эту традицию, но и довел ее до крайних пределов. Один из читателей «Истории» очень точно уловил основную тенденцию и сочинил новый заголовок: «Житие Ермака как Сибирь взял с дружиною своею»¹⁷³. Ту же мысль выразил в XVIII в. тобольский любитель истории И. Л. Черепанов, заметивший, что С. Ремезов «имел немалое желание, чтоб Ермак когда-нибудь святым причтен был»¹⁷⁴. С. Ремезов старательно собрал и поместил на страницы «Истории» многочисленные церковные притчи о подвижниках-казаках, сочиненные после смерти Ермака. Одна из них гласила, что на Тоболе казаки приняты решение идти вперед «по явлению святителя Николы чудотворца». Согласно другому апокрифу, в трудный момент казачье знамя с ликом спасителя поднялось из струга и само собой пошло впереди по левому берегу Тобола, увлекая за собой отряд. Потом

явился в облаках бог с небесным воинством и не дал бусурманам стрелять в ермаковцев и т. д.¹⁷⁵ Житийными мотивами проникнут самый ранний слой в тексте «История». Однако обнаруживаются и более поздние слои, имевшие иную идейную направленность.

В «Истории» можно найти два «зачина». На самом первом листе своего сочинения С. Ремезов повествует о начале сибирского похода в церковном духе: «Великий господь бог... Ермаку Тимофееву сыну Поволскому даде силу, спех и храбрость... И в таковой храбрости Герман в дружине своей Ермаком прослы, ... воюя бусы по Хвалынскому морю, ... яко и царскую казну шарпал»¹⁷⁶. На втором листе автор вновь описал предысторию сибирского похода, на этот раз в чисто прозаическом стиле. Тут не было больше ссылок на бога, Ермак не именовался Германом Поволским, а дела его пазывались воровскими: «Собрании вои ... с Ермаком с Дону, с Волги и с Еику, из Астрахи, ис Казахи, ворующе, разбиша государевы казенные суды, послов и бухарцев на усть Волги реки...»¹⁷⁷.

Второй зачин «Истории» был составлен С. Ремезовым под влиянием обнаруженных им кунгурских источников¹⁷⁸. Тобольский историк ознакомился с ними в то время, когда первоначальный «житийный» текст «Истории» в основных чертах уже сложился. Новые источники очень мало подходили к избранному им жанру. Поэтому С. Ремезов, поначалу пытавшийся сохранить старый текст и приспособить к нему извлечения из вновь найденного источника, затем отказался от этих попыток. Так возник третий редакционный слой в тексте «Истории» — дополнительные (кунгурские) листы, в которых нет и намёка на христианские чудеса. Факты излагаются здесь в духе светской литературы. Имененные манеры прослеживаются даже во внешнем оформлении. Если иллюстрации к основному тексту напоминают тщательно отработанные миниатюры в традиционном условно-иконописном духе, то рисунки кунгурских листов — это беглые наброски, кото-

рые, однако, отличаются поразительной живостью и реализмом¹⁷⁹.

Л. А. Гольденберг обратил внимание на необычайное сходство почерка С. Ремезова в его «Служебной книге 1709—1710 гг.» и почерка вставленных листов (Кунгурской летописи). С. Ремезову было к тому времени почти 70 лет, и в его почерке прослеживались четко выраженные возрастные изменения¹⁸⁰.

Следует заметить, что кунгурские листы отразили не только возрастные изменения, но, что значительно более важно, перемены в идейных установках Ремезова.

Подведем краткие итоги. С. Ремезов приступил к составлению «Истории Сибирской» в конце XVII в. В то время он еще находился целиком под влиянием старой традиции в освещении похода Ермака, тщательно собирал и записывал притчи о «подвигах» казаков, их молитвах и постах, помощи со стороны святых и пр. Ознакомление с краткой Кунгурской летописью в 1703 г. побудило вернуться к работе над «Историей». Поначалу историк пытался сохранить старый текст и лишь приспособить к нему вновь найденный материал. Но после 1709—1710 гг. он отказался от подобных попыток и собственноручно заполнял вставные листы к «Истории», дав им заголовок «Летопись сибирская краткая Кунгурская». Новые веяния, связанные с петровскими преобразованиями, появление новых исторических сочинений, распространение рационалистических воззрений оказали решающее влияние на идейную эволюцию первого сибирского историкогеографа. В конце жизни С. Ремезов отдавал решительное предпочтение чисто светским по своему содержанию «сказкам» о походе Ермака, широко использовал свои записи фольклора, географические и этнографические наблюдения, сделанные во время картографирования сибирских мест, в которых действовал отряд Ермака. Преодоление церковно-квпжшюй традиции, бесспорно, повысило степень достоверности последнего редакционного слоя «Истории Сибирской».

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

Как совершилось «сибирское взятие»? На этот вопрос в разное время отвечали по-разному. Сравнительно рано возникла официальная концепция присоединения Сибири к России, которая фигурирует уже в посольских документах конца XVI—XVII в. Согласно заявлениям царских дипломатов, первую экспедицию организовала верховная власть, пославшая в Сибирь служилых казаков. Эта версия умалчивала о Ермаке и Строгановых. Другая концепция, появившаяся в конце XVII в. и вскоре получившая также официальный отклик, напротив, подчеркивала ведущую роль Строгановых. Существовала еще одна точка зрения, которая брала начало в народных сказаниях. В глазах народа главным и единственным героем «сибирского взятия» был вольный казак¹.

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО И ОСВОЕНИЕ ОКРАИН РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

История вольного казачества давно привлекала внимание исследователей. Дворянские историки рассматривали роль казачества в XVI в. главным образом сквозь призму событий Смутного времени, подчеркивая «мятежность» и «буйство» вольного казака². Представи-

теlev буржуазной исторпографии выдвинул в казаках воспителей анархического пачала, противостоявшего государственному. «Беглец из общества потому ли, что общественные условия ему не нравились, или потому, что общество преследовало его за нарушение наряда, казак, — утверждал С. М. Соловьев, — разумеется, не мог согласить своих интересов с интересами государства и беспрестанно действовал вопреки последним»³. По мнению С. М. Соловьева, казаки были людьми безземельными, бродячими, желавшими жить за счет общества, чужим трудом⁴.

Изучение фактов позволило В. О. Ключевскому уточнить представления о занятиях «бродячего и бездомного класса» — казачьей вольницы. То была беднота, писал В. О. Ключевский, люди отважные, с оружием в руках ходившие в степь «для рыбного и зверного промысла» и ввязывавшиеся в «хроническую мелкую борьбу» с татарами. Со временем казаки оторвались от пограничных русских укреплений и стали оседать военно-промысловыми артелями в открытой степи. Не имея возможности прокормиться промыслами, они стали гоняться «за походным заработком», проще — за грабежом и добычей⁵.

Вслед за С. М. Соловьевым В. О. Ключевский подчеркивал значение колонизации окраин для России. Тема колонизации получила дальнейшее освещение в работах Д. И. Багаля, Г. И. Перетяткевича, М. К. Любавского и других историков⁶. По мнению М. К. Любавского, «расселение по обширным диким пространствам надолго обрекло русский народ на примитивное промысловое земледельческое хозяйство... надолго парализовало развитие русской общественности»⁷.

С. Ф. Платонов трактовал историю заселения вольным казачеством южных окраин в рамках концепции С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Он подчеркивал, что масса гулящего люда, постоянно просачивавшегося через линию пограничных укреплений на окраины, пребывала до середины XVI в. в состоянии полного брожения. Казаки

искали себе пропитание охотой, рыболовством и бортничеством, но при этом держались на речных путях и шляхах с целью разбоя. В хаотическом брожении масса казачья легко переходила от разбоя к службе государству, от борьбы с «бусурманами» к насилию над своим же братом. Одно сознание свободы от тягла и принудительной службы, одна вражда к привилегированным высшим классам — «лихим боярам» объединяли толпы бродивших в степях казаков⁹.

В трудах советских исследователей история казачества получила новую трактовку. Подчеркивая роль народных масс в освоении окраин, они впервые связали колонизационные процессы с внутренним развитием феодального общества и классовой борьбой, показав, что казаки вовсе не были антиобщественными или анархическими элементами. Феодально зависимое население России стало покидать центральные уезды и массами стекаться на южные окраины по мере того, как в Центре усиливался податный гнет и крепостничество. В глубинах «дикого поля» беглое население оказывалось вне досягаемости крепостнического государства. Казаки не противостояли всем прочим сословиям России, а оставались частью тех самых низших слоев населения, выходцами из которых они и были.

Для реконструкции ранней истории казачества в XVI в. большое значение имеют труды Б. Д. Грекова, М. И. Тихомирова, В. И. Шункова, А. А. Преображенского, В. А. Голобуцкого, А. П. Пронштейна, А. А. Новосельского и др.⁹

Татарское пашествие смело с лица земли славянские поселения в степной полосе между Днепром и Волгой, в Тмутаракани и других пунктах Приазовья. Но пути в глубь степей не были забыты на Руси. Едва Золотая Орда утратила былое могущество и стала распадаться, русское население начало возвращаться в допские, приазовские и волжские степи. Медленное, по ощущаемому движе-

яне происходило на всем пространстве от Киева до Нижнего Новгорода.

Бескрайние степи были заняты редкими кочевьями ордынцев. Плодородные земли и обильные угодья манили русский люд в глубь «дикого поля». Выходцы из Руси небольшими ватажками отправлялись вниз по течению рек на промыслы, с паступлением холодов возвращались домой либо «полевали» в степях. На окраинах находили прибежище прежде всего те, кто искал спасения от тягла, давей и оброков. Они основывали свои зимовья все дальше к югу от пограничных крепостей и засек. Немногочисленные русские переселенцы очень часто присоединялись к татарским станицам, население которых по социальному облику мало чем отличалось от них самих: то были выходцы из татарских кочевий, беглые «черные» люди, рабы и прочие. Самы наименования, усвоенные вольным населением степей, — «казак», «есаул», «атаман» — были, бесспорно, татарского происхождения.

Этнический состав казачества был весьма пестрым. На первых порах преобладали татары из разных орд. В 1538 г. московские власти во время переговоров с Ногайской Ордой отметили, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят»¹⁰.

Вольные станицы пополнялись «изгоями» из самых разных мест. Но приток населения из славянских поселений очель скоро стал преобладающим: земледельческое население Руси было куда более многочисленным, нежели кочевое население степей. Дало себя знать также и быстрое развитие феодальных отношений и самодержавных форм власти в России, сопровождавшееся усилением гнета и насилия в отношении низов общества.

Число выходцев с русских «украин» умножалось из года в год. В 1546 г. путивльский воевода писал Ивану IV: «Ныне, государь, казаков на Поле много: и чер-

касцев, и княв, и твоих государевых, вышли, государь на Поле изо всех украин»¹¹.

Многие казаки уходили в степи, оставив дома семьи. Переждав в поле лхую годину, они возвращались к родным. Но с годами все больше беглых навсегда оставалось в станицах.

Поначалу станичники жались к «государевым украинным», но с годами уходили все дальше и дальше в «длкое поле».

В начале XVI в. турецкие послы возвращались из Москвы на родину через Старую Рязань. Московские власти строжайшим образом запретили местному населению — боярам, детям боярским, «лучшим» и средним и «черным» торговым людям и «сельским служилым людям» — провожать турок в поле на Дону. Рязанцы получили предписание павать для проводов «казаков рязанских десять человек, которые бы на Дону знали»¹².

В 1521 г. московские власти решили установить постоянные дипломатические отношения с Турцией и с этой целью обратились к казакам с вопросом о том, какие из степных путей могут быть использованы послами и где лучше всего устроить стацы для их встречи и провожания. В ходе переговоров с турками русские дипломаты ссылались на следующие показания казаков: «А здесь казаки великого князя сказывали, что Доном половина от Азова до украинны великого князя — Переволока». Из-за опасности нападения со стороны «больших людей» астраханцев, продолжали они, «тут сходится людем пелье, шпо бы быти съезду (встрече турецких, либо отпуску русских послов. — Р. С.) на Медведице, а на Медведице ближе к великого князя украинне, а крепко место добре Хоер, а ближе Медведицы к великого князя украинны»¹³.

Более полувека Казанское ханство находилось в вассальной зависимости от России. Мир на казанских границах облегчал русским продвижение из пределов Рязанщины на северные притоки Дона — Хоер и Медведицу. Хо-

пер далеко отстоял от порубежных русских крепостей, но казаки до того освоили эту реку, что называли ее вполне безопасным («кренким») для встречи послов местом. Нападения же «немирной» Астраханской Орды делали недоступной для казаков Переволоку между Волгой и Доном.

Положение решительно переменилось после падения Казанского и Астраханского ханств. Вольные казаки не только освоили волжские земли на Переволоке, но и проникли по Дону почти вплоть до турецкой крепости Азов. Русские послы доносили из Азова в 80-х гг. XVI в., что «на Дону и близко Азова живут казаки, все беглые люди: иные казаки тут и постарились живучи»¹⁴. Иначе говоря, к тому времени в казачьих станицах Нижнего Дона уже прожило жизнь поколение вольных русских людей. Примечательно, что тогда же, в 1584 г., московские власти проводили различие между «старыми» и «новыми» казаками и адресовали свои грамоты «донским атаманам и казакам старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова»¹⁵.

Объединение пришлых славянских и местных неславянских элементов в казачьих станицах облегчило вольным казакам установление мирных взаимоотношений с окружающим степным миром. Вольные татарские станичники издавна поддерживали связи с ближайшими городами и торговыми центрами Орды. Русское население станиц имело возможность более или менее регулярно подвозить хлеб и другие продукты из русских земель. Взамен казаки везли в ближайшие пограничные русские города рыбу и прочие продукты своих промыслов.

Жившие под Азовом донские казаки постоянно посещали пригородные базары. Характеризуя мирные отношения с казаками, турецкий султан писал в 1575 г.: «...а ведь ден Азов казаки и жил, а казаки ден Азовом жилв, о чем ден у них по ся место все было смирно»¹⁶.

Азовские власти и ордынская знать не прочь были

превратить казаков в своих подданных, но те оказывали вооруженное противодействие любым поползновениям такого рода. Постоянные столкновения между различными ордами, обстановка феодальной анархии, царившая на бывшей территории Золотой Орды, благоприятствовали их усилиям в отстаивании независимости.

Азов был крупнейшим невольничьим рынком в Восточном Причерноморье. Отсюда с давних пор русскими колонизаторами продавали по всему Востоку. Торговля русскими невольниками являлась одной из причин вражды казаков с азовцами. Царские дипломаты заявляли турецким властям в Константинополе, что «азовские люди и Казыева улуса и Дивеевых детей с крымскими и пагайскими людьми ходят на государевы окранны войною и многих русских людей емлют в полон и возят в Азов, и казаки, того не мога терпеть, на них приходят»¹⁷.

Военные успехи казачества нанесли сильный удар азовской работорговле. Отныне русский «полон», отбитый казаками, стал постоянным источником пополнения степных станций.

Москва исподволь поддерживала «малую» войну вольных казаков против татар. Но как только их действия приводили к дипломатическим осложнениям или наносили ущерб царской казне либо интересам союзников, власти отказывались нести за них какую бы то ни было ответственность и призывали ордынцев к истреблению «воровских» людей. Царские дипломаты спешили разъяснить, что «воровские» казаки не являются подданными царя и тот сам рад их казнить при первом удобном случае. Подобные официальные заявления нельзя принимать за чистую монету. Правдой в них было лишь то, что московские власти никогда не могли полностью подчинить себе вольные казачьи окранны.

В «диком поле» вольные казачьи общины основывали свои станицы либо на больших речных островках, либо на гористых берегах наподобие волжских Жигулей.

Колошисты промышляли дичь, ловили рыбу. Реки давали им не только пропитание, но и служили надежным укрытием. Легкие речные суда — струги — заменяли лошадей. Верхом на коне казаку трудно было ускользнуть от подвижных татарских отрядов, на струге же он был неуловим¹⁸.

Русское население имело давнюю земледельческую культуру. Покидая пески и суглилки, оно пахотило в степях червозем. Тем не менее русские переселенцы никогда не заводили пашню в своих станицах. Они знали: там, где будут возделанные поля, немедленно появятся феодальные дащпки. На русских «украинах» даже государевы крепости не могли спасти крестьянские поля от набегов кочевников. Среди же ордынских кочевий казак вообще не имел шансов вырастить и сохранить урожай. Речные промыслы и охота не могли дать переселенцам устойчивых средств к существованию. Нападения ордынцев првучили казаков к войне. Беглый люд был недостаточно вооружен. Но со временем война дала им необходимое оружие, а вместе с тем и дополнительный источник дохода.

В поисках добычи казаки предпринимали походы по морю к крымским и турецким берегам, собирались в вагаги и грабили проезжих купцов — ногайских, крымских, реже русских и английских.

Разбойные нападения казаков становились обычно предметом обсуждений для дипломатов и приобретали громкую известность. Но в жизни казачьих станиц они не играли первостепенной роли. Гораздо больше возможности открывала перед казаками военная служба в России. Там они получали хлебное жалованье, свинец и порох, без чего никогда бы не выстояли в борьбе с ордынцами. Отправляясь на Русь, казаки получали возможность видаться с родными. Из государевых походов они привозили львиную долю добычи, когда-нибудь попадавшей в их руки.

Московские власти употребляли всевозможные средства для того, чтобы привлечь казаков на постоянную военную службу. Их усилия давали определенные результаты. Гарнизоны пограничных крепостей непрерывно пополнялись за счет вольных казаков и лиц, поступивших на службу с посадов и из деревень. Чтобы удержать казаков на гарнизонной службе и одновременно избежать лишних расходов, власти нередко падалили их пашенными наделами. Со временем служилым казакам на пограничных южных крепостях вменили в обязанность пахать государеву десятинную пашню.

Вольные атаманы при переходе на царскую службу имели возможность получить поместье и более крупный денежный оклад¹⁹. Сословные перегородки еще не были жесткими и удачная служба позволяла атаманам перейти в разряд помещиков. Отныне путь к возвращению в старые зимовья был для них закрыт: «товарищество» отпосилось к ним как к отступникам.

Казаки выбирали атаманов из своей среды, собравшись на «круг». Правительство принуждено было считаться с их порядками и молчаливо призывало такое самоуправление.

Станичное население, обитавшее в «диком поле», в основном цепко держалось за вольную жизнь. Всякого рода беглые люди, пополнявшие станицы, не помышляли о возвращении к старым господам²⁰. По временам казаки со своими атаманами поступали «в пайм» — отправлялись в походы с царскими воеводами. Казна платила им деньги, пока они непосредственно участвовали в военных действиях. Едва поход заканчивался, казаки возвращались в свои зимовья.

В конце 40-х гг. XVI в. началась война Русского государства с Казанским ханством, сыгравшая особую роль в истории казачества. С первых лет этой войны оно выступило в качестве естественного союзника России.

Первые сведения о нападениях донских казаков на

крымские улусы относятся к началу 1549 г. Московские дипломаты сообщили ногайцам, что царь поднял доиских и путивльских казаков «недружбу царю (Крымскому хану. — Р. С.) делати»²¹.

Казачьи станицы, окрепшие к тому времени, приняли участие в войне с татарами на широком пространстве от Крыма до Астрахани. Царский посланник в Ногайской Орде доносил в Москву, будто выступление казаков произвело сильное впечатление на властителей Османской империи. Султан будто бы жаловался ногайцам на то, что принужден терпеть от царя Ивана великую обиду: царь «ноле де все, да и реки у меня поотымал, да и Дон от меня отнял... поотымал всю волю в Озове: казаки его с Озова оброк емлют, и воды из Дона пить не дадут; а крымскому де царю потому ж обиды чпят великие, какую де сорому казаки крымскому царю учинили — пришед, Перекоп воевали; да казаки Астрахань взяли...»²².

Информация русского посла относительно «речей» султана не отличалась большой достоверностью. Сведения об успехах казаков под Перекопом, Астраханью, на Дону были явно преувеличены. Вовсе неправдоподобным кажется обещание султана учинить ногайского князя Иманла «царем» на Азове в случае, если тот «пособит» городу оборониться от «царя Ивана казаков». Как бы то ни было, турки и татары имели некоторые основания для беспокойства.

Вольные и служилые казаки сыграли немалую роль в последующих военных действиях против Крыма, Кавказа, Астрахани, а также против турецких крепостей в Причерноморье.

По крайней мере 2500 пеших казаков штурмовали Казань в 1552 г.²³ Во время похода на Астрахань атаман Федор Павлов, присоединившись к отряду стрельцов, оборонял «перевозы» на Волге от ногайцев, чтобы помешать им прийти на помощь астраханцам²⁴. Одновременно волжские казаки, зная все речные и сухопутные до-

рог в Поволжье, вели русские полки к Астрахани в качестве «вожей».

Астраханский хан Дервиш-Али, призвавший себя вассалом царя, в начале 1556 г. порвал с Москвой и изгнал воеводу Л. Магсурова с Переволоки. Воевода отступил и укрылся у вольных казаков в их городке Зимьево. Царь немедленно выслал поем на Астрахань атамана Ляпуна Филимонова с 500 казаками, а затем Ивана Черемисинова со стрельцами и Михаила Колупаева с казаками²⁵. Крымский хан поспешил прислать в Астрахань 300 янычар, артиллерию и конницу. Но даже с помощью крымцев Дервиш-Али не смог одолеть казаков. Летом атаман Филимопов попал на его улусы и разгромил их. Захваченных в бою крымских мура казаки прислали в Москву²⁶. Дервиш-Али бежал из Астрахани, куда вскоре вступили государевы ратные люди и атаман казачий Архипко²⁷.

Чтобы успокоить своих союзников в Ногайской Орде, царские дипломаты сообщили им, что царь поставил на Волгу «казачков добрых вам на береженье, в которых воровства нет»²⁸. Весной 1557 г. Посольский приказ обратился к погайцам с новым разъяснением. Московские гошды заявили, что государь решил поставить на Волге отряды Степана Кобелева и Ляпуна Филимонова, «а велел с Волги казаков всех сослать»²⁹. Воеводы расставили караулы на главнейших волжских перевозах. Атаман Филимопов расположился на Переволоке, перекрыв пути с Волги на Дон. Сотня стрельцов водворилась на Иргизе.

Царские дипломаты считали Ляпуна Филимонова служилым человеком. Вольным казакам это было не по праву. Они не привыкли быть под командой атаманов, присягнувших на верность государю. И позже, при царе Михаиле в XVII в., донские казаки отказывались присягнуть царскому правительству, ссылаясь на времена Грозного. «В которые время царь Иван стоял под Казанью, — говорили они, — и по его государеву указу отоманы казаки выходили а Дону и с Волги и с Янка и с Терека:

отоман Сусар Федоров и многие отоманы казаки яму государю под Казанью служили не за крестным целовашьем»³⁰.

Намерение царского правительства использовать услуги Ляпуна Филимонова и других «добрых» казаков, чтобы сослать с Волги вольницу, имело трагический исход. Станичные казаки призвали Л. Филимонова в свой лагерь, уверив его, что «служат государю же». Когда атаман явился, казаки собрали «круг» и по приговору всего товарищества казнили его. Одновременно они напали на государевы суда под Астраханью³¹. Попытка царских властей подчинить своему контролю казачьи земли не удалась.

Война между Россией и Крымом тем временем приобретала все больший размах, и в этой войне царские воеводы часто использовали помощь вольных казаков. Воевода Данила Чулков в 1556 г. отправился в поле на Дон и разгромил близ Азова отряд в 200 крымцев. Тогда же отряд дьяка Ржевского предпринял поход против татар в Поднепровье. Едва русские ратные люди показались на Днепре, к ним тотчас присоединился черкасский атаман из Канева Михайл Еськович с отрядом в 300 казаков. Ржевский сжег предместья турецкой крепости Очаков и нанес поражение крымцам. Его наступление поддержал атаман Михайл Черкашенин с допскими казаками. Черкашенин спустился по р. Кальмус в Азовское море и напал на крымские улусы в окрестностях Керчи³².

Победа над крымцами воодушевила украинских казаков. Вслед за каневскими атаманами на сторону русских перешел православный магнат князь Дмитрий Вишневецкий, бывший в Каневе старостой. Несколько месяцев спустя после похода Ржевского атаман Михайла Еськович привез в Москву весть о том, что Вишневецкий выстроил укрепления на Хортицком острове у Конских вод и объявил о переходе на царскую службу³³. Принужденный покинуть Хортицу под натиском турок и татар, Вишне-

вещкий «засел» в Черкасах и Каневе и предложил Ивану IV принять эти города под свое покровительство. Грозный не желал парушать перемирие с Польско-Литовским государством и пригласил Вишневецкого в Москву на государеву службу³⁴.

В 1558—1559 гг. отряды московских ратных людей и казаков совершили новые походы на Дон и Днепр, с тем чтобы предупредить крымское вторжение в пределы России. В 1559 г. воевода Дашила Адашев с речной флотилией вышел из устья Днепра и направился к Кибуринской косе, а оттуда на Перекоп. Несколько недель флотилия ходила у берегов Крыма, наводя страх на татар и совершая нападения на прибрежные улусы. Адашев освободил из плена много русских невольников и с большой добычей благополучно вернулся в казачью «засеку» на Монастырский остров³⁵. Одновременно Вишневецкий с казаками рассеял небольшой отряд крымцев на р. Айдар близ Азова³⁶.

В 1561 г. Вишневецкий громил крымские кочевья в Поднепровье³⁷. Год спустя он отправился в новый поход на Днепр. На этот раз с ним были 300 его ратных людей, «московский» казачий атаман Водопьян с его «прибором» — 150 донскими и волжскими казаками с «дикого поля», а также 400 каневских казаков с атаманами. В этом походе Вишневецкий изменил царю и вернулся на королевскую службу. Но украинские казаки не последовали его примеру. Атаманы Сава Балыкчей Черников, Михаил Алексеев, Федька Ялец, Ивашка Пирог Подолянин, Ивашка Бровка, Федя Яковлев со всеми черкасами ушли в Москву³⁸.

В годы Казанской войны вольные казаки, принимаясь на государеву службу, сражались неподалеку от своих зимовий. В период Ливонской войны волжские и донские атаманы несли службу в самых различных местах обширного государства — в Подмосковье, на литовских рубежах и прибалтийских землях.

В штурме Полоцка в 1563 г. участвовало до 6 тыс. служилых и вольных казаков³⁹. В дни нападения Крымской Орды на Москву в 1572 г. царь смог собрать 20-тысячную армию. Значительную часть ее составляли казаки служилые (1300 пехих и 500 конных с пищалями) и вольные (Миша Черкашенин с отрядом; тысяча казаков, пятых казной, и тысяча казаков, пятых Строгановыми)⁴⁰.

В годы Ливонской войны донские, волжские и запорожские казаки выдвинули из своей среды ряд видных атаманов, получивших известность благодаря службе в русской армии. Одним из них был М. Черкашенин. Его имя упоминалось в русских летописях и записях Разрядного приказа довольно часто. В 1559 г. М. Черкашенин со своей станицей разгромил крымцев в верховьях Северного Донца и прислал четырех пленных в Москву⁴¹. В 1570 г. он с атаманами и казаками охранял царского посла И. Новосильцева во время следования его в «дикое поле» от Рыльска до Азова. За службу казаки получили «государево жалованье: деньги, и сукна, и селитру, и свинец»⁴². В 1572 г. Черкашенин со своим отрядом, численность которого не была точно известна московскому Разрядному приказу, принял участие в грандиозном сражении с Крымской Ордой под Москвой. Когда крымские татары захватили в плен сына Михаила Черкашенина Данилу, атаман предпринял отчаянный шаг для его спасения. Собрав донских казаков, он разгромил посад Тапракалов в Азове и взял в плен 20 «лучших людей», в их числе шурина турецкого султана Севна, и много других воинов. Вслед за тем атаман дал знать турецкому паше, что отдаст всех пленных в обмен на своего сына. Крымский хан велел казнить Данилу. Султан, узнав об этом, сделал выговор своему вассалу: «Ныпече деи ты меж казаков и Азова великую кровь ушибил»⁴³. Нападения донцов на турецкую крепость в самом деле участились⁴⁴.

Одновременно усилился натиск запорожских казаков

на турецкую крепость Ислам-Кирмечь, заграждавшую выход по Днепру в Черное море. В 1575 г. в Крыму стало известно о том, что запорожцы готовятся напасть на Ислам-Кирмечь и что с ними придут на Днепр 4 тыс. «московских казаков». Готовясь к совместным действиям против Крыма, Иван IV в 1576 г. приказал послать в Запорожье денежную казну («казакам всем по три рубли денег на человека, а пшым по четыре рубли добрым казакам да по зпцуу»), хлебное жалованье («по три четверти запасу на человека»), порох и другие припасы. Царский посланник заверил гетмана запорожцев, что на помощь к нему придут «государевых казаков шесть тысяч». И в самом деле, весной 1576 г. на Днепре появились большие отряды вольных донских и московских служилых казаков. Совместные действия запорожцев и прибывших к ним на помощь отрядов завершились внушительной победой: крепость Ислам-Кирмечь была взята и разрушена⁴⁵.

Сокрушение Казанского и Астраханского ханств в Поволжье и появление русских отрядов в Приазовье и на подступах к Крыму создали благоприятную ситуацию для вольного русского населения в глубинах «дикого поля». Успехи русского оружия ускорили формирование вольных казачьих общин в бассейне Дона, Волги и Яика. Совместные боевые действия упрочили братство русских казаков с запорожцами и «черкасами» — украинскими казаками.

Важным рубежом в истории вольного казачества стало «великое разорение» 70—80-х гг. XVI в. Стихийные бедствия, чума, податной гнет, тяготы военного времени привели к тому, что города и деревни обезлюдели. Спасая жизнь, многие крестьяне, посадские люди, холопы бежали на южные окраины государства и в «дикое поле»⁴⁶. Множившиеся на почве разорения социальные конфликты и появившиеся на окраинах массы беглых людей привели к тому, что «воровские» и разбойные выступления казаков участились.

В мае 1572 г. отряд в 150 казаков напал на английский корабль, который возвращался из путешествия в Персию и стоял на якоре близ устья Волги. Англичане, по их словам, убили и ранили почти треть нававших на них людей, но отбить их яростный натиск так и не смогли. Капитан и команда сдали корабль с грузом и были отпущены в Астрахань. Царские воеводы догнали и разгромили отряд «воровских» казаков. Многие из тех, кто участвовал в нападении на англичан, полатились жизнью⁴⁷.

В 1579 г. русские дипломаты заявили крымскому хану, что по царскому указу «не велено никого на Дон пропускать, и с Дону казака никакова пущать не велено. А кого изымут на украине и тех казнят смертью»⁴⁸. Это заявление было полуправдой. На самом деле царское правительство проводило в отношении казаков двойственную политику. Остро нуждаясь в воинских контигентах, оно по-прежнему привлекало их на государеву службу, снабжало порохом и свинцом. В обстановке военных поражений крепостническое государство волей-неволей делало существенные уступки казачьим окраинам, разрешая, например, «новым» казакам — вчерашним беглым людям — служить в полках наравне со «старыми» казаками. За два десятилетия до Крестьянской войны правительство еще могло рассчитывать на лояльность казаков. Известно, например, что в 1589 г. на Волге действовало два «воровских» отряда. В одном было 100 «черкас», в другом — 150 «черкас» и казаков. В то же самое время царские воеводы цычали для участия в походе до 1000 волжских и до 500 яицких казаков⁴⁹.

Жалую казаков за службу, власти одновременно жестоко подавляли любые проявления недовольства, отправляя на виселицу и в тюрьму «воровских» казаков. Царские войска появились во многих пунктах Нижнего Поволжья. Как писал в 1579 г. англичанин Х. Барро, «на острове, называемом Царицыным, русский царь держит

в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый татарским словом «караул». Между этим местом и Астраханью есть еще 5 караулов, или сторожевых отрядов»⁵⁰.

С тех пор, как Ливонская война стала приобретать неблагоприятный для России оборот, правительство отказалось от активной восточной политики. Отряды русских ратных людей перестали появляться под Азовом и у Перекопа. На судьбы вольного казачества это оказало двойное влияние. Власти не пытались более подчинить себе дальние казачьи окраины. На Дону, на Яике и в прочих отдаленных местах беглый люд пользовался полной безопасностью, находясь вне досягаемости царской администрации. Но одновременно казаки оказались лицом к лицу с усилившимся натиском со стороны ногайцев, крымцев и азовцев. Татары громили казачьи станицы, пленных продавали в рабство. Однако русское население уже пустило в «диком поле» глубокие корни, ему удалось выстоять и на этот раз.

Казачье население стало более многочисленным, и на вольных окраинах возникли первые небольшие городки⁵¹. В конце 60-х гг. XVI в. московский дворянин Семен Мальцев видел на Нижней Волге два казачьих городка⁵². В документах середины 80-х гг. появились первые точные упоминания о казачьих городках на Дону⁵³. Сразу же вслед за тем казаки основали свой первый укрепленный городок на Яике. Ногайский князь Урус пожаловался тогда царю, что «в ту пору, пришед на Яик, казаков с 6 сот и с 7 сот, поставил город большой и с того города нам много лиха починили»⁵⁴. В начале 90-х гг. в русских дипломатических документах упоминались уже четыре казачьих городка в Донской земле: близ Азова, «на Мапыче, да в Черкаской и в Раздорех»⁵⁵.

Вольные казаки ранее всего освоили земли в Нижнем Поволжье. Но с тех пор, как здесь появились в большом числе царские караулы, многим пришлось перебираться

на новые зимовья. Одни искали прибежища на Дону, другие — на Яике и Тереке. Не Волге, а Дону суждено было стать главным центром кристаллизации вольного казачества.

В конце 70-х гг. в ходе Ливонской войны наступал перелом. Польский король Стефан Баторий собрал для наступления на Полоцк более чем 40-тысячную армию. Одновременно 10-тысячный шведский корпус папал на Нарву. Находившаяся в Пскове армия (до 30—40 тыс. чел.) оказалась между двух огней. В псковской армии числилось до 3 тыс. стрельцов и казаков. Большой отряд донских казаков находился непосредственно в районе Полоцка. Ввиду того, что главные силы русской армии не смогли оказать осажденной крепости эффективной помощи, донцы, перед лицом многочисленной рати Батория, «без отпуска» (без разрешения) воевод снялись с позиций и ушли на Дон. Полоцк вскоре же был взят поляками³⁶.

Летом 1581 г. Россия оказалась на пороге военной катастрофы. Ее армии с трудом отражали наседавших со всех сторон врагов. Командование вновь призывало казаков с Дона и Поволжья, 500 донских казаков обороняли Псков³⁷. Еще до начала псковского «сидения» русские полки предприняли вторжение в Литву, стремясь задержать движение главных сил Батория к Пскову. В походе приняли участие вольные волжские казаки во главе с Ермаком.

Атаман Ермак подвизался на западном театре военных действий. Иван Кольцо и другие будущие его сподвижники в то же самое время сражались с ногайцами на южных границах государства.

ЕРМАК И ЕГО СОРАТНИКИ

Большая Ногайская Орда давно находилась в вассальной зависимости от Русского государства. Но как только в ходе Ливонской войны обозначился перелом и

Россия стала терпеть поражение за поражением, властитель Орды князь Урус начал проявлять открытую вражду к русским. Он велел ограбить находившегося в Орде царского посла, а затем объявил о сборе сил для похода на Русь.

20 февраля 1581 г. Иван IV направил в Орду нового посла В. Пеллепицына с дарамн. Посольский приказ надеялся удержать погайцев от побега и в случае успеха миссии В. Пеллепицына привлечь на царскую службу собранные отряды погайцев, с тем чтобы использовать их на западных границах. Расчеты московских дипломатов не оправдались. В начале мая 1581 г. в столице стало известно о вторжении 15 тыс. погайцев из «Урусова улуса»⁸⁸.

Ногайские вести встревожили Грозного. 5 мая 1581 г. Боярская дума вынесла решение послать нарочных «нескоро на Волгу и до Астрахани, чтоб волжские казаки над теми людьми (погайцами. — Р. С.), которые пойдут с полоном с Руси, приходили и над ними промышляли». 28 мая Посольский приказ обратился к Урусу с посланием. Князю напомнили о разгроме его столицы казаками в 1571 г. в отместку за сожжение Москвы и дали понять, что теперь все может повториться. Стоит только царю приказать «вас самих воевать и ваши улусы казакон астраханским и волским... и над вами над самими досаду и не таковую учинят. И нам уже нынеча, — многозначительно писал Посольский приказ, — казакон своих унять не мочпо»⁸⁹.

Ввиду враждебных действий Орды Москва фактически предоставила казакам свободу действий в отношении погайцев. Результаты не заставили себя ждать. В начале июля князь Урус вызвал В. Пеллепицына и заявил ему протест по поводу нападения казаков: «Приходили деи государевы казакон сего лета и Сарайчик воевали и сожгли... И нам то стало за великую досаду»⁹⁰. Московские власти предписали казакам «промышлять» лишь над те-

ми ногайцами, которые возвращались из набега на Русь «а на улусы не приходить», т. е. не переносить военные действия на территорию Ногайской Орды. Но атаманы знали о вторжении ногайцев в русские пределы и обращались с ними по законам войны. Они нанесли удар по столице Орды, а затем дважды разгромили ногайцев на волжских переправах.

В августе 1581 г. 300 ногайских всадников показались на переправе в районе р. Самары. Они сопровождали В. Пелепелицына и ногайского посла, направлявшегося в Москву. Волжские атаманы Иван Кольцо, Савва Болдыря, Никита Пан и другие, не обратив ни малейшего внимания на протесты царского гонца, разгромили татарский отряд. Бегством спаслись всего 25 чел.⁶¹

Мирные заверения властителей Орды не мешали ногайцам продолжать пограничную войну. В те самые дни, когда послы Уруса ехали в Москву, «ногайские люди Урусова улуса и иных мирз человек с шестьсот» перешли русскую границу у Темникова и разорили несколько сел. Когда отряд, обремененный добычей, возвращался от Темникова и Алатыря за Волгу, казаки подстерегли его на переправе и разгромили. Захватив в этом бою «языка», атаманы немедленно отправили его в Москву. Московские власти обычно щедро жаловали казаков за доставку пленных, но тут они поступили иначе. Пленный погонец, назвавшийся «улусным человеком князя Уруса», был освобожден, а доставивший его казак объявлен «вором» и обезглавлен в присутствии татарина⁶².

После сожжения Сарайчика — ханской столицы — правители Ногайской Орды стали выказывать больше миролюбия⁶³. Москва попыталась использовать наметившийся перелом. Новый царский посланник повез в Орду богатые подарки. Вслед за тем плепник должен был сообщить Урусу о казни казака в Москве. Царь потребовал от Уруса, чтобы он также казнил «своих воров», грабивших Русь, дабы такие воровы — «как наши казаки, так и

ваши казаки — меж нами ссоры не чинили»⁶⁴. Посол получил приказ «промышлять» над атаманом Иваном Кольцом и его сотоварищами, если удастся, поймать их и повесить. Дело в том, что наступил критический момент в Ливонской войне. Шведы сломали русскую оборону на северо-западе, захватив Нарву, Ям и Копорье. Поляки штурмовали Псков. В такой обстановке Москва была готова любой ценой предотвратить вторжение ногайцев с юга и не допустить расширения военного конфликта на южных границах. В дипломатической игре казаки оказались разменной монетой. Волжские атаманы громили ногайцев не только с ведома, но и по приказу московских властей. Теперь в Москве постарались забыть о недавней посылке нарочных к волжским казакам. Действовавших в Нижнем Поволжье атаманов объявили «ворами», поставленными вне закона несмотря на то, что именно их смелая акция — разгром Сарайчика — отрезвила властителей Ногайской Орды и удержала их от дальнейших авантур.

Сведения об участии ермаковцев в военных действиях на южных и западных границах имеют исключительное значение для верной датировки сибирской экспедиции.

По вопросу о хронологии сибирского похода Ермака были высказаны различные точки зрения. Еще Н. М. Карамзин утверждал, будто Ермак выступил в поход 1 сентября 1581 г.⁶⁵ Вслед за Н. М. Карамзиным ту же дату приписал С. М. Соловьев⁶⁶. Со временем она стала своего рода аксиомой и прочно утвердилась на страницах монографий и учебников. Ее приняли известнейшие исследователи Сибири С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, А. А. Введенский, А. А. Преображенский и др.⁶⁷

Общепринятая хронология опирается на авторитетные источники — Синодик ермаковым казакам, Тобольскую и Строгановскую летописи. Тем не менее и эти источники требуют критической проверки.

Синодик, как уже говорилось, был составлен по приказу Киприана, приехавшего в Тобольск 30 мая 7129 (1621) г.⁶⁶ Казаки из «старой сотни» — ветераны сибирского похода — подали архиепископу «написание», из которого следовало, что Ермак отправился за Урал в 7089 г., иначе говоря, ровно за 40 лет до прибытия Киприана в Тобольск. Указавшая ветеранами дата отразилась как в Синодике, так и в Тобольской летописи С. Есипова⁶⁷. Эта дата была подтверждена также подлинными челобитными грамотами сибирских казаков 20-х гг. XVII в. Так, один из сподвижников Ермака тюменский атаман Гаврила Иванов в своей челобитной грамоте, составленной ранее февраля 7131 (1623) г., упомянул, что он служил царю Ивану Васильевичу и другим государям «в Сибири 42 года»⁶⁸. Следовательно, Иванов относил начало сибирского похода к 7089 (1581) г. Однако надо иметь в виду, что тюменский атаман подал челобитную уже после составления Синодика ермаковым казакам.

Исключительный интерес представляет челобитная грамота, составленная казаками «старой сотни» в Тобольске после 1633 (7141) г. Атаман сотни Гаврила Ильин и его помощники утверждали в ней, что служат царю «в Сибири в Тобольске от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесяти...»⁶⁹. Приведенные строки показывают, что у старых ермаковцев в Тобольске не было под руками письменных документов о сибирском походе и что их хронологические выкладки носили самый приблизительный характер.

Челобитные сибирских ветеранов при всей их ценности относятся к разряду сравнительно поздних документов о походе Ермака. Несомненно большей достоверностью обладают источники, составленные в начале 80-х гг. XVI в. и непосредственно отразившие события тех лет. Одним из них является подлинное донесение коменданта Моглева Стравинского Стефану Баторию.

В конце июня 1581 г. Стравинский сообщил королю

о пападении на вверенную ему крепость царских воевод и поименно перечислил участников нападения⁷². Последними в его списке значились «Василий Янов — воевода казаков донских и Ермак Тимофеевич — атаман казакский»⁷³. Указанные сведения были получены литовцами от пленных и отличались надежностью. Янов служил головой «э допскими и волскими казаками» до начала 90-х XVI гг. в.⁷⁴ В могилевском походе атаман Ермак был его помощником.

Почти 80 лет назад историк Н. В. Шляков обратил внимание на то, что Ермак, будучи под Могилевом в июне—июле 1581 г., не мог добраться до Урала и начать поход с 1 сентября того же года⁷⁵. Н. В. Шляков ограничился этим замечанием, не проанализировав все источники об экспедиции в комплексе. Поэтому предложенная им дата похода (1582 г.) не получила признания⁷⁶. Чтобы снять отмеченное Н. В. Шляковым противоречие, историки выдвинули остроумную гипотезу об одновременном существовании нескольких атаманов, носивших одно и то же имя. «Очевидно,— писал Введепский А. А.,— что было два атамана, называвшихся одинаково: один Ермак Тимофеевич был атаманом донских казаков на правительственной службе, другой Ермак Тимофеевич — атаман волжских казаков, которые на положении вольных и охотих людей попали в пермские вотчины Строгановых. Ошибочность отождествления Ермака, „воеводы“ под Могилевым, с Ермаком, атаманом волжских казаков, становится очевидной...»⁷⁷

Гипотезу А. А. Введепского следует признать неудачной, поскольку она полностью противоречит фактам, которые содержатся в самых ранних и достоверных документах XVI в.

Летом 1581 г. Ермак воевал под стенами Могилева. Иван Кольцо летом и осенью того же года громил погайцев в Поволжье. Посольский приказ зафиксировал этот факт с протокольной точностью. 28 августа 1581 г. в Мо-

скву «прибежалп» татары из свиты ногайских послон, ехавших к царю, и сообщили, что «на Волге казаки Иван Кольцов, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Болдыря с товарищи» погромили погайское посольство на перевозах под Сосновым островом. Государев голец В. Пелепелицын, сопровождавший погайское посольство, прибыл в Москву 1 сентября и подтвердил эти сведения⁷⁸. Остается добавить, что Иван Кольцо, Микита Пан и Сава Болдыря стали главными сподвижниками Ермака в сибирском походе.

Приведенные факты пачисто разрушают гипотезу об атаманах-двойниках. Если двойник был у главного из атаманов — Ермака Тимофеевича, то тогда придется признать, что свои двойники были также и у трех помощников. Иван Кольцо с товарищами воевал с погайцами в Нижнем Поволжье, а их двойники в те же самые дни будто бы приближались к уральским перевалам⁷⁹.

Предположения об атаманах-двойниках отпадут сами по себе, коль скоро мы откажемся от даты начала экспедиции — 1 сентября 1581 г. Приведенные выше материалы с полной очевидностью доказывают, что Ермак, Иван Кольцо и их сотоварищи не могли выступить в поход в это время⁸⁰.

Выявление комплекса ранних и наиболее достоверных документов позволяет отбросить неверные даты и вместе с тем выяснить подлинные обстоятельства, сопутствовавшие организации похода.

Вплоть до конца 1581 г. на западных, северных и восточных границах России не смолкали выстрелы. В то время Ермак сражался в царских полках, Иван Кольцо — в Поволжье. Ситуация претерпела разительные перемены после заключения перемирия с Речью Посполитой в начале 1582 г. Впервые за много лет на западных рубежах воцарился мир. Ермак со своими стапцами вернулся с театра военных действий в Поволжье. С окончанием похода казна перестала выплачивать им жалованье. «Заслу-

женные» деньги были израсходованы достаточно быстро, и боевым казакам пришлось подумать об организации самостоятельной экспедиции. Такой способ получения средств к существованию был вполне традиционным.

Позднее летописцы утверждали, будто Ермак и его соратники были вынуждены покинуть Поволжье после того, как их стали теснить царские воеводы, получившие приказ покончить с «воровством» казаков на Волге⁶¹. Подобное утверждение, без всякого сомнения, ошибочно. Подлинные записи Разрядного приказа показывают, что едва началась зима 1582 г., как в Поволжье в самом деле двинулись конные и пешие отряды. В апреле «судовая рать» бросила якорь у Козина острова на Волге⁶². Однако передвижение царских воевод было вызвано не «воровством» казаков, а совсем другой причиной — восстанием Луговой, а затем и Горной черемисы. Волнения охватили все Поволжье и отчасти Прикамье. Царское правительство вынуждено было направить против восставших лучших воевод с крупными военными силами. Им удалось подавить движение лишь после упорной трехлетней войны. Начавшееся восстание перусских народов и прибытие царских воевод создало положение, при котором казаки могли в любой момент оказаться между молотом и наковальней. В такой ситуации они собрали круг и вынесли решение отправиться за Урал, в пределы неведомого Сибирского «царства».

В конце Ливонской войны царские дипломаты проявляли удивительную покладистость в сношениях с ногайцами. Зато претензии ордынской знати росли изо дня в день. Ногайские феодалы постоянно грабили пограничные русские уезды, захватывали в плен и продавали в рабство русских людей. Теперь они задумали жаловаться на ка-

зачьп пабега. В июле 1581 г. Урмагмет-мурза направил в Москву письмо, в котором утверждал, что «наперед сего Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей мошк, а летось отогнали с Волги тысячу лошадей». Доказательная сила обвинений, предъявленных погайским мурзой Ермаку, была, по-видимому, недостаточной. Мурза не назвал точного времени нападения Ермака на его стада в Пополжье. Он ограничился неопределенным указанием на то, что грабеж имел место «наперед сего». Иначе говоря, пабег Ермака мог иметь место за месяц, за год или даже за несколько лет до подачи жалобы. Свои претензии по поводу некогда случившегося казачьего набега мурза подкрепил требованием выдать ему «Ярмака»⁸³. Заметим, что в письме Урмагмет-мурзы фигурирует Ермак, но не Ермак Тимофеевич. Иначе говоря, в этом случае не удастся идентифицировать личность казачьего атамана с такой же точностью, как и в случае с отпиской Стравинского из Могилева. С некоторой долей вероятности все же можно предположить, что и тут речь шла о знаменитом волжском атамане. Запоздалая жалоба мурзы не была отвергнута. Напротив, Посольский приказ обещал учинить сыск на счет Ермака. Посольские документы помогают обнаружить источник слухов о его многих грабежах на Волге.

Массовые выступления казаков против феодального гнета в годы Смуты упрочили официальный взгляд на вольное казачество как на антиобщественную силу, повинную в грабежах и разбое. Этот взгляд оказал самое непосредственное влияние на развитие легенды о Ермаке.

Раппля летопись — «Краткое описание о земле Сибирской», возникшая вскоре после Смуты в 20-х гг. XVII в., сообщала следующие сведения о начале ермаковской экспедиции. Волжские казаки будто бы разгромили на Волге царские суда и ограбили послов князильбашских (персидских), после чего царь послал против них воевод. Многие казаки были повешены, а другие «как волки разбегаются по Волге», 500 из них «побегоша» вверх по Волге, «в них

же старейшина атаман Ермак Тимофеев сын»⁶⁴. Благодаря сохранности персидских посольских дел представляется возможным установить полную недостоверность приведенных летописных данных о нападении казаков Ермака на киргизбашских послов.

Когда «воровские» казаки напали на их караван, царь велел посадить на кол казачьего предводителя. Чтобы успокоить шаха, русские дипломаты заявили, будто царь казнил 400 «воров-казаков»⁶⁵. Эта цифра была невероятно завышена: в разбойных нападениях участвовали, как правило, небольшие силы. А главное — описанное нападение произошло через три года после гибели Ермака. Таким образом, прославленный атаман попросту не мог участвовать в разгроме персидского каравана.

Предания о «грабежах» Ермака отразились в фольклоре. Но тут они приобрели совсем иной смысл, нежели в официальных источниках. В XVII в. Ермак был палубленным героем народных песен и сказов. Его имя стало на редкость популярным. Лишь к исходу века его несколько заслонила фигура Степана Разина. Воспоминания о разинских разбойных нападениях на Волге оказали заметное влияние на развитие легенды о Ермаке. В фольклорных произведениях начальный этап сибирской экспедиции стал живо напоминать начало разинщины. Наиболее четко фольклорные мотивы прослеживаются в кушгурских листах «Истории» С. Ремезова. Ермак поначалу будто бы действовал в «скопе» с 5 тыс. чел. Затем он уже с 7 тыс. чел. ограбил персидских послов и решил идти в поход на Персию. Царь будто бы послал стольника Мурашкина вешать «воров». Тогда-то Ермак и дружина задумали «бежать в Сибирь разбивать»⁶⁶. В приведенном рассказе все вымыслено: и имя стольника Мурашкина, и данные о численности «скопа», и сведения о нападении на персидских послов.

Предания о Ермаке пополнились красочными подробностями в записках иностранцев XVII—XVIII вв. Голлап-

дец Николай Витсен, ездивший в Москву в 60-х гг. XVII в., проявлял особый интерес к личности Ермака и истории заселения Сибири. Он утверждал, будто Ермак был родом из Мермица: «Отправился он с шайкой на грабеж на реку Волгу и разбил несколько стругов, принадлежавших царю, и вот на всех местах по этому случаю было отдано приказание преследовать Ермака и изловить его. Но он с преданными товарищами бежал по реке Каме на реку Чусовую. Там жил знатный купец Давила Строгапов, который ничего не зная о прежних разбоях Ермака, или, быть может, в страхе перед разбойниками, дал им все необходимое, чтобы попытаться счастья в Сибири»⁶⁷. Легендарность приведенного текста очевидна.

Англичанин Д. Перри, который служил в России при Петре I и бывал в Сибири, записал следующие рассказы о Ермаке. Ради прокормления себя донской казак Ермак Тимофеев отправился разбойничать на большую дорогу. В короткое время он сделался весьма славен, ибо «грабил он только богатых, и по необыкновенному великодушию людей его ремесла, наделял бедняков. Не умерщвлял он и не равил ни одного человека, разве защищая только самого себя». Неимущие стекались к нему со всех сторон. Тогда правители послали войска для его поимки. «Узнав об этом, оставил он ту страну и, овладев несколькими стругами, находившимися на Волге, начал разбойничать на сей реке. Будучи снова тесним пойсками, пустился он в Каспийское море и удалился на Персидские пределы, где и прожил несколько времени под именем купца». Потом он вернулся на Волгу для еще большего разбоя, а оттуда ушел со своей многочисленной шайкой на Каму и решил «пробираться в восточную страну в надежде отыскать некую необитаемую страну или по крайпей мере безопасное для себя убежище»⁶⁸. В записках Д. Перри Ермак был изображен народным героем, напоминавшим Робин Гуда.

Достоверные данные о начальном этапе экспедиции сообщают фрагменты подлинных документов, сохранившиеся в составе Погодинской летописи. Со слов посланцев Ермака Посольский приказ составил следующую роспись пути казаков в Сибирь: «А приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю с Ерка на Иргизские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны, а Волгою шел Ермак вверх»⁹⁹.

Можно считать установленным, что сибирская экспедиция началась на Яике и Иргизе. На Яике казаки устроили свои первые «плотбища» и приготовили суда для дальнего похода. Воспользовавшись притоками Яика, ермаковцы, преодолев переволоки, перешли на р. Большой Иргиз и вышли на Волгу южнее Жигулей. Вероятно, там они пополнили свою флотилию тяжелыми судами.

Русское судостроение в Поволжье, на Дону и в Приднепровье имело многовековую традицию. Свои верфи на Волге имели даже небольшие русские городки¹⁰⁰. На них посаженные люди и казаки строили в большом количестве речные струги. Работу начинали с того, что присматривали неподалеку от воды большое дерево, чаще всего липу, валили и обтесывали. Затем ствол долбили и готовляли колоду, именовавшуюся струговой трубой. Колода служила остовом струга. К ней с боков прибивали длинные доски — по пескольку с каждой стороны. Длина обычного струга была 10—20 м, ширина — 2—3 м, осадка не превышала 1 м. Судно имело 6—20 закребок весел и кормовое весло, служившее рулем¹⁰¹.

Сохранившиеся царские грамоты к Строгановым дают возможность составить довольно точное представление о ермаковых стругах. Иван IV, узнав о взятии Сибири, распорядился направить за Урал судовую рать с подкреплением. Московские власти использовали при подготовке по-

хода сведения, полученные у Черкаса Александрова (рослись пути, давные о наилучших размерах судов, которые можно было перетащить за уральские перевалы, и пр.). Следуя советам ермаковцев, власти велели Строгановым приготовить струги «со всем судовым запасом, которые бы подияли по двадцати человек с запасом»⁹². Вероятно, в речной флотилии Ермака преобладали «легкие» струги, поднимавшие 20 чел. с полным вооружением, боеприпасами и запасом продовольствия. По самому приблизительному подсчету, они имели водоизмещение не свыше 6—8 т.

В литературе можно встретить подробные описания сборов вольных казаков в поход. Все эти описания относятся к началу XVII в. Но с конца XVI в. до начала XVII в. в казачьих обычаях мало что изменилось. Французский военный инженер Г. Боплав в 30-х гг. XVII в. так описал сборы запорожцев: «В Запорожье собирается от 5 до 6 тысяч вооруженных казаков, искусных во всех ремеслах. По 60 человек трудятся около одного челна и отделяют его через 15 дней, так что в две или три недели изготовляют около 80 или 100 судов; в каждом помещается от 4 до 6 фальконетов и от 50 до 70 казаков, из которых всякий имеет саблю, две пицали, 6 фунтов пороха, достаточное количество пуль и квадрат, туда же кладут ядра для фальконетов и необходимые жизненные припасы»⁹³.

На Яике собралось несколько сотен казаков. Они спустили на воду суда меньшие, чем те, которые были описаны Г. Боплавом. Но приемы строительства судов были теми же. Казачьи сотни разбивались на несколько артелей и каждая дружно работала над сооружением своего струга. На большие струги уходило две недели, малые могли выстроить и за неделю.

На Яике казаки решили все основные вопросы, связанные с организацией экспедиции. Собравшись на «круг», они определили направление похода и избрали командиров. Большим атаманом выбрали Ермака. Как видно, ка-

заки прибывшие из Ливонии, смелы большинство на «круге». Сторонники Ивана Кольца, действовавшие до того в Поволжье, довольствовались вторыми ролями.

Не сохранилось никаких достоверных данных, которые позволили бы составить сколько-нибудь подробную биографию Ермака. Различные города и волости оспаривали честь именоваться родиной прославленного атамана. По одной версии, он происходил из городка и волости Борки на Северной Двине, по другой — из Тотемских волостей Вологодского уезда, по третьей — из строгановских вотчин на Чусовой⁹⁴. Все это не более чем предания. Каждое из них пропущено поздними фольклорными мотивами.

В кратком Летописце сольвычегодского происхождения есть следующие строки: «На Волге казаки, Ермак атаман, родом з Двины з Борку... разбили государеву казну, оружие и порох и с тем поднялись на Чусовую»⁹⁵. В летописном сборнике XVIII в. можно найти целое сказание о происхождении Ермака, якобы написанное им самим: «О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был суздалец посадский человек, жил в ливонии, от хлебной скудости сошел в Володимер, именован его звали Афонасей Григорьевич сын Аленин, и ту воспитал двух сынов Родиона да Тимофея, и кормился извозом, и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда бежа с женью и с детьми в Юрьевец Поволской, умре, а дети Родион и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы, ему породил детей: у Родиона два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея дети: Гаврило да Фрол да Василий. И оной Василий был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость, и прибав себе дружинну малую и пошел от работы на разбой, и от них звался атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожной артельной таган, по вол[ж]ск — жерновой мелнед рушпой»⁹⁶.

Приведенное «родословие» Ермака носит вполне сказочный характер. Фольклорный мотив «разбой» распространен в нем на предков атамана в двух поколениях. Рассматривая имя Ермак как прозвище, авторы «родословия» приписывали этому прозвищу совершенно чуждое ему значение — «тагай», или «жертво». Подлинное прозвище Ермака они забыли, что и привело их к очевидной ошибке — замене имени Ермак именем Василий. Возможно, в строгацковских источниках XVI или XVII в. и жил разбойник Василий Алевин, но к Ермакаю Тимофеевичу — историческому Ермаку — он не имел никакого отношения.

Когда литовцы взяли в плен нескольких ратных людей из войска, напавшего на Могилев, и потребовали у них назвать имена полковых воевод и голов, пленные по случайности назвали имя Ермака рядом с именами других воевод. Сподвигнувшись атамана много лет спустя вспоминали о его долгой службе. Одни из них, казак Гаврила Ильин, писал в челобитной царю Михаилу Романову, что он, Ильин, «20 лет полевал с Ермаком в поле»⁹⁷. Отсюда следует, что ко времени литовского похода Ермак имел уже за плечами многолетнюю службу в станицах в «диком поле». Слова Ильина подтвердил тюменский казак Гаврила Иванов, проделавший с Ермаком сибирский поход, а затем «ставивший» города Тюмень, Тобольск, Тару. В челобитной 1622—1623 гг. в Москву Иванов писал, что служил государеву службу «в Сибири сорок два года, а прежде де того он служил нам (царю.— *Р. С.*) на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы»⁹⁸. Приведенное свидетельство объясняет, почему имя Ермака стало известно литовцам: после долгой службы его знали в полках как старого боевого командира.

Ермак казаковал в «диком поле» 20 лет. Он принадлежал к племени пиноверов, с деятельностью которых связано было самое формирование вольного казачества на Волге и Дону.

Погодишская летопись сохранила уникальные сведения о прозвище Ермака. В связи с первым упоминанием его имени летописец сделал ремарку: «прозвище ему было у казаков Токмак»⁹⁹. По-видимому, эти сведения автор Погодишской летописи заимствовал из расспросных речей атамана Александрова. Изучение уральского фольклора позволило Е. И. Дергачевой-Скоп сделать вывод о том, что народная молва на Урале часто соединяла прозвища Ермак и Токмак: «Ермак вовсе не спокойный камень: плывешь бывало мимо него и крикнешь: „Ермак, Ермак!“ А камень и отгаркнется, дескать, верно: „Токмак, Токмак.“ Ермака и так звали и так...»¹⁰⁰. В разных говорах слово «токмак» имело различные значения. По Далю, «токмачить» — значит «толочь», «толкать», «бить», «колотить». Словом «токмач» обозначили также пест, «бабу» для трамбовки земли и пр.¹⁰¹. В прозвище атамана заключался пафос на его недюжинную физическую силу. Что же касается имени Ермак, то его следует рассматривать не как прозвище, а как сокращение полного имени Ермолай.

Поздние портреты Ермака, которые хранятся в Тобольском музее, недостоверны¹⁰². Большого внимания заслуживает описание внешности Ермака в сочинениях С. Ремезова: Ермак «бе бо велик мужествен, и разумен, и человек, и зрачен, и всякой мудрости доволе, плосколиц, чери браню и власы прикудряв, возраст средней, и плоск и плечист»¹⁰³.

Сибирские летописи, Сводник и некоторые другие документы позволяют с полной достоверностью установить круг соратников Ермака, возглавивших вместе с ним сибирскую экспедицию. Следуя народной традиции и казачьим «сказкам», С. Ремезов записал следующие сведения на вставные (куягурские) листы «Исторгии»: «Было у Ермака два сверстника: Иван Колцев, Ивая Гроза, Богдан Бряга и выборных есаулов 4 человека»¹⁰⁴. Истолкование приведенного текста вызывает некоторые затруднения. После указания на «двух сверстников» Ермака автор называет

три имени. Отмеченное противоречие, видимо, объясняется тем, что в глазах С. Ремезова Иван Кольцо и Иван Гроза — одно и то же лицо. В Сибири было широко распространено предание о том, что Ермак после разгрома Кучума послал в Москву «атамана казака Грозу Ивановича»¹⁰⁵. Согласно «Истории» С. Ремезова, в Москву ездил атаман Иван Кольцо¹⁰⁶.

Фрагменты из «архива» Ермака, а также подлинные вкладные книги Чудова монастыря 1586 г. неопровержимо доказывают, что с вестью о победе в Москву приезжал Черкас Александров.

Атаман Иван Кольцо был в самом деле «сверстником», т. е. главным помощником Ермака в сибирском походе. Ермак никак не мог послать его к царю с «сеунчом», потому что почетную миссию подобного рода поручали обычно молодым людям, а не старшим командирам.

Чудовские документы 1586 г. выделили из дюжины «сибирских казаков» двух атаманов: Ивана Черкаса Александрова и Савву Сазонова сына Болдырю¹⁰⁷. Однако было бы неверно считать на этом основании, будто названные лица в самом деле были атаманами и возглавляли сотни в войске Ермака. Монахи Чудова монастыря выделили Ч. Александрова и С. Болдырю как руководителей сибирского посольства в Москве, а не более того. Примечательно, что по возвращении ермаковцев в Сибири их командиром стал старый атаман М. Мещеряк, а не Ч. Александров.

С. Ремезов называл вторым «сверстником» Ермака Богдана Брязгу, опираясь в этом случае на сведения, почерпнутые из «сказа» о его ясашином походе на Обь. Однако в «сказе» он был назван не атаманом, а лишь пятидесятником¹⁰⁸. Всего точнее чин Б. Брязги определяли документы из «архива» Ермака: «есаул казачей имянем Брюзга»¹⁰⁹. Приведенные данные позволяют исправить неточность, допущенную С. Ремезовым. В качестве есаула Б. Брязга не мог быть «сверстником» Ермака.

Главными руководителями похода были помимо Ермака и Ивана Кольца выборные атаманы. К числу их бесспорно принадлежал Матвей Мещеряк, имя которого много раз упоминается в сибирских летописях. В Синодике ермаковым казакам фигурирует «отоман Никита Пав»¹¹⁰. О его деяниях рассказывает также Строгановская летопись¹¹¹. Никита Пав хорошо известен как сподвижник Ивана Кольца. Труднее решить вопрос об атаманском чине Якова Михайлова. Сведения о нем содержатся лишь в Строгановской летописи¹¹². В раннем Синодике его имя не фигурирует.

Примечательно, что в руководстве сибирской экспедиции были пропорционально представлены как ермаковцы (М. Мещеряк, Я. Михайлов, Б. Брязга, Ч. Александров), так и «воровские» казаки (И. Кольцо, Н. Пав, С. Болдыря). Тот же принцип равнопредставительства соблюдался и в дальнейшем. Например, миссию в Москву возглавили двое лиц — от обеих половин войска.

Имена рядовых участников сибирской экспедиции можно найти в Синодике и во вкладных книгах Чудова монастыря 1586 г. В последних названы следующие «сибирские казаки»: Иван Михайлов сын Шуянин, Афанасий Абросимов сын Темниковец, Григорий Мартемьянов сын Черезегин, Михайло Григорьев, Тарх Казарин, Юрий Лепонгьев, Федор Антропов. Казак Феофилакт упомянут в том же источнике как погибший в Сибири. Казак Иев Вышата вернулся из экспедиции совсем больным: за 6 руб. его постригли и устроили в келье больничной в Чудове монастыре¹¹³. В начале XVII в. в составе тобольской «старой сотни» числились атаман Гаврила Ильин, пятидесятники и десятники Осташка Автонов, Ивашка Лукьянов, Ларка Сысоев, Дружина Васильев, Фомка Бородин, Пашка Ерофеев. Некоторые из этих «старых казаков», по их словам, служили в Сибири с самого «ермакова взятия»¹¹⁴. В более поздних документах упоминаются другие участники сибирской экспедиции — казаки Алфер Заворохин,

Алексей Галкин, Семен Шемелин. О последнем его внук Ульян Кузьмин сообщил в челобитной царю, что тот служил «на давних лет, а пришел в Сибирь с атаманьями с Ермаком Тимофеевым с товарищи, в казаках, и Сибирь тебе, государю, очистил и кровью своею взял за саблю»¹¹⁵.

Обычно московские власти именовали Ермака и его сотоварищей «волжскими казаками». Но надо иметь в виду, что вольные казаки на разных реках тогда еще не обособились друг от друга в виде «войска Донского», «войска Яицкого» и пр. По случаю разгрома посольства В. Пелепелицына дьяки прозвели дозванье и установили, что вместе с Иваном Кольцом на Волге орудовали казаки на самых разных мест. То «беглые казаки,— заявляли царские дипломаты в Ногайской Орде в 1582 г.,— которые, бегая от нас, живут на Тереке и на море на Яике и на Волге, казаки донские, пришел с Доу, своровали и наших детей боярских (Пелепелицына.— *Р. С.*), а их (ногайских.— *Р. С.*) послов перебили»¹¹⁶. Вместе с Иваном Кольцом многие из перечисленных выше казаков присоединились вскоре к Ермаку.

Итак, помимо волжских и яицких казаков в первой сибирской экспедиции участвовали также казаки с Дона и Терека. Прозвища казаков указывали на их самое различное этническое происхождение: Черкас и Пан (выходцы из украинских или польских земель), Шуянин (из Шуи), Темниковец (из Темникова), Мещеряк (с Мещеры), Болдыря (так в степях называли людей, родившихся от смешанных браков между русскими и татарами).

Клички давали некоторое представление о прошлом казаков, об их личных особенностях. О казаке Грише Ясыре известно, что он служил конную службу «с Ермаком вместе»¹¹⁷. «Ясырем» в Крыму называли племенных цевольников. Немало русских людей прошли через татарский плен, прежде чем стали вольными казаками.

Прозвище есаула Богдана Брязги передано в различных источниках по-разному. Брязгой называли ворчли-

вых людей и бранчуг или мастеров выругаться. Слово же «брызга» имело иной смысл. В Нижнем Поволжье его употребляли в значении «бить», «хлестать»; «давать оплеуху». В Синодике ермаковым казакам упоминаются Иван Карчига и Окул¹¹⁹. Иван был, скорее всего, новгородцем. В новгородском говоре «карчига» означало «хрипун». Слово «окул» употреблялось в некоторых говорах со значением «продувной». Среди казацкой вольницы хлесткое слово было, как видно, в большом ходу.

В казацком войске царили демократические порядки. В течение всей экспедиции все самые ответственные решения Ермак и выборные атаманы принимали «с совета» и «по приговору» всего «товарства»¹²⁰. Примечательно, что в своих воспоминаниях — «сказах» — ветераны похода неизменно говорили о «Ермаке с дружиной» и ни разу не сложили ему отдельной похвалы. Эта особенность «сказов» передалась ранним сибирским летописям, как бы растворявшим образ Ермака в действиях всего казацкого отряда¹²¹. Для казаков Ермак был одним из равных.

Итак, после обсуждения войсковой круг принял решение о направлении похода. Собравшиеся на Яике казаки могли, как обычно, либо двинуться на Каспийское море к персидским берегам, либо спуститься по Дою на Азовское море и напасть на крымские и турецкие берега. Но в конце концов они избрали иные цели. После поражения в Ливонской войне Москва старалась сохранить мир на южных рубежах любой ценой. Напав на Крым либо Персию, казаки рисковали навлечь на себя гнев грозного царя. Ермак и его товарищи решили совершить поход в пределы Сибири. Такое решение, по-видимому, носило компромиссный характер. Служилые казаки, составившие большинство на казацком «круге», не желали ссориться с московскими властями. «Воровские» же казаки, поставленные царским указом вне закона, стремились уйти подальше от тех мест, которые все больше попадали под контроль государевых воевод. Эти устремления отчасти

явились отражением нараставшего конфликта между крепостническим государством и вольной казацкой окраиной, вылившегося спустя два десятилетия в Крестьянскую войну.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СИБИРИ

Зауралье и Сибирь не были для русских людей «землей незнакомой»¹²¹. Новгородцы начали торговать с югорскими племенами с XI в. В первой четверти XII в. они ходили «за Югру и Самоедь». Жители Новгорода Великого знали, что путь за Камень (Урал) «непроходим пропастью, снегом и лесом», но их неудержимо влекли на восток морские промыслы и пушные богатства. На протяжении XII—XIII вв. новгородские дружины прочно освоили Печорский путь за Камень. Они периодически появлялись в Приуралье и собирали дань с местных югорских племен. В качестве владений Новгорода Югорская волость фигурировала уже в грамотах XIII в.¹²² Власть Новгородской феодальной республики над отдаленной северо-восточной окраиной не отличалась прочностью. И все же роль новгородцев отнюдь не сводилась к сбору дани. Народная колонизация необъятных северных территорий имела большое историческое значение.

В XIII в. народы Западной Сибири подверглись нашествию с Востока. Монгольские феодалы разгромили многие старые центры Сибири¹²³. Их вторжения сопровождались истреблением местного населения и разрушениями. В итоге одни югорские племена, жившие в лесостепной полосе, были включены в состав Золотой Орды, другие оттеснены на север.

Примерно с XIV в. на Тоболе и в междуречье Туры и Тавды сложилось раннее политическое образование сибирских татар — Тюменское ханство¹²⁴. В начале XV в. в рус-

ских летописях появляются первые известия, относящиеся к истории татарских владений в Сибири. Соперник Мамая хан Тохтамыш, разгромленный Тимуром, искал спасения на дальних северо-восточных окраинах Золотой Орды. Там он был убит поблизости от Тюмени, столицы Тюменского царства¹²⁵.

В 20-х гг. XV в. потомок Чингисхана Хаджи-Мухаммед покорил ишимских татар и основал ставку в городище Кызыл-Туре, расположенном при впадении Ишима в Туру. В конце XV в. при внуке Хаджи-Мухаммеда Ибаке Тюменское ханство достигло расцвета. Территория ханства простиралась теперь от Туры, Тавды и Тобола до Ишима¹²⁶.

Монголо-татарское нашествие оказало губительное влияние на Русь. Однако Новгород и его северные владения избежали погрома. В XIV в. новгородцы смогли снарядить крупные экспедиции в Зауралье. В 1384 г. они прошли с Печоры на Обь и там разделились на два отряда. Один «воеваша по Оби реки до моря», другой — «наверх Оби воеваша»¹²⁷.

В XIV в. Московское княжество возглавило борьбу Руси против чужеземного ига. Москва играла все более значительную роль и на Русском Севере. Колонизационные потоки из междуречья Оки и Волги пересеклись на Двине и Печоре с повгородскими. Далеко на северо-востоке возникли очаги земледелия.

По мере усиления Московского великого княжества на Печорском пути все чаще появлялись московские воеводы. В 1465 г. воевода Василий Скрыба с отрядом прошел за Урал в Югру и собрал дань в пользу московского великого князя. Воевода Федор Пестрый в 1472 г. подчинил Великую Пермь и выстроил в Приуралье укрепленный городок Чердынь.

С падением независимости Новгорода Великого в 1478 г. все его северные владения, включая Печорский край, вошли в состав единого Русского государства.

Окрепнув, Русь сбросила татарское иго. Властитель Большой Орды Ахмат-хан в 1480 г. предпринял нападение на русские земли в районе Угры, но потерпел неудачу и отступил в степи. С наступлением зимы Ахмат-хан распустил своих муз в их улусы. Его оплошностью немедленно воспользовались ногайские князья и тюменский хан Ибак. Они напали на Ахмат-хана и убили его.

Тюменское «царство» являлось одним из многих улусов распавшейся Золотой Орды. Его столица располагалась в городке Чимга-Тура за Уральским хребтом. Неудача Большой Орды в войне с Москвой подтолкнула тюменского хана к решительным действиям. После убийства Ахмат-хана Ибак и ногайцы «начаша Ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Дону на Малом близ Азова. И стоял Ибак царь пять дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар поведе в Тюмень не грабя»¹²⁸. Переведя купцов из древней столицы Орды в Тюмень, Ибак попытался превратить этот сибирский город в новую торговую столицу ордынцев¹²⁹.

Поражение Большой Орды принесло безопасность южным русским границам. Москва смогла выделять силы для похода в Зауралье. В 1483 г. воеводы князь Федор Курбский и Иван Салтыков Травин с воинскими людьми прошли с Вишеры на Лозьву и Пелым, рассеяли отряды пельмского князя Юмшана и двинулись «вниз по Тавде реде мимо Тюмень в Сибирскую землю»¹³⁰. Поход в Зауралье не привел к войне между Россией и Тюменским ханством. Иван III и «царь» Ибак вели борьбу с Большой Ордой, а потому избегали столкновений между собой. Федор Курбский обошел стороной владения Ибака и с Тавды перешел на Тобол, Иртыш и Обь. Там русские ратники «повоевали» Югру и взяли в плен многих князей, в том числе «большого» князя Молдана, «княжих Екмычаевых двое сыновей» и других¹³¹.

Как записал устюжский летописец, устюжане выступили в поход с Курбским 9 мая 1483 г., вернулись же

1 октября¹³³. Таким образом, экспедиция длилась несколько месяцев.

Поход Федора Курбского имел важные последствия. Используя посредничество пермского епископа Филофея, сибирские князьки вступили в переговоры с Иваном III. «От всея земли Кодские и Югорские» в Москву прибыл вогульский князек Пыткей. Он привез поминки от кодских князей Лабада, Чангыла и других и просил великого князя освободить пленных югорских князей. Его просьба была удовлетворена. В конце 1484 г. кодские князья Молдав, Сонта и Пыткей прибыли из Зауралья под стены Усть-Вымского городка и заключили с епископом и местными вымскими князьками мир «на том, что им лиха не смыслити, ни силы ни чинити над пермскими людьми, а великому князю правити во всем». Князья скрепили мир священным обрядом: «со золота воду пили»¹³³.

Пелымские манси также вступили в более тесные сношения с Россией. Местный пелымский князь Юмшан в 1483 г. прислал к Ивану III своего шурина Юргу и сотника «вогулятина» Анфима с просьбой об «опасной» грамоте — разрешении на проезд в Россию. В 1485 г. Юмшан приезжал в Москву и вел там переговоры с великим князем¹³⁴.

Военное могущество Орды рушилось, в Русское государство начало вести все более активную политику в отношении ордынцев. Изгнанный из Сарая хан Улу-Мухамед сокрушил древнее Болгарское царство в Поволжье и на его развалинах основал в 1438 г. Казанское ханство. В 1487 г. русские после двухмесячной осады овладели Казанью и тогда же увели казанского «даря» Али-хана в Москву в качестве пленника. Иван III посадил на казанский трон своего ставленника Мухаммед-Эмйна. Казанское ханство оказалось в вассальной зависимости от Русского государства.

Хан Ибак, продолжавший борьбу с Большой Ордой, в 1489 г. прислал в Москву своего посла Чумгура и пред-

ложил Ивану III мир, но потребовал отпустить из плена своего «брата», казанского «царя» Али-хана¹³⁵. В 1492 г. хан Ибак с братом Мамуком при поддержке ногайских мурз разграбил Астрахань, затем перенес свои кочевья в Заволжье¹³⁶.

Продолжая домогаться дружбы с Россией, Ибак в 1493 г. вторично прислал в Москву посла Чумгура. Извещая Ивана III о своих успехах, тюменский царь писал: «ино мне счастье дал бог, Тимер-Кутлуева сына (Ахмат-хана. — Р. С.) убивши, Саннской есми стол взял, да еще сам с братьями и с детьми условившись, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт, к Волзе пришед, стою»¹³⁷. Среди титулов Батая был титул Синь-хана. Таким образом, Ибак известил Ивана III о своем намерении занять золотоордынский «синий» трон¹³⁸.

Правителям Большой Орды — наследникам Ахмат-хана — пришлось вести борьбу разом и с тюменским, и с крымским ханами. Однако в 1475 г. в Крым вторглись турки, и Менгли-Гирей признал себя вассалом Османской империи. Крымское ханство утратило самостоятельность.

Хан Ибак в качестве чингизида претендовал на золотоордынский трон. Он всеми силами старался утвердиться в Поволжье, но ему не удалось справиться с могущественной татарской знатью внутри собственного «царства». Большим влиянием в Сибири пользовались беки, или «тайбуги»¹³⁹. Князя «тайбугина рода» около 1495 г. выступили против Ибака и убили его¹⁴⁰.

Преемник Ибака хан Мамук с отрядами тюменцев и ногайцев в 1496 г. изгнал из Казани русского ставленника, но сумел продержаться там лишь несколько месяцев. В 1498 г. в Москве стало известно, что Мамук вместе с ногайцами вновь готовится напасть на Казань.

В таких условиях Россия предприняла в 1499 г. новое наступление в Сибирь. Иван III преследовал двойную цель. Поход должен был упрочить власть русских в низовьях Оби и послужить грозным предостережением для

властителей Тюменского «царства». С появлением русских войск на Обь тюменскому царю пришлось отказаться от далеко идущих планов в отношении Казани и подумать об обороне собственных северных границ.

Кампанию в Зауралье возглавили воеводы князь Семен Курбский, Петр Ушатый и Василий Бражник Заболоцкий. По северным городам и землям был проведен сбор ратных сил. В поход выступили 1920 чел. с Двины, Ваги и Пенегы, 1304 — из Устюга Великого 500 — «вымеч и вычегжан», а также вятчане — «200 человек Руси да 100 человек арян, татар и остяков». Все эти силы — более 4 тыс. ратников — направились в Югорскую землю¹⁴¹. Обычно русские проникали за Урал в летнее время на речных судах. На этот раз пешие ратники двинулись в поход зимой на лыжах¹⁴². Главной целью похода было покорение Ляпинского княжества, которое населяли северные манси (сакв маньсит) — родственники приуральских манси, давно известных русским¹⁴³.

Войска отправились к Ляпину кратчайшим путем. Для этого им пришлось преодолеть Урал там, где горы достигали наибольшей высоты. Главные воеводы прошли за Камень ущельем («щелью»). Вершины, поднимавшиеся на 1400—1600 м над уровнем моря, произвели на равнинных жителей большое впечатление. «А Камени в облаках не видати, — записал с их слов летописец, — только ветрено, ино (горы. — Р. С.) облака раздирают»¹⁴⁴. Ратным людям пришлось преодолевать перевалы в условиях морозной и вьюжной зимы. Младший воевода Заболоцкий прошел на Обь севернее, привычными путями. Поход продолжался всю зиму, было занято более 40 городков и взято в плен 58 князьков. В итоге Югорская земля была подчинена, а ее князья приведены «к роте по их вере»¹⁴⁵.

Русское государство было как никогда близко к тому, чтобы укрепиться в Западной Сибири. Иван III даже присвоил себе титул «князя Кондинского и Обдорского»¹⁴⁶. Однако вскоре плоды сибирских побед были утра-

чефы. «Печорский путь,— отметил С. В. Бахрушин,— был слишком отдален от Москвы, чтобы им можно было совершать прочное присоединение Зауралья»¹⁴⁷. Еще более важное значение имело другое обстоятельство. Понадобилось еще 100 лет, прежде чем русские крестьяне и казаки, колонизовав восточные и юго-восточные окраины, подошли вплотную к границам Сибири, основали свои поселения на Урале, Нижней Волге и Яике. Лишь после этого возникли объективные предпосылки для присоединения и освоения сибирских земель.

Сколь бы внушительной не выглядела военная демонстрация русских в Зауралье, она не поколебала господства ордынских феодалов в пределах Западной Сибири. Гибель Ахмат-хана и свержение татарского ига обнаружили тот факт, что Россия обладала перевесом сил и имела возможность нанести поражение наследникам Орды в Сибири. Но она вынуждена была на время отказаться от активной политики на Востоке: страна стояла на пороге войны с Литовским великим княжеством. Предстояла тяжелая борьба за возвращение Смоленщины и других великорусских земель, попавших под власть литовских феодалов. С юга границам Руси по-прежнему угрожала Большая Орда. В таких условиях Иван III предпочел воздержаться от прямой войны с Тюменским «царством», выжидая, пока взаимные распри ордынцев не ослабят их окончательно.

Потомкам Ибака не удалось удержать власть в своих руках. На смену старой династии пришла династия Махмета Тайбуги. Со временем «тайбугины» объединили татарские улусы на Тоболе и Иртыше и в самом начале XVI в. подчинили себе остатки Тюменского «царства». Городище Чимги-Тура пришло в упадок, и новой столицей ханства стал Кашлык¹⁴⁸.

На протяжении XIV в. тюркоязычные кочевники Западной Сибири, подвергшиеся завоеванию со стороны монголов, ассимилировали завоевателей. В этногенезе сибир-

ских татар приняли участие тюрки-кыпчаки, угорские, самодийские, отчасти монгольские племена. В XVI в. жители Кашлыка и окрестных татарских юртов говорили на языке кыпчакской группы тюркских языков¹⁴⁹.

Сибирские татары вели полукочевой образ жизни. Они занимались скотоводством, разводили лошадей и овец. В пойме Тобола и Иртыша существовали небольшие очаги земледелия. В оседлых поселениях развивалась домашняя промышленность — гончарное производство и ткачество, плавка и обработка металлов¹⁵⁰.

Татарское население находилось на ранней стадии развития феодальных отношений. Мурзы и беки владели богатствами в виде пастбищ, скота и рабов. «Черные» улусные люди, принадлежавшие к низшему слою общества, несли военную службу в отрядах владельца улуса и платили им ежегодные «дары».

Сибирские ханы силой подчинили себе земли местных племен ханты и манси на Урале, в низовьях Иртыша и на Оби. Главным занятием ханты-мансийских племен было рыболовство и охота. В южных районах, где они близко соприкасались с башкирами и татарами, начало развиваться скотоводство. На Тавде манси занимались охотничьим промыслом и в небольших масштабах — примитивным земледелием.

Источники содержат слишком скудные данные, чтобы составить четкое представление о социальных отношениях у хантов. Основу общественной организации у них составлял «юрт» — большая семья. Во главе объединения «юртов» стояли «князьцы», обладавшие лучшим оружием и большими богатствами, чем их соплеменники. Война обогащала родо-племенную верхушку и усиливала неравенство внутри племен. У ханты-мансийской знати были свои «городки», но они были укреплены значительно слабее, нежели татарские городища¹⁵¹.

Правители Сибирского ханства взымали с покоренного хантского населения дань. Ханты-мансийские племена,

обитавшие по нижнему течению Иртыша, на Тоболе, Туре и Тавде, находились в более тесной зависимости от татар. Ханы брали дань также и «со многих низовых язык» на Оби¹³². Взимание дани, в особенности с отдаленных племен, имело характер периодического грабежа.

Система управления в ханстве была примитивной. При хане находились его визирь — карача и советники. Из своей ставки он рассылал во все концы сборщиков ясака — даруг. Ханы мало вмешивались во внутренние дела улусов, находившихся во власти знатных мурз. Будучи вассалами хана, мурзы вместе со своими отрядами участвовали во всех его военных предприятиях, получая за это часть добычи. Война была одним из средств обогащения татарских феодалов. Они грабили соседей, а захваченных пленных продавали в рабство.

В XVI в. ведущую роль среди татарских «царств» стало играть Крымское ханство, вступившее в жестокую борьбу с Россией. Ногайская Орда претерпела дальнейшее дробление. Сибирские ханы заняли свое место в системе государств, образовавшихся после распада Орды. По традиции они ориентировались на ногайцев и вели борьбу с правителями Бухары.

В середине XVI в. Россия добилась решающих успехов в Поволжье. Ее войска заняли Казань и Астрахань. В 1554 г. князь Исмаил из Большой Ногайской Орды принес присягу царю¹³³. Русские победы произвели сильное впечатление на сибирского хана Едигера и его соправителя хана Бекбулата. Цепь татарских «юртов», простиравшихся от Крыма до Сибири, была навсегда разорвана. Сибирский хан лишился возможности получать помощь из Казани и Крыма. Вскоре же Едигер и Бекбулат приобрели опасного противника в лице Кучума, сына бухарского правителя Муртазы. Кучум попытался завоевать Сибирь, опираясь на отряды узбекских, ногайских и башкирских кочевников. Попав в трудное положение, Едигер решил последовать примеру ногайских князей и заручить-

ся покровительством царя. В январе 1555 г. его послы Тигрул и Панчяды просили Ивана IV, чтобы тот «всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил (оборонил.— *Р. С.*) и дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собрать»¹⁵⁴. В ответ царь объявил, что принимает Сибирь «под свою руку».

К своим старым титулам Иван IV отныне прибавил титул «всёа Сибирския земли повелитель»¹⁵⁵. Его дипломаты поспешили разъяснить за рубежом значение нового титула, объявив, что «Сибирская земля поряду с Казанскою землею, и как государь наш... взял Казань, и сибирский князь Едигерь бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имел, а их бы с Сибирские земли не сводил»¹⁵⁶.

Послы Едигера, будучи в Москве, «правду за князя (Едигера.— *Р. С.*) и за всю землю дали на том, что им давати государю со всякого черного человека по соболу, да дороге государеву (данщику.— *Р. С.*)... по белке с человека по сибирской»¹⁵⁷. В ходе переговоров дьяки Посольского приказа дознались у послов, что «черных» людей в «царстве» числилось 30 700 чел.¹⁵⁸ Таким образом, послы согласились платить дань в 30 тыс. соболей ежегодно¹⁵⁹.

Иван IV назначил своим посланником и «даругой» в Сибирь сына боярского Дмитрия Непейцина. Посланник выехал в Кашлык, чтобы землю Сибирскую к «правде привести и черных людей переписав, дань свою сполна взять»¹⁶⁰. Однако ему, по-видимому, не удалось ни переписать «черное» население «царства», ни собрать полную дань. Едигер отправил собранную казну не с царским «даругой», а со своим послом Баяндой. Вместо 30 тыс. соболей посол привез всего 700. Иван IV велел тут же заключить его в тюрьму. Оправдываясь, Баянда сослался на то, что всю Сибирскую землю «воевал шибанской царевич (Кучум.— *Р. С.*) и людей поймал многих». Однако Д. Непейцын опроверг его слова и сказал, что Едигер мог бы

собрать всю дань сполна, если бы «похотел» того¹⁰¹.

В конце 1556 — первой половине 1557 г. Иван IV приказал произвести сбор дани в Югорской земле. С этой целью на Урал выехал И. В. Иконников с царской грамотой к югорскому князю Певгею и другим «князем Сорыкидцкие земли и лучшим людям и средним и младшим». Размеры дани были установлены также по соболю с человека. Царь велел привезти в Москву ясак либо самому князю Певгею, либо его брату или племяннику с двумя или тремя земскими «лучшими» людьми. Со своей стороны он обещал их «жаловать и от сторон беречи и под своею рукою держать»¹⁰². Из текста грамоты следует, что Москва не только знала приобских хантских князьков, но и сносилась с ними до отправки данщиков. Югорские князьки должны были провожать русских посланцев «от городка до городка и от людей до людей и беречи наших данщиков во всем по ряду как преже сего»¹⁰³.

В 1557 г. ногайский князь Исмаил вторично принес шертъ (присягу) царю Ивану IV и окончательно признал себя его вассалом. Такой поворот событий положил конец колебаниям Едигера. Сибирский хан прислал в Москву шертную грамоту «со княжею (Едигера.— *Р. С.*) печатью, что ся учинил князь в холопстве, дань на всю свою землю положили вперед ежегод беспереводно та дань царю и великому князю со всей Сибирской земли давати»¹⁰⁴. На этот раз посланцы Едигера привезли царю дань «тысячу соболей да доражской пошлины 100 да 60 соболей за белку». Царь Иван не стал настаивать на выполнении прежнего договора о дани. Он приказал освободить из тюрьмы Баянду. По новому соглашению, окончательный размер дани был определен в тысячу шкурок. Посол подтвердил обязательство выплачивать эту дань «вперед ежегод беспереводно»¹⁰⁵. Московские власти не поминвали более ни об отправке в Кашлык царского данщика, ни о переписи сибирского населения. Добиться реального подчинения Сибири без отправки военных сил оказалось невозможно.

Слишком далеко отстоял этот край от Москвы. Кроме того, на пути в Сибирь лежал труднопроходимый Уральский хребет.

Между тем Едигер продолжал вести трудную борьбу с Кучумом. Опираясь на поддержку бухарского хана, Кучум в 1563 г. нанес поражение Сибирскому «царству» и приказал умертвить попавших в плен Едигера и Бекбулата.

Смена династии в Сибирском «царстве» сопровождалась смутой. Семь лет Кучум вел кровавую борьбу с непокорной знатью и с племенными князьками, прежде чем добился от них покорности. Местное население не сразу свыклось с переменой. Оно видело в Кучуме завоевателя и узурпатора и повиновалось ему, как заметил еще А. Н. Радищев, «из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных землях»¹⁶⁶.

Кучум окружил себя отрядами, приведенными из Средней Азии, а также набранными в Ногайской Орде. Будучи вассалом бухарского хана Абдуллы, Кучум по его указке стал усиленно насаждать среди населения Сибири ислам. По преданию, Абдулла трижды отправлял в Кашлык шейхов и сеидов в сопровождении бухарских воинов. Незадолго до похода Ермака в Сибирь прибыл Шербетишейх, а с ним 100 всадников¹⁶⁷. Однако мусульманство имело успех лишь среди знати.

Кучум пытался опереться на поддержку как своих среднеазиатских покровителей, так и ногайских союзников. Своего сына и наследника Алея он женил на дочери князя Тинахмата из Большой Ногайской Орды, а дочь выдал замуж за Акмурзу из той же Орды¹⁶⁸. Захватив власть в Сибири, Кучум вскоре же обнаружил свои враждебные намерения в отношении России. Об этом стало известно в Москве. «Хвалитца ден сибирской салтан Ишибаны (Кучум Шейбанид.— Р. С.) итти в Пермь войною»,— писал Иван IV в грамоте от 2 января 1564 г.¹⁶⁹

Сношения между Москвой и Кашлыком оказались прерванными на несколько лет, пока Посольский приказ не

нашел нужным напомнить Сибирскому ханству об его даннических обязательствах. В марте 1569 г. власти освободили из тюрьмы пленного сибирского татарина Ансу и послали его с царской грамотой в Кашлык. Получив грамоту, Кучум послал своих людей в Приуралье, и те захватили в плен трех пермяков. Двое из них были задержаны в Кашлыке, а третий, Ивашка Поздеев, послан на подворах в Пермь с вестью о том, что Кучум дань собирает и готовится послать в Москву послов¹⁷⁰.

Вскоре Кучум прислал в Москву свою первую грамоту к Ивану IV. В грамоте не было ни слова о возобновлении даннических отношений, и сибирский властитель именовал себя «вольной человек Кучюм царь». Кучум вспоминал о давних мирных временах, когда «с нашим отцом твой о[тец] гораздо помирился, и гости на обе стороны ходили, потому что твоя земля блиска. Люди наши в упокое, в добре жили. А ныне при нашем и при твоём времени люди черные не в упокое». Хан предлагал освободить пленных («пяти-шти человек в пойманье держать — земле в том что?») и приступить к нормальным переговорам. Кучум соглашался признать «великого князя» — «белого царя» своим «братом старейшим». Но его мирные предложения заключали в себе лишь слегка завуалированный вызов: «И ныне похощь миру, и мы помиримся, а похощь воеватися, и мы воюемся»¹⁷¹.

Расчетливый политик, Кучум внимательно следил за развитием событий в Восточной Европе. Как раз в 1569 г. крупная турецкая армия, поддержанная Крымской Ордой, перешла русские границы и напала на Астрахань. Поход завершился отступлением татар и гибелью турецкого войска в безводных степях. Узнав о поражении турок и татар, Кучум решил как можно скорее добиться мира с Россией. В 1571 г. он направил в Москву посла Таймаса и дань в тысячу соболей. Свою новую грамоту «Кучюм богатырь царь» адресовал «крестьянскому белому царю». Посольский приказ передал суть обращения Кучума в сле-

дующих словах: «да послал о том, чтоб его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю»¹⁷².

Посольский приказ изготовил грамоту, запечатанную золотой царской печатью. Она начиналась словами: «Сибирские начальнику Кучюму-царю милостивое слово»¹⁷³. Дьяки составили также текст присяги. Кучум должен был запечатать ее печатью, а его мурзы — «лучшие сибирские люди» — скрепить своими подписями. Для приведения хана к присяге в Сибирь выехал посол Третьяк Чебуков.

Царь рассчитывал восстановить утраченные позиции в Зауралье. Но обстановка не благоприятствовала осуществлению его планов. Ввязавшись в войну с Литвой, Польшей и Швецией из-за Ливонии, Россия принуждена была отказаться от продолжения активной восточной политики. Враги России немедленно воспользовались этим. Крымский хан Девлет-Гирей предъявил царю требование покинуть мусульманские юрты Казань и Астрахань. Крымцы лелеяли замыслы воссоединения обломков Золотой Орды. Их планы, поддержанные Османской империей, таили серьезную угрозу для народов Восточной Европы. Попытка захвата Астрахани турками потерпела провал, но привела к возобновлению татарских набегов на Русь в самых широких масштабах. В 1570 г. крымцы подвергли страшному опустошению Рязанскую землю, а в 1571 г. сожгли Москву¹⁷⁴.

На рубеже 60—70-х гг. XVI в. Россия пережила пельханный голод, а затем чумную эпидемию. Татары спешили использовать момент. Крымский хан в 1572 г. предпринял новое наступление на Москву. Русские не успели отстроить московские укрепления, и Девлет-Гирей рассчитывал захватить русскую столицу. Крымцы мечтали о восстановлении давней зависимости Руси от Орды. Накануне вторжения хан распределил города России между своими мурзами и выдал своим купцам проезжие грамоты в Астрахань и Казань с правом бесплатного торгового дела на Волге.

В походе на Москву участвовали турецкая артиллерия и отряды янычар. Подстрекаемые крымцами, восстали казанские и астраханские татары и черемисы. В набеге участвовала Большая Ногайская Орда¹⁷³.

Кучум порвал вассальные отношения с Россией и нанес удар русским, когда они этого не ждали. Лучший из воевод Сибирского «царства» Маметкул «о Ильине дне» — после 20 июля 1573 г. прошел с войсками через Камень на Чусовую и опустошил округу. Манси, платившие дань царю, подвергались истреблению. Членов их семей татары забирали как пленников. Кучумляне захватили Третьяка Чубукова, направлявшегося с миссией в Казахскую Орду. Как царский посол, так и сопровождавшие его служилые татары были убиты все поголовно.

Кучум замышлял большую войну. Он поставил Маметкулу задачу — «дорог проведывати, куде итти ратью в Пермь»¹⁷⁴. Войско Маметкула достигло окрестностей строгановского острожка на Чусовой, а затем повернуло назад.

Сибирский хан решил покончить с русским влиянием повсюду — от Южного Урала до Нижней Оби. Его люди вводили в Кашлык либо побивали всех, кто ориентировался на союз с Россией; запрещали, как писал в своей грамоте Иван IV, «нашим остяком и вогуличам и югрнчам пашне дани в пашу казну давати»¹⁷⁵.

Ко времени войны с Россией Кучуму удалось сосредоточить в своих руках обширные владения. Помимо хантымансийцев, обитавших на Оби и Урале, ему подчинялись барабинцы и другие племена, соседствовавшие с ними, а также некоторые из башкирских племен, живших на восточных склонах Среднего Урала. Территорию Сибирского ханства покрывала целая сеть укрепленных татарских городищ. На подступах к Кашлыку стояли укрепления Сузгун-тура, Бицик-тура, засека на Чувашевом мысу, городок мурзы Аттика, Абалак, городок Карачи. Выше по Иртышу располагались Бегитшево городище, городок Тунус и Кулары. Близ Уральских гор находились «город опасный»

есаула Алышная, «заставной» городок на холме Ятман и «царено городище» на Тоболе¹⁷⁶. На севере границы «царства» доходили до Оби, на Западе переходили кое-где на европейские склоны Уральских гор, на юге терлись в Барабинских степях.

Кучум рассчитывал использовать ситуацию, сложившуюся после сожжения Москвы крымцами. Но прогнозы противников Русского государства не оправдались. В 1572 г. русская армия наголову разгромила Крымскую Орду и ногайцев в многодневном сражении под Москвой. Сражение явилось значительнейшим событием военной истории XVI в. Россия нанесла сокрушительный удар могуществу Крыма и продемонстрировала свое военное превосходство над степными ордами.

На рубеже 70—80-х гг. XVI в. война вновь приобрела неблагоприятный для России оборот. Батоний нанес русской армии ряд поражений. Крымцы и погайцы немедленно возобновили вторжения на Русь. Бывший царский вассал ногайский князь Урус велел взять под страху московского посла, а затем продал его в рабство. В таких условиях Кучум развязал войну с Россией и попытался осуществить свои давние планы. Он послал войска на Чердынь, с тем чтобы в случае успеха изгнать русских из Пермского края. Война не принесла ему победы, но русские поселения в районе Чердыни и камских городков оказались осповательно разорены.

РОЛЬ СТРОГАНОВЫХ В ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ

Как на дрожжах поднялся и разбогател при Грозном торговый дом Аники Строганова. Торговые конторы Аники действовали в разных концах России. Несколько тысяч людей трудились на его промыслах и перевозили его товары туда, где их можно было сбыть с наибольшей выгодой. Флотилии его судов плавали по

рекам и морям. Аника скупал в разных уездах хлеб для казны, в Архангельске перекупал заморские товары, из Сибири вез меха. Но главный доход ему приносила соль.

Много лет главным центром соляной промышленности Строгановых оставалась Соль Вычегодская. Со временем им стало тесно в родном городе. Аника первым оценил соляные богатства Пермского края и потянулся к ним. Будучи в Москве, он испросил у Ивана IV разрешение искать рассол, «варницы ставить и соль варить», а также ставить дворы и расчищать пашню на пустых местах по р. Каме. Взамен Строгановы брали на себя обязательство оборонять камские места «от нагайских людей и от иных орд», для чего им надлежало выстроить на Каме городок и снабдить его пушками. Чтобы возместить Строгановым расходы, казна предоставила им неслыханную льготу на 20 лет¹⁷⁹.

С молодых лет Аника привык вести счет каждой копейке. Что же побудило его взять на себя тысячные расходы, связанные с сооружением крепости и обороной края от соседних орд? Строганов трезво рассчитал, что будущие выгоды перекроют все расходы. Первую грамоту на камские «изобильные места» он получил в апреле 1558 г., т. е. через несколько месяцев после того, как сибирский хан Едигер окончательно признал себя царским данщиком. Еще раньше вассалом России стала Большая Ногайская Орда. Никто не грозил более войной камским местам, и Строгановым не пришлось тратить деньги на войну «с иными ордами». Тем не менее они, выполняя взятое обязательство, основали на Каме городок Канкор, а позже — Кергедан (Орел).

Иван IV не думал отдавать Камский край в собственность солепромышленникам. Напротив, в своей жалованной грамоте он подчеркивал, что этот край — «наша (царская. — Р. С.) вотчина». Но Строгановы сделали все, чтобы фактически превратить камские места в свои владения.

Учреждая опричнину, царь взял под свой контроль главнейшие центры соляной промышленности. В руках опричников соляная торговля стала важнейшим источником средств для опричной казны. В 1566 г. Иван IV зачислил в опричнину Анику Строганова со всеми его прикамскими соляными промыслами. Служба принесла Строгановым множество новых привилегий и льгот. В 1568 г. они получили из опричины жалованную грамоту на еще не освоенные территории по р. Чусовой¹⁰⁰. В 1572 г. Строгановы в качестве опричных слуг царя получили разрешение пахать на службу тысячу казаков с пищалями.

Располагая столь крупными вооруженными силами, пермские солепромышленники решили взяться за покорение Сибирского ханства. Опричным любимцам удалось убедить государя в том, что их планы вполне осуществимы. Строгановы были настолько уверены в успехе, что испросили у царя льготную грамоту на еще не присоединенные земли. В 1574 г. Иван IV удовлетворил просьбу Строгановых и разрешил им построить крепости в Зауралье — на Тоболе, Иртыше и Оби¹⁰¹.

Дореволюционная историография допускала большие преувеличения, коль скоро речь заходила о роли Строгановых в освоении Приуралья. В действительности предприимчивые солепромышленники были обязаны успехами всецело той ситуации, которая сложилась на восточной окраине страны после занятия русскими войсками Казани и Астрахани. Строгановы ловко использовали плоды Казанской войны, в которой не участвовали. Но они обнаружили неспособность справиться с трудностями, когда обстановка приобрела неблагоприятный оборот, и в войне с Сибирским ханством им пришлось полагаться лишь на свои силы.

Предметом спора между Кучумом и пермскими солепромышленниками была область под названием Тахчей. Историки высказывали разные мнения по поводу того, где находилась эта местность. И. И. Полосин писал, что

Тахчей — это «зауральская область, входившая в состав Сибирского ханства; упоминается в грамоте 1574 г., позже упоминаний не встречается»¹⁹². С. В. Бахрушин отверг попытку отождествить Тахчей с Тахтанской волостью Туринского уезда: «Вопрос о Тахчелях до сих пор остается невыясненным... Во всяком случае это не народ, а страна, которая, судя по контексту, лежала в верховьях Тобола, так как в грамоте 1574 г. упоминание о Тахчелях всякий раз предшествует упоминанию о Тоболе». С. В. Бахрушин высказал осторожную гипотезу насчет того, что Тахчелей «называлась область по Туре, за которой впоследствии установилось название „Епанчин юрт“, название новое и возникшее только после похода Ермака»¹⁹³. Ф. Эпштейн — издатель «Записок» Г. Штадена, сослуживца Строгановых по опричнине, считал, что под Тахчелями, или Тахчелей, следует разуметь страну остяков, так как словом «тахе» самоеды называли именно остяков¹⁹⁴. «Тахчей — совсем пусты,— писал Г. Штаден,— в этой стране нет совсем никакого народа»¹⁹⁵. На основании приведенных слов Ф. Эпштейн предположил, что Г. Штаден усвоил понятие «Тахчей» в пустынной Лапландии. Упоминание Г. Штадена об этой «стране» не отличалось определенностью, поскольку он располагал ее между Маугазеей и Ногайской Ордой.

Более точные и подробные сведения о местонахождении Тахчей дает царская грамота Строгановым, содержащая выписку из строгановской челобитной. «Тахчей и Тобол река с реками и озерами,— отметили Строгановы,— лежат в государеве отчине за Югорским камнем, в Сибирской украине меж Сибири и Нагаи»¹⁹⁶.

Прояснить вопрос помогает карта расселения племен в Южном Приуралье в XVII в. На юго-западной окраине Сибири, близ границ с ногайцами, среди других племен обитали племена, пришедшие с запада из Приуралья и принадлежавшие к башкирскому этническому массиву.

В местах их обитания скорее всего и следует искать область Тахчей¹⁸⁷.

Из строгановской грамоты следует, что население Тахчей некогда находилось в зависимости от Ногайской Орды: «Преж де сего Тахчеевы нам (в Москву.— *Р. С.*) дани и в Казань ясаков не давали, а давали де ясак в Ногаи».

В разгар опричнины в 1570 г. Строгановы с согласия царя приняли меры к тому, чтобы укрепить южные границы своих владений, подвергавшиеся нападениям соседних ногайцев. «Для приходу сибирских и нагайских людей» и «для утеснения» чувовских и других остяков и вогуличей, Яков Строганов построил над Сылвою укрепленный острожек¹⁸⁸. В нижнем течении Чусовой обитали вогуличи (манси), в верхнем — башкирское население (терсяки). Последние населяли также и волость на р. Исеть в Зауралье, на самой границе с Ногайской Ордой.

Воспользовавшись тем, что Ногайская Орда стала вассалом Русского государства, Строгановы проникли в Зауралье и основали свою слободку в слабозаселенных местах на Тахчее. Путь из Соли Вычегодской в зауральскую слободку приобрел в глазах Строгановых столь важное значение, что они просили царя освободить от подсудности пермских наместников всех их людей и крестьян, которые поедут «от Вычегодские Соли мимо Пермь на Тахчей в слободу или из (Тахчей.— *Р. С.*) слободы к Вычегодской Соли»¹⁸⁹.

Строгановы рассчитывали на то, что слобода на Тахчехах станет их главным форпостом в Зауралье, опираясь на который они смогут продвигаться на Тобол и завладеть Сибирью. Но их расчеты не оправдались. Удержаться в Зауралье им не удалось. В период восстания черемисов в Поволжье в 1572 г. отряды восставших появились на Каме. К ним пристали местные остяки и башкиры. Повстанцы дошли до строгановских городов Кавнора и Кергедана¹⁹⁰.

Кучум использовал момент для посылки своих войск на русскую границу. Этот эпизод нашел отражение в царской грамоте на имя Строгановых. «Как нам была черемиса изменила,— писали от имени царя московские дьяки,— посылал Сибирской (хан.— *Р. С.*) через Тахчей и перевел Тахчей к себе».

Татары не только уничтожили строгановскую слободку в Зауралье, но и подчинили своей власти окрестное население.

Оно не сразу смирилось с властью Кучума. По словам Строгановых, остяки из Тахчей запросили у них помощи, чтобы «сибирскому б (хану.— *Р. С.*) дави и ясаков не давати и от сибирского б ся им боролити за одшо». Обращение остяков подало Строгановым надежду на возможность привлечь для борьбы с Кучумом подвластные ему племена. Планы пермских солепромышленников получили полное одобрение царской администрации. В очередной грамоте Строгановым московские дьяки писали: «А на Сибирского (хана.— *Р. С.*) Якову и Григорию (Строгановым.— *Р. С.*), збирая охочих людей, и остяков, и вогуличь, и югричь и самоедь, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцов пмати...»¹⁰¹

Военные силы пермских солепромышленников далеко превосходили дружину Ермака, и тем не менее они не осмелились осуществить свои планы и двинуться на выручку Тахчеем в зауральский поход. Причиной было как ухудшение их дел, так и ослабление внешнеполитических позиций Русского государства в ходе Ливонской войны.

Для проникновения в Сибирь Строгановы использовали не только Южный Урал, но и Северное Зауралье. По преданию, основатель торгового дома Аника Строганов не раз посылал своих людей на Обь за пушпиной Печорским путем. Его приказчики вели меновую торговлю с сибирскими хантами и самоедами. В обмен на

малоценные товары (колокольчики, бусы) они получали в большом числе собольи меха¹⁰².

К XVI в. русские поморы прочно освоили пути по Студеному морю в устье Оби¹⁰³. Начиная с середины века на этих путях появились английские мореплаватели.

После открытия Америки и освоения испанскими и португальскими мореплавателями океанских путей в Индию и Китай англичане предприняли энергичные поиски северо-западных и северо-восточных путей в Индию. В Лондоне было основано Общество купцов, искателей стран и земель, которое выслало на восток эскадру из трех кораблей во главе с адмиралом Уиллоби и капитаном Ченслером. Буря разъединила корабли эскадры. Адмирал Уиллоби с экипажами двух кораблей погиб во время зимовки в Мурманском море. Капитан Ченслер вошел в Белое море и достиг устья Северной Двины.

Плавание Ченслера положило начало русско-английской торговле на Белом море. Английская компания оценила выгоды русского рынка и вложила крупные средства в торговлю с Московией. Вслед за английскими кораблями русские пристани на Белом море стали посещать торговые суда из Голландии и других западно-европейских стран. Иноземных купцов поражала дешевизна мехов в России. В 1560 г. правление Московской компании английских купцов называло в числе главных предметов вывоза из России сало, воск и меха¹⁰⁴. Спрос на последние привел к их резкому вздорожанию на русском рынке. В 1565 г. агенты компании получили предписание временно воздержаться от закупок мехов в России ввиду их высокой цены¹⁰⁵. Но даже дороговизна не мешала западноевропейским купцам сбывать русские меха и драгоценную сибирскую пушнину на своих рынках. В 80-х гг.

XVI в. один английский поэт, воспевший путешествия своих соотечественников к берегам Сибири, посвятил несколько строк самоедам на Оби и Вайгаче, которые «привлекают всех богатством соборей»¹⁹⁶.

Уже в начале 70-х гг. XVI в. царская казна нередко прибегала к услугам Строгановых, когда ей требовалось закупить собольи меха лучшего качества. Будучи в Александровской слободе, Иван IV в 1573 г. обратился с грамотой к Якову Строганову, веля ему купить на государевы пужды 40 соборей по средней цене, да еще «дорогих соборей одинцов» по любой цене, сколько удастся найти. Строганов вскоре же известил царя, что в Москве ему не удалось купить требуемых соборей. Царские соборья были привезены строгановскими приказчиками на соляных судах из приуральской вотчины¹⁹⁷.

Открытие торговых сношений между Россией и Западной Европой по Белому морю и резкое повышение спроса на пушнину, как отметил С. В. Бахрушин, усилило движение русских промышленников на Восток. Поморские промышленники бесстрашно шли за соборем в «неведущие земли», осваивая неочятые природные богатства Сибири¹⁹⁸.

Обосновавшись на русском рынке, английская торговая компания не отказалась от дальнейших поисков северо-восточного морского пути в Китай. Спутник Ченслера С. Берро в 1556 г. отплыл из Англии на небольшом судне «Сечрифт». Его экспедиция подошла вплотную к берегам Новой Земли, откуда направилась к о. Вайгач, столкнулась со сплошными льдами в Карском море и, повернув назад, ушла на зимовку в устье Двины.

На пути к о. Вайгач С. Берро встретил флотилию русских поморов из двух больших и двух малых парусников. Поморы промышляли охотой на моржей и белых медведей. С. Берро пригласил к себе на корабль корычего по прозвищу Лошак. Кормчий поведал ему, что неподалеку в море расположена «Новая Зембла» (Новая Земля), на

которой находится «самая высокая гора в мире». Он сообщил английскому капитану также подробные сведения о пути в устье Оби.

В течение недели русские и английские суда шли параллельными курсами. Лошак вторично посетил С. Берро и пообещал ему провести их корабль в устье Оби, «если бог пошлет ветер и хорошую погоду». Ввиду малого улова моржей у Вайгача помор сам собирался плыть на промыслы в Обскую губу. Однако из-за сильной бури англичане вскоре потеряли из вида русские суда. Столкнувшись с большими скоплениями льдов, С. Берро отказался от дальнейшего плавания¹⁹⁹.

Иван IV старался привлечь английский капитал в Россию и предоставил Лондонской компании исключительные привилегии. Золотым днем для английских купцов стала персидская торговля²⁰⁰. Освоение русского рынка и персидская торговля надолго поглотили внимание англичан. На протяжении двух-трех десятилетий после экспедиции С. Берро компания предприняла лишь две попытки возобновления поисков морских путей на северо-восток.

В 1568 г. Русское государство принуждено было вести войну одновременно с Крымом, Османской империей и Речью Посполитой. Планы союза со Швецией рухнули. Царь пытался выйти из состояния внешней изоляции, заключив тесный военный союз с Англией. В силу привилегии, полученной от царя, Московская компания получила первые в русской истории концессии на разработку железных руд в северных уездах, право свободного проезда в Персию, разрешение чеканить английскую монету в России и пр.²⁰¹ Компания попыталась использовать наметившееся англо-русское сближение, чтобы снарядить новую морскую экспедицию. Английский посол Т. Рандольф прибыл в устье Двины 23 июля 1568 г., а неделю спустя вручил капитану Д. Бессендайну и двум его помощникам инструкцию относительно подготовки к плава-

нию на поиски новых стран. Д. Бессендайн получил приказ подготовить корабль к началу будущей навигации и «держатъ курсъ прямо на реку Обь», но не задерживаться там, а продвинувшись так далеко на восток, как то позволят «очертанія берега и время года».

Новая экспедиция имела все шансы на успех, поскольку англичане предполагали использовать на этот раз русские пристани. Д. Бессендайн должен был выбрать себе исходную стоянку к востоку от Печоры у о. Долгий и вернуться на зимовку либо к Печоре, либо в устье Двины²⁸². Т. Рандольф мог рассчитывать на помощь русских властей, так как несколько раньше царь выдал компании жалованную грамоту, воспрещавшую всем, кроме ее членов, плавать в устье Двины, на Мезень, Печору и Обь²⁸³. В Москве Т. Рандольф благополучно завершил переговоры с русским правительством относительно договора о союзе. Однако королевский двор в Лондоне отказался санкционировать договор. Тогда Иван IV объявил недействительными все грамоты и привилегии, дарованные английской компании. В результате экспедиция Д. Бессендайна так и не состоялась.

Новую экспедицию на Восток компания снарядила в 1580 г. К тому времени Русское государство окончательно увязло в Ливонской войне. Его армии понесли поражение в Ливонии и под Полоцком. Иван IV стал вновь добиваться тесного союза с Англией. Руководители Московской компании решили использовать благоприятный момент, стараясь затратить при этом минимальные средства на подготовку морской экспедиции. Они заключили контракт с капитаном А. Петом, владельцем барка «Джорж» водоизмещением в 40 т, и капитаном Ч. Джекменом, хозяином барка «Уильям» водоизмещением в 30 т. Экипаж судов состоял из 14 матросов и двух юнг. Капитаны получили предписание не приставать к русским пристаням, а идти к Новой Земле, к устью Оби и далее на восток. В случае невозможности пройти в Ки-

тай морским проходом, А. Пет должен был перезимовать в устье Оби, а затем подняться возможно дальше вверх по реке. Если, гласила инструкция, «вы доедете до города Сибири или до другого какого-нибудь города с населением на берегу Оби или близ нее, и тогда у вас явится желание перезимовать вторично, в этом случае поступайте по своему усмотрению»²⁹⁴.

Знаменитый фландрский географ Г. Меркатор, узнав о планах компании, составил особые наставления для А. Пета, которые, впрочем, не попали в руки последнего. Г. Меркатор здраво указывал на то, что для успеха экспедиции следовало бы заручиться поддержкой русских. «...Плавание в Китай северо-восточным проходом,— писал Г. Меркатор с видимой наивностью,— весьма удобно и легко, и я часто удивлялся, что столь успешно пачав его осуществление в этом направлении, его оставили, чтобы повернуть паруса на Запад... Я не могу себе представить, чтобы оставили путь этот без всякой причины; я полагаю, что великий князь Московский воспротивился этому, и я думаю также, что если бы туда можно было проехать, предварительно заручившись разрешением и милостью этого князя, следовало бы разыскивать в первую очередь этот большой залив с реками, в него впадающими, и, избрав там какую-нибудь удобную гавань, закрепить ее за английскими купцами...»²⁹⁵

Успеху восточных экспедиций препятствовало, разумеется, не противодействие московских властей, а перерождения Лондонской компании, отказавшейся от попыток проложить торговые пути через Ледовитый океан и вложившей все средства в русскую и персидскую торговлю. Завязав обширные связи в России, английские купцы стали исподволь собирать сведения о Сибири²⁹⁶. Сопоставление инструкций Д. Бессендайну с инструкциями А. Пету обнаруживает большие перемены в позициях компании. Ее руководителей в 1580 г. интересовали уже не только поиски морского прохода на Восток, но в еще

большей мере — возможности закрепиться в удобных гаванях на Оби и получить доступ к пушным богатствам Сибири.

Эскадра А. Пета отплыла из Англии 30 мая 1580 г. Задержанные сильными ветрами корабли во второй половине августа миновали Вайгач и прошли в Карское море, где столкнулись с большим скоплением льдов. Обогнув о. Колгуев с юга, английские корабли легли на обратный курс. Вскоре они потеряли друг друга из виду. В конце декабря А. Пет благополучно добрался до родных берегов. Капитан Ч. Джекман зазимовал со своим кораблем у норвежских берегов²⁰⁷.

Морские экспедиции на Восток, в Ледовитый океан вызвали огромный интерес в Англии. Поэт У. Уоркер посвятил им целую песнь в поэме, изданной в 1586 г:

Нет, нелегко проплыть на Обь, и путь туда далек,
Но смелый Берро там бывал, трудами пренебрег,
Через холодные моря в Лапландию прошлых,
Весьма опасный путь на Обь для Англии открыл.

.....

Сколь много Берро повидал чудес в стране Вайгач!
Как подвиг Ченслера, велик его упорный труд.
Как Пет и Джекмен, он страдал в снегах суровых тут²⁰⁸.

Поэт допустил некоторое преувеличение. Английским путешественникам так и не удалось пройти в Сибирь путем, по которому плавали туда поморы.

В 70—80-е гг. русские мореходы продолжали плавать в устье Оби, а Строгаповы использовали Северный морской путь в своей торговле с Сибирью.

В 1580 г. в Антверпен прибыл из России бельгиец О. Брюпель, находившийся на отечественной службе у Строгаповых²⁰⁹. Он заинтересовал рассказами о своих страданиях некоего Балака, и тот направил его с рекомендательным письмом к Г. Меркатору. Из письма Балака,

опубликованного в Англии уже в 1589 г., можно подчеркнуть ценные подробности о торговле Строгановых в Зауралье.

Благодаря службе у пермских солепромышленников, О. Брюнель дважды побывал на Оби. Первый раз он ездил туда сухопутьем через «страну самоедов» и сибирские места, а второй раз — морем, «вдоль берегов реки Печоры на восток»²¹⁰.

Г. Краснянский считал рассказы О. Брюнеля о морском путешествии в Сибирь сплошным вымыслом. В доказательство он сослался на фантастические сведения О. Брюнеля о том, что Обь имеет 70 устьев и пр.²¹¹ Однако точка зрения Г. Краснянского не кажется основательной: О. Брюнелю не пришлось самому плавать по Оби, и все сведения об устье реки, ее ширине он привел со ссылкой на чужие рассказы («как говорят самоеды»). Бельгиец не знал языка «самоедов» и неизвестно, в какой мере владел русским. Языковые трудности и двойной перевод неизбежно должны были внести много неточностей в его повествование. Кроме того, О. Брюнель был достаточно легковерен, как большинство его современников. Отчеты путешественников тех лет нередко украшали небылицы, что тем не менее не ставит под сомнение факт реальности этих путешествий²¹².

Расставшись с надеждами о подчинении Кучумова «царства» силой, Строгановы решили наладить более регулярную торговлю с Зауральем по морю. Сведения о своей сибирской торговле они, видимо, старались держать в тайне: обмен приносил большие барыши, и Строгановы не желали делить их ни с кем. О. Брюнель оказался посвященным в «тайную тайну» лишь благодаря тому, что попал к ним на службу, в круг «хорошо известных» русских людей (очевидно, слуг Строгановых), «которые в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с рекою Обью, так как ездили туда из года в год»²¹³.

Не приходится сомневаться в том, что регулярные по-

ездки на Восток по суше и плавания на Обь по морю позволили Строгановым собрать обширные сведения о силах и ресурсах Сибирского ханства.

Одной из главных причин крушения честолюбивых замыслов Строгановых были множившиеся экономические трудности. Аника умел добиться полного повиновения от своих взрослых детей, но как только он умер, трое наследников немедленно разделили между собой его богатства, промыслы и земли. Раздел основательно поколебал финансовую мощь семьи.

Канула в лету опричнина, и вместе с нею минуло время щедрых льгот для солепромышленников. Некогда Иван IV на 20 лет освободил от податей приуральские владения Аники Строганова. В 1579 г. этот срок истек, и прибывшие в Пермский край писцы обложили строгановские деревни налогами.

В последние годы Ливонской войны царь взыскивал с торговых людей крупные суммы в счет экстренного военного налога. Государевы поборы росли, а поступления в казну Строгановых сокращались.

«Великое разорение», охватившее Россию в 70—80-х гг. XVI в., отозвалось и на строгановских промыслах. Соляная торговля всегда давала Строгановым львиную долю доходов. В пору расцвета на Каме работали на полную мощь 27 соляных варниц. Однако к 1579 г. половина из них бездействовала²¹⁴. Вскоре возникла опасность полной приостановки промыслов, что грозило подрвать доходы семьи.

Строгановы беззащитно грабили и угнетали приуральские племена. В начале 80-х гг. это привело к восстанию местного населения. По данным Строгановской летописи, его возглавил мурза Бегбелий Агтаков. Он собрал 680 воинов и 22 июля 1581 г. напал на Чусовские городки. Строгановы поспешно собрали своих людей и разогнали мансийцев, а их мурзу взяли в плен²¹⁵. Однако вскоре их владения подверглись более серьезно-

му нападению со стороны зауральских манси. Новое нападение имело место после 1 сентября («о Семене дне»), возглавлял его некий пелымский князь. Осенью 1581 г. Строгановы обратились к царю с жалобой на то, что чувсовские вогуличи (манси) повоёвали их слободы на Чусовой и Сылве, после чего зауральские манси с Пелыма выжгли все их деревни на Койве, Обве, Яйве и Чусовой: «А вогуличи, — писали основательно струсившие вотчинники, — живут блиско их слободок, а место лешее, а людем их и крестьяном из острогов выходу не дадут, и пашни похати и дров сечи не дают же. И приходят деп к им невеликие люди украдом, лошадей, коровы отганявают и людей побивают, и промысл деп у них в слободах отпяти и солп варити не дают»²¹⁶. Строгановы оказались бессильны одолеть не только Кучума, но даже малочисленные мансийские племена, восстание которых могло привести к полной остановке их соляных промыслов.

Семен и Максим Строгановы просили у царя разрешение произвести набор казаков в свои городки, чтобы справиться с восставшим населением. Однако военные действия на западных границах достигли критической точки, и царь остался глух к просьбе пермских вотчинников. 20 декабря 1581 г. в грамоте к пермским и соликамским земским властям он позволил провести Строгановым сбор «охочих людей» исключительно среди местного уездного населения: «...которые будет охочие люди похотят ити в Оникшевы (строгановские. — Р. С.) слободы в Чусовую и в Сылву и Яйву на их (Строгановых. — Р. С.) наем, и те б люди в Оникшевы слободы шли»²¹⁷.

Автор специальной работы «Покорение Сибири и Иван Грозный» Г. Красинский сделал вывод, что «сибирский поход Ермака явился прямым следствием решений и действий Московского правительства — Ивана Грозного»²¹⁸. Строгановы действовали как исполнители царских предначертаний, а по отношению к Ермаку выступали как равноправная сторона, заключившая соглашение. Исто-

дя из такой схемы, Г. Красинский интерпретировал царские грамоты Строгановым следующим образом. Ранее 6 ноября 1581 г. пермские промышленники обратились к Ивану IV за военной помощью, следовательно, казаков в их городках еще не было²¹⁹. В октябре Строгановы просили царя разрешить им «прибрати охочих людей казаков и теми казаки своими людьми» вести войну с вогуличами. По мнению Г. Красинского, Строгановы без сомнений, имели в виду ермакову дружину, которая должна была появиться на Урале не позднее середины октября²²⁰. Произвольно толкуя источник, Г. Красинский утверждал, что Ермак уже находился в Перми, когда Строгановы притворно просили царя разрешить им набрать казаков. 20 декабря 1581 г. Москва разрешила им набрать «охочих» людей, ни словом не упоминая о наборе казаков. «...Это непонятное умолчание, — пишет Г. Красинский, — говорит нам о том, что правительственная власть знала, о чем идет речь (о приглашении Ермака с „воровскими“ казаками. — Р. С.); но предпочитала поддерживать намерение Строгановых „де факто“, воздерживаясь лишь от официального признания участия волжских „воров“ в намечаемом предприятии...»²²¹ Итак, и царь, и Строгановы — все хитрили друг перед другом, непонятно только, ради чего. Казаки будто бы восприняли московскую грамоту 20 декабря 1581 г. «как царский призыв» и ранним летом 1582 г. отправились в Сибирь.

Приведенное построение нельзя считать удачным, поскольку оно противоречит твердо установленным фактам.

В очень поздних источниках можно встретить указания на то, будто Строгановы давно знали Ермака и использовали это обстоятельство, чтобы пригласить его в Пермский край и послать за Урал²²². Это сведения носят фантастический характер²²³.

Составители ранней повести о Сибири без всяких комментариев сообщали о том, что Ермак прибыл с Волги

«в вотчину Строгановых», а оттуда двинулся в Сибирь²²⁴. Авторы официального Нового летописца сочли необходимым уточнить обстоятельства, приведшие волжских казаков во владения Строгановых: Ермак двинулся на Урал «по присылке Максима Строганова»²²⁵.

Причастность Максима Строганова к организации похода подтверждается разнообразными источниками, как письменными, так и вещественными²²⁶. Он был владельцем самых дальних восточных земель на Чусовой, которые подвергались наибольшему разорению при любом нападении из-за Урала. Это и побуждало Максима деятельнее всех хлопотать о приглашении вольных казаков и снаряжении экспедиции против зауральских манси и Кучума.

В XVII в. строгановский придворный историограф пытался доказать, что Сибирь была взята «промыслом и радением» Строгановых. Он выдвинул множество доводов, призванных возвеличить роль его хозяев в покорении Сибири. Анализируя источники XVII в., историк всегда уделял первостепенное значение Строгановской летописи. Осведомленность ее автора в самом деле не подлежит сомнению, поскольку он широко использовал материалы фамильного архива пермских солепромышленников.

Строгановский летописец указал на 1 сентября 1581 г. как на печальную дату похода Ермака. Представляется возможным не только установить ошибочность этой даты, но и выяснить происхождение летописной ошибки, оказавшей большое влияние на последующую историографическую традицию. Документы, использованные летописцем, сохранились до наших дней в подлинниках, и мы можем оценить приемы обращения с ними историографа.

А. М. Ставрович отметила, что в Строгановской летописи опальная Грамота Ивана IV 1582 г. адресована Семёну и двум его племянникам, тогда как сохранившийся

подлинник — только племянникам²²⁷. Сопоставление подлинника с летописной версией обнаруживает, что придворный историограф убрал слова об измене Строгановых и сократил грамоту в других пунктах. Но редактировал он, по-видимому, особый текст, в отдельных случаях более полный, чем сохранившийся подлинник. (Имеется два указания на татар, а также точное обозначение года в рассказе о выступлении Ермака, отсутствующее в грамоте на имя младших Строгановых). Наличие двух вариантов послания объясняется, вероятно, тем, что дьяки вели переписку одновременно с Солью Вычегодской — резиденцией Семена Строганова и с пермскими городками, где жили младшие Строгановы. В летописной версии опальной грамоты значилось: «Писал нам из Перми Василей Пелепелицын, что послали вы (Строгановы.— *Р. С.*) из острошков своих вол(ж)ских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевать... Сибирские места [70]91 (1582) году сентября в 1 день»²²⁸. В собственном рассказе о походе Ермака летописец следовал однако не той дате, которая обозначена была в опальной грамоте, а сведениям, почерпнутым из тобольских документов²²⁹.

Ранняя Тобольская летопись, как было показано выше, легла в основу всей Строгановской летописи. Неудивительно, что составитель последней не мог отбросить дату, найденную им в тобольском источнике. Он попытался примирить хронологические противоречия ранней летописи и царских грамот, а заодно возвеличить роль Строгановых в «сибирском взятии». С этой целью был сочинен рассказ о том, что до сибирского похода Ермак жил в вотчинах Строгановых в течение двух лет, а следовательно, стал их слугой. «Того же (7087.— *Р. С.*) году, июня в 28 день,— записал летописец,—...приидоша с Волги атаманы и казаки Ермак Тимофеев волской с товарищи в Чюсовские городки... Пожиста же

они атамань и казаки в городках их (Строгановых.— Р. С.) два лета и месяца два»²³⁰.

Итак, следуя расчету строгановского летописца, ермаковы казаки оставались в Чусовских городках до 28 августа 7089 (1581) г., а в последние дни истекавшего 7089 г. ушли из строгановских владений в сибирский поход. В этом случае придворный историограф явно следовал хронологии ранней Тобольской летописи. Несколькими страницами ниже историограф записал, что Строгановы послали Ермака в Сибирь «в лето 7090 году сентября в 1 день»²³¹. Расхождение в три дня — между 29 августа (7089 г.) и 1 сентября (7090 г.), очевидно, представлялось ему несущественным. Фактически же это была новая дата начала сибирского похода, и эту дату строгановский летописец, по-видимому, извлек из царских грамот, найденных в архиве своих покровителей. По крайней мере, две царские грамоты (за ноябрь 1581 г. и за ноябрь 1582 г.) упоминали о нападении пелымского князя на Пермский край «в Семенов» или «о Семенов день». Вторая грамота прямо указывала на то, что Ермак отправился в сибирский поход в самый момент нападения в названный «Семенов день», т. е. 1 сентября. Ранняя грамота упоминала о нападении 7090 г., и летописец заключил, что и вторая грамота имела в виду то же самое нападение. Он объединил сведения двух грамот, в результате чего возник следующий летописный текст: «В та же времена девятыдесятые години, и в число днєви на память преподобного отца нашего Симеона Столпника... князь Пелымский... подозва... уланов и мура Сибирские ж земли... прииде на Чердынь, ...под Каикор и под Кергедан городки, а оттоле поидоша под Чусовские городки...»²³²

Наличие подлинных документов строгановского архива позволяет выявить происхождение ошибки, допущен-

ной вотчинным историкографом. Сравнение текстов царских грамот показывает, что в них описаны неодинаковые по масштабам и разновременные нападения пелымцев на Пермский край. Наиболее существенно то, что в первом случае нападению совершил князь с вогуличами (манси), а во втором набеге участвовали еще и «сибирские люди», т. е. воины Кучума.

В царской грамоте от 6 ноября 1581 г. значилось: «Били нам челом Семен да Максим Строгановы, а сказали: приходил ден войною Пелымской князь с вогуличи на их слободы, и деревни многие выжгли, ...п пыне ден Пелымской князь с вогуличы стоит около Чюсовского острогу»²³³. После отступления манси Строгановы прислали в Москву новое донесение, процитированное царскими дьяками в грамоте от 20 декабря 1581 г.: «Ныне, ден, девятыдесятого году о Семепе дни приходил пелымской князь ратью, а с ним людей семьсот человек, а их де слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве, и на Чюсовой и на Сылве деревни все выжгли...»²³⁴ Пермские солепромышленники ямели, по-видимому, самое приблизительное представление о численности пелымской рати. В действительности пелымский князек не располагал силами, достаточными для того, чтобы захватить укрепленный острожек на Чусовой. Дело ограничилось тем, что он разграбил и сжег незащищенные слободки и деревни. Младшие Строгановы пожаловались царю на своего родственника Никиту Строганова, владевшего вотчиной на Каме: во время набега Никита не подал им никакой помощи. В грамоте от 6 ноября 1581 г. Иван IV сделал выговор Никите и велел ему «стоять за один» с Семеном и Максимом Строгановыми. Грамота ни словом не упоминала о появлении Ермака в Пермском крае.

В конце 1582 г. в Москве было получено новое донесение, но на этот раз не от Строгановых, а от чердынского воеводы В. Пелепелуцына. Воевода сообщал, что в Семенов день 1 сентября «пелымский князь с сибирскими

людми и с вогуличи приходил войною на наши пермские места и к городу Чердыни к острогу приступал, и наших людей побили, и многие убытки нашим людем починили»²³³. Это донесение В. Пелепелицына было процитировано в царской грамоте Строгановым от 16 ноября 1582 г. Новое нападение носило куда более серьезный характер, чем предыдущее. Во-первых, в нем участвовали не только целымские манси — вогуличи, но и «сибирские люди», т. е. отряды Кучума. Во-вторых, главным объектом их нападения стала крепость Чердынь — центральный опорный пункт русских в Приуралье. Местный воевода пожаловался царю на то, что Строгановы не только не выручили его в беде, но и послали стоявший в их городках отряд Ермака за Урал в тот самый день, когда Чердынь подверглась штурму. 16 ноября 1582 г. Иван IV пригрозил Строгановым опалой и велел им немедленно вернуть казаков Ермака из сибирского похода, с тем чтобы использовать их для укрепления гарнизонов пермских городков.

Фрагменты из «архива» Ермака окончательно проясляют все обстоятельства дела. Будучи в Сибири казаки узнали такие подробности насчет нападения на Пермь, которые остались неизвестными Строгановым, В. Пелепелицыну и Ивану IV.

В царских грамотах ни «целымский князь», ни предводитель «сибирских людей» не были названы по имени. В Погодинской летописи эти имена точно обозначены. Летописец записал следующее: «Царь Кучюм посла сына своего Алея с ратью воевать в Чюсовую и доходили до реки Камы и до города до Соли Камской и многое дурно над православными христианы починили. А как Кучюмов сын Алей пришел войною на Чюсовую, и в тое ж пору прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарищи, ...и Чюсовой сибирским повоювать не дали. И с тех мест учали оне, Ермак с товарищи, мыслить и эбиратся, как

бы им донести до Сибирские земли и того царя Кучюма. А за год до того времени, как Кучюмов сын дошел на Чусовую, некто был в Сибири ж Пелымский князь Апдыгарым, воевал своими татараы Пермь Великую...»²³⁶

Приведенный текст подтверждает сделанные выше выводы: во-первых, два нападения на Пермский край произошли с интервалом в год, и, во-вторых, Ермак определенно прибыл во владения Строгановых лишь в дни второго набега. Поскольку дополнения к Погодинской летописи — это источник независимого происхождения, их совпадение с царскими грамотами имеет особое значение.

Достоверность сведений о нападении Аблегирима на Пермский край косвенно подтверждается подлинными царскими грамотами начала 90-х гг. XVI в. Власть охотно принимала на царскую службу сибирских князей и царевичей. Исключение было сделано лишь для Аблегирима.

Воеводы получили предписание захватить его любой ценой вместе со старшим сыном Тагаем и «лучшими людьми» (5—6 чел. «пущих») и казнить за «воровство»²³⁷. Пелымский князь должен был понести наказание за свои разбойные нападения на Пермский край.

Осенью 1581 г. Строгановым не удалось отразить нападение сравнительно малочисленных отрядов Аблегирима, поскольку отряд Ермака еще не прибыл в их владения. Спустя год ситуация изменилась. Алей потерпел неудачу в бою с Ермаком на Чусовой и ушел сначала к Соли Камской, а оттуда к Чердыни, где появился 1 сентября. От Чусовских городков до Чердыни было не менее 300 верст. Отсюда следует, что бой имели место примерно в середине августа. В Приуралье Ермак прибыл, очевидно, еще раньше. Бой на Чусовой позволили казакам в полной мере оценить боеспособность кучумовой рати. Когда Алей ушел от Соли Камской на север, возникла си-

туация, благоприятная для Ермака. Алей был наследником Кучума и при нем паходились отборные войска. Пока эти войска были связаны войной в Прикамье, казаки получили возможность разгромить Кучума. Фрагменты «архива» показывают, что окончательное решение о походе в Сибирь Ермак принял после боев с Алеем.

Все без исключения ранние документы, составленные в начале 80-х гг. XVI в. и сохранившиеся в подлинниках, согласуются между собой. Они точно и недвусмысленно указывают на то, что Ермак выступил в поход не 1 сентября 1581 г., а 1 сентября 1582 г. Помимо письменных источников (царские грамоты, письмо Стравинского, польские документы) для проверки полученной даты можно привлечь несколько вещественных памятников, уцелевших от экспедиции. В строгановской коллекции еще в XIX в. хранилась «затинная пищаль» со следующей надписью на стволе: «В граде Кергедане на рече Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090»²²⁸. Надпись была сделана в период между 1 сентября 1581 г. (в этот день начинался 7090 год) и 31 августа 1582 г. (последний день указанного года).

Приведенную надпись трудно объяснить, если придерживаться традиционной даты начала экспедиции Ермака (1 сентября 1581 г.). Изготовить пушку с отлитой надписью на стволе нельзя было мгновенно. Едва ли вся операция могла быть осуществлена в самый день выступления казаков в поход. Отстаивая дату 1 сентября 1581 г., некоторые исследователи склонны были взять под сомнение достоверность сведений о «ермаковой пищали». Факты позволяют отбросить эти сомнения. Отряд Ермака прибыл в вотчины Строгановых не позднее августа 1582 г. и оставался там по крайней мере несколько недель. В ходе августовских боев Ермак отразил нападение татар на Чусовские городки. По-видимому, в награду за это Мак-

сим Строганов в пожаловал ему в дар пушку не позднее августа 7090 (1582) г.

Строгановы подсказали вольным казакам направление экспедиции. Они не скупилась на обещания, стремясь вовлечь атаманов в далекий и трудный поход.

П. С. Икосов, написавший в XVIII в. историю Строгановых и использовавший их бумаги, утверждал, будто по секретному соглашению («тайности») камские вотчинники обещали Ермаку снабдить его припасами, «сколько тому пути (в Сибирь.— *Р. С.*) потребно будет»²³⁰. Когда же казаки прибыли на Каму, солепромышленники проявили обычную для них скупость. Согласно кунгурским «сказам», Максим соглашался выдать им некоторое количество хлеба, но не иначе как займы под проценты, «прося у них кабалы». «Егда возвратитесь, на ком те припасы по цене взять, и кто отдаст, точно или с лихвой?» — спрашивал вотчинник ермаковцев. Возмущенные казаки приступили к Максиму «гызом» и едва не убили его. Иван Кольцо пригрозил Максиму, что расстреляет его «по клоку». Испугавшись угроз, тот открыл амбары и отпустил запас на казачья струги «по запросу». Приведенный рассказ, занесенный на страницы ремезовской Кунгурской летописи, поражает своей живостью и реализмом. Кажется, что сцена как бы списана с натуры. Жадный купец и удалой казак действуют каждый соответственно своему характеру. Иван Кольцо, не побоявшийся положить руку на государева посла, не дал бы спуска Максиму Строганову. Правдоподобно и то, что «воровской» атаман, а не Ермак участвует в споре с солепромышленником. Однако правдоподобность не устраняет необходимости доказательств.

Если сведения, легшие в основу Кунгурской летописи, были в самом деле записаны некогда со слов очевидцев, то возникает вопрос: почему в летописи отсутствуют сведения о боевых стычках Ермака и Ивана Кольца с цар-

вичем Алеем на границах строгановских владений? Казаки оказали Строгановым услугу, не дав татарам разгромить их городки, и солепромышленники должны были рассчитаться с ними. Специально отлитая пушка с дарственной надписью явилась свидетельством добрых отношений, установившихся между Максимом Строгановым и Ермаком.

В Кунгурскую летопись попали вовсе фантастические сведения о том, что дружина Ермака насчитывала 5 тыс. чел., и Строгановы под действием угроз выдали им на струги «поартельно 5000 по именов на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и колико масла пудов»²⁴⁰.

Ранние летописи скупо и без всяких подробностей говорили о запасах, переданных Ермаку Строгановыми. «По присылке Максима Яковлева Строганова», повествует одна из летописных повестей, казаки пошли с Волги на Чусовую «до городка Максима Строганова и взяша у Максима Строганова запасов хлебных и мяс и масла, також и пороху и свинцу»²⁴¹.

Придет время, и Строгановы начнут доказывать, что их предки предоставили Ермаку «запасы многие», а также пушки, скорострельные «семинадцатые» пищали, дали им «вожей», знающих «сибирский путь», а кроме того отпустили с ними и своих ратных людей из пермских городков — «предобрых воинов триста человек», «литвы и немец и татар и русских»²⁴². Ранние, более достоверные источники начисто опровергают эти наивные вымыслы. Автор «Краткого описания о земле Сибирской» отметил, что, будучи на Чусовой, Ермак «взя с собою тутошних людей 50 человек»²⁴³. Тем дело и ограничилось.

Не приходится сомневаться в том, что Строгановы предоставили вольным казакам продовольствие, кое-какое вооружение, свинец и порох. Однако следует иметь в

виду, что отряд Ермака прибыл с театра военных действий, а атаман Иван Кольцо незадолго до того громил Ногайскую Орду. Так что он прибыл в строгановские вотчины, будучи хорошо вооруженным.

С. Ремезов записал предания о том, что казаки поддерживали в своем отряде строгую дисциплину. Повинных в тяжком преступлении круг судил «по донски..., насыпав песку в пазуху и посадя в мешок в воду»²⁴⁴. В войске Ермака, согласно тому же преданию, были полковые писари, трубачи, сотники, знаменщики, наконец, три попа. Эти сведения носят, скорее всего, фантастический характер. Но среди них мелькают подробности, поражающие своим реализмом и, скорее всего, заимствованные из казачьих «сказов». Был у Ермака, писал С. Ремезов, «старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и кашу варил и припасы знал и круг церковной справно знал»²⁴⁵. Подле попов бродячий монах был явно ни к месту. Но на роль знатока церковных правил и кашевара при нескольких казачьих сотнях он вполне подходил. Вольные казаки из беглых крестьян и холопов охотно пользовались услугами таких бродяг.

Самые точные сведения о численности отряда Ермака сообщает Погодинская летопись, сохранившая фрагменты из архивных документов. Черкас Александров, привезший в Москву весть о взятии Сибири, показал, что с Ермаком на Урал отправилось 540 волжских казаков²⁴⁶. Ту же цифру называли и другие источники.

По данным Посольского приказа, Кучум мог выставить в поле до 10 тыс. воинов²⁴⁷. Цифру эту следует признать преувеличенной. Тем не менее армия Кучума по численности многократно превосходила отряд Ермака. Ядро ее составляли ногайская гвардия и татарская конница. Подвластные татарам ханты-мансийские племена присылали во время войны вспомогательные отряды. В данщиках у хана было более 30 тыс. «черных» людей²⁴⁸.

Казак Ермака имели смутные представления о Сибирском ханстве. О Строгановых сказать этого было нельзя. Их суда бороздили уральские реки, и их люди прекрасно знали режим этих водных путей. Они подсказали Ермаку самое удобное время для преодоления Уральских гор. Отряды Кучума и пелымских князьков не раз приходили из-за Урала в конце лета. В дни паводка вода в горных реках и ручьях после сильных дождей поднималась и горные перевалы становились доступными для перевозки. В первых числах сентября Ермак мог переправиться через Урал, но если бы он там замешкался до окончания паводков, его казаки не сумели бы перетащить свои суда через перевалы обратно.

В течение нескольких лет Строгановы разрабатывали планы собственного похода в Сибирь, посылали туда лазутчиков. Им нетрудно было предвидеть исход экспедиции, предпринятой малочисленным казачьим отрядом. Замыслы солепромышленников сводились, скорее всего, к тому, чтобы оказать военный нажим на Сибирское ханство и вассальное Пелымское княжество, войска которого разоряли их вотчины и оказывали помощь мансийским племенам Пермского края. Судьба казаков сама по себе Строгановых не интересовала.

Отряд Ермака отплыл на стругах в поход 1 сентября 1582 г. Даже при самых благоприятных условиях он никак не мог бы добраться до столицы Сибирского ханства Кашлыка ранее последних чисел октября либо первых недель ноября. Именно в это время сибирские реки покрывались льдом, и навигация на них заканчивалась. На легких речных ладьях казаки могли вести летучую войну с татарами и даже захватить внезапным набегом их столицу. Но затем Кашлык неизбежно стал бы для них ловушкой. Глубокие снега и льды отрезали бы отряду всякие пути к отступлению. Выдержать же длительную войну с многотысячной татарской армией несколько казачьих сотен никак не могли. Однако Строгановых это мало бес-

поклоно. Ради спасения своих соляных доходов они готовы были послать казаков на верную гибель. Расчетливые и скупые торговцы Строгановы постарались вложить в экспедицию минимальные средства. Послав с Ермаком немногих своих людей, они не стали обременять себя заботами о помощи ему, хотя и знали, что без подвоза пороха горстка казаков не сможет долго продержаться.

Поход Ермака едва не сорвался из-за вмешательства Москвы. Как только чердынский воевода В. Пелепелицын узнал, что в строгановскую вотчину прибыли Ермак и Иван Кольцо с товарищами, он немедленно послал донос царю. Ответом на обращение воеводы явилась знаменитая опальная грамота царя, датированная ноябрём 1582 г. Иван IV резко упрекал Строгановых за то, что они призывали в свою вотчину казаков-«воров» — волжских атаманов, которые «преж того ссорили нас с Нагайскою Ордою, послов нагайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцов грабили и побивали, и нашим людям (читай: Пелепелицыну.— Р. С.) многие грабежи и убытки чинили»⁴⁹. Очевидно, как В. Пелепелицын, так и московские дьяки имели в виду совершенно определенных лиц — Ивана Кольца с товарищами, которые за год до того ограбили В. Пелепелицына.

Опальная грамота 1582 г. опровергает разом два мифа, связанных с сибирской экспедицией. Первый миф — о грабежах Ермака на Волге и захвате им царской казны. За подобные проступки казаков вешали без дальних слов. Однако царь Иван IV и не думал вешать «воров» из отряда Ермака. Напротив, местные власти получили приказ разместить казаков Ермака в государевых крепостях Чердыни и Соли Камской и использовать их для обороны края. Второй миф родился в стенах Посольского приказа, и суть его заключалась в том, что покорение Сибири осуществили государевы служилые люди по прямому указу царя. Опальная грамота опровергает эту официальную ложь. Иван IV велел Строгановым под страхом «большой

опалы» вернуть Ермака на похода в Сибирь и использовать его для «оберегания пермских мест»²³⁹. Россия не закончила войны со Швецией. На юге ее границы постоянно нарушали крымцы и ногайцы. В Нижнем Поволжье подняли восстание малые народы. В таком положении царь не жалал приобретать лишнего противника в лице Сибирского ханства. Его указ, однако, прибыл в строгановские вотчины с большим запозданием и не мог оказать никакого влияния на судьбу сибирской экспедиции.

ТРИ ГОДА В СИБИРИ

ВЗЯТИЕ СТОЛИЦЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Из всех авторов самые подробные сведения о переходе Ермака из Чусовских городков в Кашлык приводит в своей «Истории Сибирской» С. Ремезов. Он сообщает о численности казачьего отряда последовательно, на всех отрезках пути, называет точные календарные даты прибытия его в разные пункты, описывает «зимовья» казаков.

Один из новейших исследователей сибирской экспедиции В. И. Сергеев предпринял недавно попытку полностью пересмотреть всю историю похода Ермака, опираясь на данные С. Ремезова и Строгановской летописи.

По мнению В. И. Сергеева, события развивались следующим образом. Еще в 1577 г. Строгановы впервые призвали Ермака с Волги. 1 сентября 1578 г. атаман с дружиной отправился на Сылву и там зазимовал. В 1579 г. казаки вышли на Урал и основали зимовье на Тагильском перевале. В 1580 г. казаки достигли Туры, убили там «царя Чингыза» и провели зиму в его городе Чинги-Туре. В 1581 г. отряд подошел к устью Тобола, но не решился штурмовать татарскую столицу и предпринял попытку вернуться на Русь через Тавду. Затем казаки изменили свой план и повернули в низовья Тобола, где провели в полной бездеятельности еще один год. В течение своего трехлетнего перехода казаки шли по сибирским

рекам «кеспешно», «с искусом». Они выдержали несколько трехдневных сражений с татарами и одно пятидневное, во время которого их кони «бродили по чрево в кров»¹.

Предложенная В. И. Сергеевым хронология опирается на поздние, наименее достоверные источники. Эта хронология не выдерживает критической проверки.

Предания, собранные С. Ремезовым в конце XVII — начале XVIII в., были в значительной мере легендарными. Начало сибирского похода С. Ремезов описал следующим образом. Ермак и казаки вышли из Чусовских городков и пошли вверх по Чусовой к уральским перевалам. Но почти сразу же они ошиблись («обмшпиенились»), «не попали по Чусовой в Сибирь», свернули не на Серебрянку, а раньше — на Сылву. С опозданием обнаружив свою ошибку, казаки зазимовали на Сылве².

Если верить С. Ремезову, Ермак заблудился на Сылве — в пределах строгановской вотчины. Согласно писцовым книгам 1579 г., эта местность принадлежала Максиму Строганову. По берегам реки располагались его деревни и мельница³. Как могли казаки проплыть мимо и не заметить их, остается загадкой. Тем более, что Максим Строганов дал Ермаку проводников. Как же могли они заплутать на Сылве?

Легенда о зимовке Ермака на Сылве возникла в Кунгуре в конце XVII в. Ее сочинили местные церковники, чтобы обосновать легенду о постройке Ермаком в окрестностях Кунгура часовни, сохранившейся до их времени. Вовсе фантастическими выглядят сведения «Истории» о том, что на Туре Ермак убил... Чингисхана и зазимовал в его граде Чинги-Туре. Старая столица ханства Чинги-Тура была заброшена после того, как сибирские ханы перенесли свою ставку на Иртыш.

Сведения С. Ремезова о длительных остановках Ермака побуждали к поискам местонахождения его стоянок. В своей «Истории Сибири» Г. Ф. Миллер отметил,

что казаки разбили первый зимний лагерь на Серебрянке, «укрепив его по своему обыкновенно стоячим тыном, остатки которого еще до сих пор можно там видеть». Одно «Ермаково городище», пояснил Г. Ф. Миллер, находилось на северо-восточном берегу Серебрянки, при устье рч. Кокуй, другое располагалось на р. Тагил, в трех верстах выше Бараичи. Там казаки пробыли несколько недель и также возвели укрепления⁴.

Поиски стоянок первой сибирской экспедиции продолжили в наше время археологи О. Н. Бадер, А. И. Рассадович, Ю. Б. Сериков⁵. Проведя раскопки близ Медведькамня на Тагиле, О. Н. Бадер обнаружил городище с мощным культурным слоем, с остатками вала, первоначальная высота которого составляла 1,60—1,80 м. Керамика, найденная на городище относится к XVII—XIX вв. О. Н. Бадер осторожно заметил, что вопрос о происхождении городища нельзя считать вполне ясным. Но это не помешало ему предположить возможность принадлежности городища дружине Ермака. Одновременно О. Н. Бадер высказал мысль о том, что русские, вероятно, использовали его как опорный пункт на пути в Сибирь в более позднее время — в конце XVI—XVII вв.⁶

А. И. Рассадович обследовала следы городища на Серебрянке близ устья Кокуя и нашла, что по устройству укреплений оно аналогично Ермакову городищу на Тагиле: окружено с трех сторон валом и рвом, общая площадь его 1296 м². По поводу найденного тут наконечника копья А. И. Рассадович заметила, что копия такого типа и такой технологии встречались у местных мапси и хантов с X в., но они известны также у русского и прибалтийского населения в XIII—XVII вв., такое оружие бытовало и в отряде Ермака, о чем свидетельствовали миниатюры Кунгурской летописи (миниатюры составлены в XVIII в. — Р. С.). Исходя из всех этих данных, А. И. Рассадович сделала предварительный вывод о том, что Кокуй-

городок можно считать местом первой зимовки Ермака? Такое предположение вызвало сомнения. Ю. Б. Сериков провел повторное обследование местности и отметил, что найденные на Кокуе предметы имеют более позднее происхождение и не могут быть непосредственно связаны с первой сибирской экспедицией*.

Археологические поиски дают наибольший успех, когда они тесно увязаны с показаниями письменных источников. Среди этих последних наибольшую ценность представляют царские грамоты 1582—1584 гг., сохранившиеся в подлинниках. В грамоте 1582 г. значится, что Ермак выступил в поход 1 сентября 1582 г. Из грамоты от 7 января 1584 г. следует, что гонцы Ермака привезли в Москву весть о заятии Кашлыка никак не позднее лета — осени 1583 г.*

Две указанные даты определяют хронологию сибирской экспедиции. Они обладают наиболее высокой степенью надежности, поскольку опираются на самые ранние и достоверные источники. В целом с этими датами хорошо согласуется дата вступления казаков в Кашлык — «на память Дмитрия Селунского», 26 октября. Надо помнить однако, что последняя дата основана на воспоминаниях ветеранов похода, записанных более чем через 40 лет после экспедиции, и поэтому точность даты относительна. Во-первых, казаков могла подвести память. Во-вторых, дедь Дмитрия Селунского не принадлежал к числу самых почитаемых (а значит — и самых памятных) церковных праздников на Руси. Воспоминания казаков свидетельствовали во всяком случае о том, что столица Кучума была взята в конце осени, т. е. до доставки и наступления зимы.

Установленные даты связаны между собой подобно звеньям одной цепи. Ермак выступил в поход 1 сентября 1582 г., до зимы занял Кашлык, весной 1583 г. выслал гонцов в Москву. Иначе говоря, вольным казакам понадобилось два-три месяца, чтобы разгромить Сибирское

«царство». Рассказы поздних летописей о трехлетних боях, выдержанных Ермаком на пути к Кашлыку, надо отбросить как недостоверные. На самом деле экспедиция Ермака была типичным казачьим набегом, стремительным и неодолимым. Отсюда следует, что археологи не имеют серьезных оснований для новых поисков «зимний» Ермака на пути от Чусовой до Тобола.

Неизбежно возникает вопрос: мог ли Ермак преодолеть расстояние от Чусовских городков до Кашлыка примерно за два неполных месяца или во всяком случае — до наступления зимы? Рассмотрим факты, имеющие существенное значение для ответа на этот вопрос. Маршрут Ермака всего точнее описан в Погодишской летописи, сохранившей фрагменты подлинных документов экспедиции. Согласно дорожной росписи, представленной казачьими гонцами в Посольский приказ, отряд Ермака прошел с Волги на Каму «и Камою рекою вверх же, а из Камы реки поворотил направо в Чусовую (шел.— Р. С.) вверх же; а из Чусовой реки в Серебряную реку, а Серебряная река пришла от Сибирской страны в Чусовую реку с правой стороны, и Серебряною рекою вверх же; а с Серебряной реки шел до реки Борончюка волоком и суды на себе волочили, а рекою Борончюком вниз в реку Тагил, а Тагилом рекою на низ же в Туру реку ...погребли на нпс же Турою рекою в Тобол...»¹⁰

Итак, подавляющую часть пути — примерно 1200 км из 1500 — флотилия Ермака прошла вниз по течению сибирских рек. Против течения судам пришлось идти лишь в Приуралье: 202 км от Чусовских городков вверх по Чусовой до устья Серебрянки и более 90 км вверх по Серебрянке. За перевалом от Баранчука и до Иртыша казаки прошли еще 1240 км. Несложный расчет показывает, что в предгорьях Урала отряду Ермака достаточно было продвигаться вперед по 15—16 км в день, на сибирских реках — по 35—40. Такая скорость была доступна для подвижных казацких стругов: казаки были превос-

ходными гребцами. На таких крупных реках, как Тура и Тобол, они могли использовать также и паруса. При указанной выше скорости Ермаку было вполне достаточно 56 дней, чтобы достичь Иртыша. Продвижение отряда могли задержать столкновения с аборигенами. Но, как будет показано ниже, сопротивление со стороны редкого местного населения практически отсутствовало.

Маршруты Ермака не были забыты последующими поколениями. Видимые следы его экспедиции остались на Уральских перевалах. Уже С. Ремезов при составлении «Чертежной книги Сибири» в 1699—1701 гг. пометил на карте Урала подле наименования р. Серебряной: «Лежат суды Ермаковы»¹¹. Эти сведения находят полную аналогию в кунгурских «сказах», которые сообщают, что «тяжелые суды (ермаковцы.— Р. С.) покинула на Серебрянке»¹². В последнем своем атласе — «Служебной чертежной книге» С. Ремезов и его сыновья отметили на карте Среднего Урала «волок Ермаков» и пунктиром обозначили путь экспедиции по Серебрянке, по одному из ее притоков, названному ими «Чуй», в далее за волоком по рекам Журавль, Баранча и Тагил¹³. Тот же самый путь обозначен и в исторических песнях о Ермаке:

Где Ермаку пути искать?
Пути ему искать по Серебряной реке.

.....

По Серебряной дошли, до Журавля дошли.
Оставили оне тут лодки-коломенки,
На той Баранченской переволоке¹⁴

Поэзия Строгановская летопись утверждала, будто казаки, покинув земляной городок Кокуй на Серебрянке, перешли «25 поприщ за реку, рекомую Жаравли» и попали на Туру реку¹⁵. Летописец, как видно, плохо представлял географию Зауралья. С Журавля казаки никак не могли попасть на Туру, ибо Журавль впадает в Баранчу, Баранча в Тагил, а Тагил в Туру.

Западные отроги Уральских гор весьма протяжены и занимают междуречье Чусовой и Камы. В предгорьях реки отличаются стремительным течением. В верхней части Чусовой течение особенно мощное. Посреди быстрины во многих местах выступают огромные скалы. Вместе с многочисленными подводными камнями и мелями эти скалы таили большую опасность для казачьих стругов. Чем дальше поднимались казаки вверх по Чусовой, тем труднее приходилось гребцам. По временам суда тащили бичевой. Но многие казаки раньше бурлачили на Волге, так что дело это было им не в новинку.

С Чусовой Ермак повернул на Серебрянку. Своё название эта река получила за чистую прозрачную воду, отливавшую серебром. Берега Серебрянки порой сужались до 10—12 м, течение оставалось столь же стремительным, как и на Чусовой. Плавание против течения требовало огромных затрат физических сил. Казачья флотилия ползла вперед с черепашьей скоростью. Однако путь от Чусовских городков до устья Серебрянки не был длинным, а Серебрянка казалась и вовсе небольшой речкой.

В предгорьях Урала реки имеют берега высокие, скалистые и обрывистые, и в пору дождей они не затопляли округу, но уровень воды в них поднимался на 2 м и более.

Благодаря «большой воде» казаки получили возможность по Серебрянке и ее притокам подвести свои тяжело нагруженные струги к самым перевалам. (Тагильские перевалы находились в том районе Уральского хребта, который подвергся сильному разрушению. К северу от перевалов стоит гора Благодатная.)

Ермаку предстояло решить весьма трудную задачу — переправить за Камепь целую флотилию, насчитывавшую несколько десятков судов. Вольным казакам не раз приходилось преодолевать многокилометровые волоки, перебираясь с Волги на Дону и обратно. Обычно они це-

ретаскивали струги на катках. На Урале аолоков не было.

Чтобы добраться до перевала, ермаковцы рубили просеку в чащах и буреломе. У них не было возможности выравнять каменистый путь и волочить суда на земле, используя катки. Пришлось тащить грузы и суда на руках.

Черкас Александров показал, что казачий отряд «с Серебряной реки шел до реки до Борончюка волоком, и суды на себе волочили»¹⁰. В «сказах» из Кунгурской летописи можно найти аналогичные сведения. Казакам, значилось в них, пришлось оставить на Серебрянке тяжелые суда, а «легкие струги таскали на Тагил реку» через тагильские волоки¹¹.

Вольным казакам в XVI—XVII вв. известны были различные способы транспортировки стругов по суше. Турецкий автор Эвлия Челеби писал, что в 40-х гг. XVII в. казаки, «случалось, перетаскивали на своих спинах, словно носильщики с ляжками, триста чаек по суше, по землям казаков и по землям валахов, потом выходили в Черное море, грабили и опустошали его побережье»¹². Следует заметить, что казачья чайки XVII в. были значительно крупнее волжских стругов XVI в. По мнению Г. Боплана, запорожские челны достигали 20 м в длину, 3—4 м в ширину и 4 м в высоту. На чайке было до 10—15 пар весел¹³. Такие суда поднимали до 50—70 казаков. Под командой Ермака были и тяжелые суда, но преобладали легкие струги, поднимавшие до 20 чел. Малые струги казаки Ермака смогли перетащить через горные перевалы.

Тагильские перевалы, на которых побывал казачий отряд, отличались от обычных горных перевалов. Как и в некоторых других местах Среднего Урала, тут встречались большие седловины, основательно заболоченные даже в летнюю пору. Наличие седловин помогло транспортировке стругов.

После небольшого отдыха отряд приступил к спуску по восточному склону Уральских гор, требовавшему меньшего напряжения сил. Главные трудности остались позади. Близ перевалов брали начало ручьи, впадавшие в Баранчук.

Казакам пришлось бросить несколько тяжелых судов в горах. Для дальнейшей транспортировки грузов они наскоро срубили плоты и смастерили челны. Когда же флотилия вышла на «большую воду», достигнув Тагила, казаки сделали «плотбище» у подножия Медведь-камня близ Магнитной горы и, по преданию, выстроили там несколько стругов.

Отряд сумел добраться до Кашлыка в течение примерно двух месяцев потому, что подавляющая часть их пути приходилась на зауральские реки. В Сибири им уже не приходилось, выбиваясь из сил, идти против течения.

Восточные отроги Уральских гор, в отличие от западных, имеют малую протяженность. Тем не менее на Тагиле течение достаточно сильное. Проплыв по нему, флотилия попала на более медленную Туру, по которой предстояло плыть наибольшее расстояние — несколько сот верст.

С Туры экспедиция попала на Тобол. По Тоболу Ермак прошел более сотни верст. Налегая на весла, используя паруса при попутном ветре, флотилия быстро преодолела и это расстояние.

Продвижение казаков неизбежно замедлилось бы, если бы им пришлось преодолевать сопротивление местного населения. Самые достоверные источники упоминают, однако, лишь о незначительных стычках между казаками и аборигенами. С. Ремезов включил в текст «Истории» фрагменты из кунгурских «сказов». Они находятся в разительном противоречии с многословными описаниями кровавых боев, якобы выигранных Ермаком на пути к

Кашлыку. Оказавшись за уральскими перевалами, казаки (как повествует С. Ремезов) убедились, что «Сибирская страна богата и всем изобильна и живущие люди в ней невоинсты» (невоинственны)²⁰. Плыя по «лешим» местам с совсем редким и микролюбиво настроенным населением, казаки забыли об осторожности. В результате им пришлось пережить неприятные мипуты. На Тоболе, читаем в «Истории» С. Ремезова, «ермаков ертаульный (передовой.— *Р. С.*) струг похитиша бусурманы пред нами (перед прочими судами казачьей флотилии.— *Р. С.*) с версту; казацы же велми грянуша... и ту своих выручили вскоре невредных»²¹. Итак, то ли татары, то ли манси воспользовались беспечностью казаков и захватили струг, шедший в боевом охранении. Но и сами они не проявили должной бдительности, благодаря чему Ермак тут же отбил у них пленных здоровыми и невредимыми.

На пути к Кашлыку у казаков не было сражений, происходили лишь мелкие стычки. Посланцы Ермака подали в Посольский приказ «сказку», известную по тексту Погодинской летописи. Они кратко и без прикрас описали свое первое столкновение с татарами на Туре: «... догребли до деревни до Епанчины, [«что ныне словес Туринской острог»,— добавил летописец.— *Р. С.*], и тут у Ермака с татары с кучюмовыми бой был, а языка татарского не изымаша»²². Авторы «сказки» избегали трафаретных выражений («брань велня» и пр.), которыми пестрели летописи. Как люди военные, они понимали, что Ермак потерпел в первой стычке неудачу, ибо ему не удалось добыть «языка», столь необходимого в начале похода. Это могло иметь катастрофические последствия для всей экспедиции. Бежавшие из-под Епанчина татары добрались до Кашлыка раньше Ермака и «царю Кучюму (все.— *Р. С.*) то стало ведомо». Иначе говоря, сибирский хан своевременно получил известие о появлении русских и мог хорошо подготовиться к их встрече.

Элемент внезапности, казалось бы, был безвозвратно утрачен. Однако, по «сказке» казаков, им в конце концов помогла беспечность Кучума, который «приходу на себя Ермакова не чаял, а чаял, что ой воротитца назад на Чюсовую»²³.

Подозрения насчет беспечности Кучума, конечно же, наивны. С тех пор, как Кучум убил хана Едигера и завладел его троном, прошло много лет, заполненных непрекращавшимися кровавыми войнами. Силой и коварством Кучум смирил непокорных мурз и сломил сопротивление сибирских племен. Человек, возродивший могущество Сибирского ханства, был расчетливым и изощренным политиком. Именно поэтому его не слишком обеспокоили вести о появлении горстки казаков на Туре. Сибирский властитель прекрасно разбирался в русских делах. Он знал, что ногайские князья бесчестят царских послов, а московский государь, несмотря на это, шлет татарам богатые поминки, чтобы избежать войны с ними.

Как ни парадоксально, появление пермских ратных людей в Зауралье отвечало военным планам Кучума. Нападение пелымцев на вотчины Строгановых годом ранее воочию убедило сибирских татар в том, что русские, занятые тяжелой борьбой с поляками и шведами, вывели из приуральских крепостей почти все гарнизоны. Прибытие пермских ратников на Тагил и Туру позволяло думать, что в пермских городках вовсе не осталось сил, и, следовательно, захватить их не представляло труда.

В первых числах сентября, доносил царю главный пермский воевода, пелымской князь «с сибирскими людьми и с вогуличи приходил войною на наши пермские места и к городу Чердыни приступал»²⁴. По словам Строгановской летописи, пелымский князь привел с собой «буйствепных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирская ж земли со множеством вои»²⁵. Ни воевода, ни летописец не знали того, что стало известно Посольскому приказу после прибытия в Москву атамана Александро-

ва. Будучи в Кашлыке, казаки Ермака узнали, что для нападения на Пермский край «царь Кучюм послал сына своего Алея с ратью»²⁶. Алей был старшим сыном престарелого Кучума и наследником его «царства». Как видно, хан послал с ним свои лучшие отряды.

Итак, Кучум не мог собрать для обороны столицы все свои войска, они ушли за Урал. Хан ждал вестей о взятии пермских городов. Как только чердынский воевода подвергнется нападению, русские должны будут немедленно отозвать своих ратников из сибирских пределов. Именно на это и рассчитывал Кучум. Его прогнозы начали оправдываться. Царь Иван послал вслед Ермаку строгий приказ немедленно вернуться и принять участие в обороне Пермского края.

В расчеты Кучума закралась лишь одна ошибка. Он не знал того, что вольные волжские казаки двинулись в Сибирь по собственному почину. Грозный царский приказ их попросту не догнал.

Чем ближе подходили казаки к столице Сибирского ханства, тем больше поселений попадалось на пути. В нижнем течении Тобола им пришлось идти сквозь татарские улусы и удалось наконец захватить «языка». По сведениям ранней Тобольской летописи, неподалеку от Тавды к Ермаку привели татарина Таузака из «царева Кучюмова двора». В ходе допроса пленника казаки получили столь необходимые им сведения о собранных Кучумом силах²⁷. Сведения были, по-видимому, малоутешительными.

Близ устья Тобола отряд вступил в улус Карачи. В руки казаков попали большие запасы меда, собранного на нужды ханского дворца. Казаки поспешили перенести мед в свои струги²⁸. В «Кратком описании о земле Сибирской» можно прочесть, что до вступления в Кашлык казаки вели бои с татарами «по многи дни»²⁹. Ранняя Тобольская летопись утверждала, будто Кучум выслал навстречу Ермаку царевича Маметкула и тот пытался остановить казаков в урочище Бабасан, но был

обращен в бегство³⁰. При вступлении отряда в Карачин улус произошла новая «брань», после чего казаки обратили в «невозвратимое бегство» конных и пеших татар, поджидавших их на берегу Иртыша³¹. Хотя тобольский книжник употреблял такие выражения, как «брань велия» и прочие, описанные им военные столкновения имели, скорее всего, характер небольших стычек.

В стычке на берегу Иртыша Кучум и Маметкул не участвовали. Они медлили с вводом в бой главных сил и лишь наблюдали «за падением своих» с высокой горы на Чувашском мысу. Со своей стороны и Ермак не сразу решился атаковать хана ввиду многочисленности его войска. Казачья флотилия проследовала вверх по течению Иртыша и бросила якорь против урочища Атик-мурзы, которое стало местом ночлега русских.

Казаки живо помнили чувство неуверенности, какое испытали при виде татарской рати. Накануне решающей битвы собрался казачий «круг». Дело происходило в урочище Атик-мурзы ночью. Некоторые из казаков, поддавшись панике, «восхотеша тоя ноци бежати»³². Отступление неизбежно привело бы к гибели всего отряда. Но Ермак не для того преодолел все преграды, чтобы отступить, будучи у самой цели.

Неуверенность казаков объяснялась, очевидно, тем, что вплоть до битвы на Чувашевом мысу у них не было еще серьезных столкновений с противником.

Сибирские источники дают различные даты боя, развернувшегося в окрестностях ханской столицы. По Синодику ранней редакции, сражение произошло 26 октября. Составитель второй редакции Синодика исправил дату на 23 октября и вычеркнул из текста указание на «первой бой». Составитель ранней Тобольской летописи принял эту дату и попытался объяснить, почему казаки выиграли бой 23 октября, а в покинутую столицу татар вступили лишь 26 октября. В бою, записал летописец, казаки «утрудишася» и потому «обночевашись», отсту-

пиз от Чувашева²². Летописец так и не смог объяснить, где провели они еще две ночи. Со временем эта версия обросла новыми подробностями. На рубеже XVII—XVIII вв. С. Ремезов красочно описал, как под Чувашевым казаки «билися 3 дня без опочиву неотступно», затем по неизвестным причинам отошли за реку, перепочевали там, а утром вошли в Кашлык²³. Приведенные подробности не выдерживают критики.

Ранняя редакция Синодика передала воспоминания очевидцев в наиболее точном виде. Ветераны Ермака со всей определенностью указывали на то, что «первый бой» с татарами произошел у самых стен Кашлыка на Чувашевом мысу 28 октября и в тот же день они вступили в покинутую врагом столицу.

Кучум надеялся остановить русских на подступах к Кашлыку. С этой целью он приказал устроить засеку на Чувашевом мысу. За стволами поваленных деревьев татары надеялись надежно укрыться от казачьих пуль.

Неверно было бы думать, будто татары не знали огнестрельного оружия, и гром казачьих пищалей поверг их в ужас. За несколько лет до похода Ермака Кучум обратился в Крым с просьбой прислать ему артиллерию для войны с московским царем²⁴. От Крыма до Сибири далеко, Казань ближе. По преданию, пушки были привезены в Кашлык из Казанского ханства (до занятия его русскими). Источники различного происхождения сообщают о том, что одну или две пушки татары установили на горе у Чувашева мыса²⁵. Однако в ходе сражения эти пушки не произвели ни одного выстрела. Казаки навпипо полагали, что им удалось «заговорить» вражеские орудия. В конце концов татары будто бы столкнули орудийные стволы с кручи навстречу карабкавшимся наверх казакам, и пушки упали в воду.

Многолетние войны с татарами и турками закаляли казаков и научили использовать в полной мере преимущества их вооружения. Когда казачьи струги сближа-

лись на море с вражескими судами на расстояние выстрела, казаки бросали весла и беспрестанно палили с одного борта, в то время как их товарищи подле другого борта перезаряжали пищали. Залпы следовали один за другим³⁷. На реках казаки сражались так же, как и на море. И тут они старались поразить врагов меткой пальбой и лишь затем брались за сабли и довершали разгром врага на суше.

Кучум поручил оборонять засеку царевичу Маметкулу, а сам со святой расположился поодаль на горе. Если верить Строгановской летописи, Маметкул велел своим воинам сделать проходы в засеке и атаковать русских³⁸. Казаки встретили татар убийственным огнем. Раненый Маметкул едва избежал плена. Слуги успели увести его на лодке на другую сторону Иртыша.

В войске Кучума поднялась паника. Хантские князьки, по преданию, покинули позиции после первых же залпов. Вскоре их примеру последовали мансийские и татарские воины.

Кучум наблюдал за боем с горы. Едва русские начали одолевать, он обратился в бегство, бросив свою столицу на произвол судьбы³⁹.

Неприятельские воины, вооруженные луками, саблями и копьями, нанесли казакам небольшой урон. По всей видимости, у них даже не было убитых. Тобольские ветераны ничего не могли сказать о своих потерях под Кашлыком, и им пришлось дважды указать на есаула Брязгу и его товарищей. Однако Брязга, Окул, Иван и Карчига, записанные в Синодик два раза, погибли, по видимому, не в бою у засеки, а на рыбной ловле. Собираатель казачьих «сказов» С. Ремезов, упомянув о погибших рыбаках, заметил: «Се первое убийение казаком в Сибири»⁴⁰. Приведенное замечание находится в разительном противоречии с описаниями кровавых битв, которыми заполнен весь текст «Истории» Ремезова. Недостоверность этих описаний выяснена выше.

Казакки одержали легкую победу над многочисленным неприятелем потому, что лучшие, наиболее боееспособные силы Сибирского ханства и входившего в его состав Пелымского княжества участвовали во вторжении на Русь и еще не вернулись в Кашлык из похода. Что же касается мансийских и хантских воинов, то они сражались без всякой охоты.

В Кашлыке казаки нашли богатую добычу, и прежде всего множество мехов, собранных в ханскую казну за много лет: драгоценные собольи меха, чернобурые лисыцы, шкурки куниц и белок. Следуя законам вольных казаков, Ермак велел разделить добычу поровну между всеми⁴¹.

Местные племена, покоренные татарами и платившие им дань, отнеслись к казакам весьма миролюбиво. Уже на четвертый день после бегства Кучума князек Бояр привез Ермаку в Кашлык рыбу и прочие припасы⁴². Одновременно татарские семьи стали возвращаться в свои покинутые жилища в окрестностях Кашлыка.

Ермак одержал победу, но торжествовать было преждевременно. Лихой набег удался. Однако осень была на исходе, в казачья флотилия не могла пуститься в обратный путь. В ноябре грянули морозы. Реки — единственные пути сообщения — подернулись льдом. Пришлось вытащить струги на берег. Началось первое трудное зимовье.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ

Источники, повествующие о пребывании казаков в Сибири, скудны и противоречивы. Использовать их можно лишь после тщательной и всесторонней проверки. Тобольские ветераны, чьи воспоминания легли в основу Синодика ермаковым казакам, упомянули о двух эпизодах, имевших место вскоре после их вступления в

Кашлык. «Тое же зимы», значит, в Синодике, у казаков был бой с татарами под Абалаком «декабря в 5 день»; «тое же зимы» татары истребили казаков, направлявшихся на рыбалку под Абалак «декабря в 5 день»⁴³.

В ранней Тобольской летописи, также опирающейся на показания ермаковцев, эти два эпизода изложены в иной последовательности.

Первое зимовье в Сибири было особенно трудным. Чтобы иметь пропитание, русские пытались наладить рыбный промысел. 5 декабря «дружина Ермака», как повествует летопись, отправилась на оз. Абалак. Царевич Маметкул «со многими людьми» подстерег рыболовов, напал на их станы и истребил всех до единого. Узнав об этом, Ермак бросился в погоню за Маметкулом и в упорном бою разгромил его войско⁴⁴.

Летописец не упомянул о том, что артель рыболовов возглавлял Богдан Бряга, однако в архиепископском Синодике ранней редакции это имя было названо. Погодинский летописец воспроизвел Есиновскую летопись, сделав исключительно важное дополнение к ее тексту. Он записал, что избитую на Абалаке казачью станицу возглавлял «есаул казачей именем Брюзга»⁴⁵.

В Синодике Бряга фигурировал без обозначения чина. В летописи С. Есипова все имена были опущены. Погодинский летописец не имел под руками раннего Синодика, а следовательно, сведения об имени и чине погибшего казака он почерпнул из «архива» Ермака. В архивных документах он нашел и своеобразную транскрипцию имени Бряги — «Брюзга».

В воспоминаниях тобольских казаков вырисовывается весьма сбивчивая хронология. Возникает вопрос, в самом ли деле бой с Маметкулом на Абалаке имел место в дни первой зимовки казаков в Сибири? По данным Кунгурской летописи, Бряга благополучно пережил зиму и весной — летом возглавил поход казаков на Обь.

Документы из «архива» Ермака обнаруживают недо-

стоверность последней версии. Не позднее лета 1583 г. Ермак отправил на Русь гонцов с письмом, в котором сообщал о разгроме сначала Кучума с детьми, а затем Маметкула: «...сибирского царя Кучюма и с его детми... и с его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула разбиша же...»⁴⁶. Приведенные строки следует рассматривать как прямое указание на битву при Абалаке. Эти данные повышают достоверность показаний тобольских ветеранов о битве 5 декабря 1582.

Тобольский летописец С. Есипов подчеркивал, что под Абалаком имела место не мелкая стычка, а «брань велия на мног час»⁴⁷. Строгановский летописец также описывал это столкновение как крупную битву, прекратившуюся лишь с наступлением ночи⁴⁸.

О масштабах сражения говорят потери, понесенные отрядом Ермака. В Синодике можно прочесть следующую запись: «Тое же знымы бысть бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день, и на том деле убиенным Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею и с их дружиною вечная память средняя»⁴⁹. Помимо названных лиц на Абалаке погибли Богдан Брязга, Окул, Иван и Карчига. Тобольские казаки припомнили имена примерно десятой части товарищей, погибших в сибирском походе. Всего они назвали 37 чел., 8 из которых были жертвами столкновений на Абалаке.

Ряд подробностей битвы сообщают документы Посольского приказа, составленные после прибытия в Москву Черкаса Александра. Под ударами казаков, читаем в наказе посольских дьяков 1585 г., «сибирский царь Кучум убежал в поле», после чего «племянник Кучумов Маметкул-царевич, собрався с людьми, приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех людей, которые были с ним — больше десяти тысяч — побили...»⁵⁰

Сведения о наличии у Маметкула 10 тыс. воинов следует признать преувеличенными. Но сомневаться в том,

что на стороне татар был огромный численный перевес, не приходится. Следует иметь в виду, что ко времени битвы на Абалаке в Сибирь вернулись войска, ранее направленные Кучумом в Пермский край.

В то время, как Ермак стремительно продвигался из Чусовских городков к Кашлыку, царевич Алей с многочисленными отрядами ушел к Чердыни и завязал там бой с воеводой В. Пелепелицыным. В итоге Алей вернулся на Иртыш на несколько недель позже, чем туда прибыли казаки. Отряд Алея понес потери. Воины были утомлены длительным походом, и Кучум, возможно, дал им отдохнуть, прежде чем послал в составе войска Маметкула против Ермака.

В случае успеха Маметкул рассчитывал полностью изгнать русских из ханской столицы. Уничтожение станицы Брязги на Абалаке должно было послужить предлюдией для последующего наступления на Кашлык.

Кашлык располагался всего в 15 верстах от Абалака. Городище имело сильные естественные укрепления. Оно располагалось на высоком обрыве у самого Иртыша. Его окружали земляные валы. Но Ермак понимал, что победу ему может принести только наступление.

Судя по потерям в казачьем отряде, сражение на Абалаке носило исключительно упорный характер. В условиях суровой зимы казаки лишены были возможности использовать свои подвижные струги для маневров. Тем не менее они победили большую татарскую рать. События на Абалаке мало походили на то, что произошло на Чувашевом мысу. На этот раз ни о пленении Маметкула, ни о паянке в его войске не было и речи. Бой был кровопролитным. Казакам надо было победить либо умереть. И они выстояли.

Победа горстки пеших казаков над объединенными силами Сибирского ханства объясняется как чисто военными, так и моральными факторами. В первом столкновении с войсками Алея на Чусовой, а затем в бою на Чува-

шевом мысу Ермак нанес противнику столь мощный удар, что татары долго не могли оправиться от него психологически. Не занятие Кашлыка, а победа под Абалаком определила успех экспедиции Ермака.

Овладение «царствующим градом» Сибирского ханства и разгром войска Маметкула поставили казаков лицом к лицу с проблемой организации управления краем. Ничто не мешало Ермаку учредить в Сибири порядок, отвечавший вековечной мечте народа о воле. Вместо этого казак стал править именем царя, привели к присяге на государево имя и обложили местное население государевым налогом — ясаком. Как объяснить столь неожиданный поворот событий?

Ермак и его атаманы имели большой военный опыт и понимали, что им не удержать Сибирь без прямой поддержки со стороны вооруженных сил Русского государства. Приняв решение о присоединении Сибири, они немедленно запросили Москву о помощи, что определило все их последующие шаги.

Неправильно было бы думать, будто Ермак руководствовался только военными соображениями. Он и его помощники многие годы несли службу в государевых полках. Возвращение на царскую службу казалось им лучшим выходом из создавшегося положения. Но помимо ермаковцев в экспедиции участвовали также «воровские» казаки, поставленные царским указом вне закона. Для них обращение к Ивану IV сопряжено было с определенными коллизиями. Дух социального протеста издавна жил в среде вольного, и особенно «воровского» (по терминологии царской администрации), казачества. Однако сознание угнетенных и обездоленных людей имело свои особенности. Они склонны были винить в своих бедах лихих бояр и приказных, притеснявших их, но не православного батюшку-царя, стоявшего на недоступной высоте. Напывные царистские иллюзии не покидали народ ни в пору успехов, ни в пору бедствий, обрушившихся на страну в конце Ливонской войны.

Иван IV пролил немало крови подданных. Он навлек на свою голову проклятия знати. Но ни казнь, ни поражение не могли уничтожить его популярность, приобретенную в годы «казанского взятия» и реформ. В фольклоре Иван IV остался Грозным, но справедливым государем. Причиной такой оценки было, возможно, то, что он был последним царем, при котором народные массы — феодально-зависимые крестьяне — не утратили права выхода в Юрьев день и не превратились в крепостных. Популярности Грозного способствовало и то, что он, казняя бояр, имел обыкновение всеародно объявлять их вину и обращаться к толпе за одобрением. По временам царь публично наказывал и приказных, уличенных во взятках и мошенничестве.

Решение ермаковцев обратиться в Москву свидетельствовало о личной популярности Ивана IV как среди служилых, так в известной мере и среди «воровских» казаков. Некоторые из объявленных вне закона атаманов рассчитывали «сибирской войной» покрыть свою прошлую вину.

Кучум после поражения откочевал на юг. Северные пределы его «царства» остались без защиты. Туда и устремились казаки, с тем чтобы обложить население ясаком и привести его к шерти. Этот эпизод получил отражение в следующей записи Синодика: «... воеваше по Иртышу и по великой Оби их нечестивые улусы и городки, татарские и остяцкия, до Назима воеваше, и Назим городок остяцкой взяша со князком их и со многими их остяками поплениша и в плен поимаша. И на тех делех в хождении ермаковым товарищем... Тимофею, Ивану, Авапе, Ащыфору, Ивану, Григорию, Андрею, Алексею, Никону, Михаилу, Тигу ии, Феодору, Ивану, Артемия, Логину и прочей дружине их...»⁵¹

Тобольские ветераны смогли припомнить, как уже сказано, 37 погибших ермаковцев. Из них 15 будто бы погибли во время назымского похода. Это трудно объяс-

нить. На Нижнем Иртыше и на Оби обитало сравнительно редкое население, и там не было большой татарской армии, а, следовательно, поход на Обь не мог сопровождаться большими потерями. Об этом свидетельствуют, прямо или косвенно, другие источники — Есповская летопись и кунгурские «сказы». С. Есипов, бывший возможность беседовать с ермаковцами, записал в своей летописи, что казаки бесстрашно ходили по Сибирской земле, «воевали» многие городки и улусы по Иртышу и Оби, взял Назымской городок «со князем их и со всем богатством, возврати же ся во град Сибирь с радостью великою и корыстною»⁵². Автор кунгурских «сказов» отметил: «А коп бои и были по дороге на паз пловучи, и тех всех описать трудно подробно: воп убитых нет, а рапных каждой (бой.— Р. С.) многощи»⁵³.

Противоречие источников объясняется, по-видимому, тем, что дьяк Киприана подвергся воспоминаниям тобольских казаков определенной обработке, прежде чем включили их в текст Синодика. Ради удобства поминания они разбили текст по «летам» на несколько рубрик. В первую рубрику записали тех, кто был убит под Кашлыком и на Абалаке, в две последние — тех, кто погиб вместе с Иваном Кольцом, а затем — с Ермаком. Всех же, кто не попал в указанные рубрики («лета»), они отнесли во второй раздел, основанный на воспоминаниях казаков об их «хождении» по Сибири. Так возник внушительный перечень, включавший потери отряда, начиная с битвы под Абалаком и до смерти Ивана Кольца. Возможно, в этот список попали не только убитые в бою. Рассказ о «хождении» заканчивался словами: «пострадавшим и избившим и всячески пужно скончавшимся от печетливых вечная память средняя»⁵⁴.

Уже после составления Синодика его текст был пополнен новыми сведениями. К перечню имен казаков, погибших в назымском походе, кто-то сделал приписку: «отоману Никите». Данные о гибели атамана Ники-

ты Пана подтверждены Строгановским летописцем. «...И в том хождении,— записал летописец,— поганяи убиша под городки своим на приступе атамана Никиту Пана...»⁵⁵

Атаман не мог погибнуть сразу под несколькими городками. Очевидно, летописец не знал в точности, в каком походе и в какой местности погиб Пан.

Речи тобольских ветеранов, записанные 40 лет спустя после похода, принадлежат к числу сравнительно поздних источников, не говоря уже о кунгурских «сказах» в записи и обработке С. Ремезова. Поэтому взаимная проверка этих источников сопряжена с трудностями. Согласно «сказам», ясацкий поход на Обь будто бы возглавлял «пятидесятник» Богдан Брязга. Показания тобольских ветеранов о Богдане Брязге сбивчивы и противоречивы. По их словам, он погиб то ли под Кашлыком, то ли на Абалаке. Если они не ошиблись, и Брязга в самом деле погиб в первые недели экспедиции, то тогда придется признать, что он никак не мог возглавить поход на Обь, имевший место после битвы на Абалаке.

В Синодике записано, что во время своего «хождепия» казаки воевали по Иртышу и по Великой Оби «до Назыма». Надо иметь в виду, что составители Синодика, используя воспоминания тобольских ветеранов, по-своему интерпретировали их. Указание на взятие «Назыма городка остяцкого» они поняли так, что казаки достигли р. Назым, впадавшей в Обь значительно выше устья Иртыша. В некоторых списках летописи слово «Назым» оказалось замененным словом «Казым»⁵⁶. Река Казым также является притоком Оби, но впадает в Обь с севера, на очень большом расстоянии от устья Иртыша и Назыма. Наименование «Казым», очевидно, возникло в результате ошибки переписчика и его следует отнести как вторичное.

Вопрос о Назыме и его местоположении не является таким простым, каким кажется на первый взгляд. Дело

а том, что на Иртыше и Оби было несколько волостей с таким названием. А XVIII в. Г. Ф. Миллер посетил Лебаудские юрты на Иртыше и записал рассказы хантов о том, что в древности эти юрты назывались Нозинг-ях или Назым-ях, а по-татарски — Назым-аул, по имени давнего князька⁷⁷. Еще в 1598 г. в Назыме на Иртыше жил князек Лебаут⁷⁸. Со временем Назымский городок утратил старое название и стал называться по имени этого князька. По данным П. Спафария, плававшего по Иртышу в 1675 г., Лебаут был самым пераым хантским поселением, которое он повстречал во время плаванья из Тобольска вниз по Иртышу. Лебаут (Назым) располагался в 103 верстах от Кашлыка⁷⁹.

В какой же из Назымских волостей побывали казаки? За Обью или в окрестностях Кашлыка? Фрагменты «архива» Ермака позволяют ответить на этот вопрос с полной определенностью. Погодинский летописец, переписав рассказ о «хождении» из Енисейской летописи, пометил, что во время похода на Иртыш и Обь казаки взяли Назымский городок «на Иртыше реке»⁸⁰.

Итак, казаки запомнили Назым не потому, что это был крайний северный пункт их продвижения на Обь, а потому, что он был самым пераым хантским поселением, которое они встретили на своем пути из Кашлыка на Обь. Судя по ясажным книгам начала XVII в., Назымская волость на Иртыше имела более многочисленное население, чем другие, располагавшиеся по соседству. Так, в Армянской волости числилось всего 17 ясажных людей, в двух Верхне-Демьянских волостях — 14, в городке Демьяне — 37, тогда как в Назыме — 60⁸¹. Неудивительно, что казаки сохранили воспоминание о пленении назымского князька.

Определенно известно, что казаки приехали к шерти некоторые прииртышские племена в первые полгода своего пребывания в Сибири. Об этом они сообщили царю не позднее лета — осени 1583 г. Известно также, что

они совершили поход на Иртыш и Обь. Кунгурские «сказы» могут служить не более чем иллюстрацией к этим строго установленным историческим фактам.

Вкратце содержание «сказа» о ясажном походе на Обь сводится к следующему. Едва кончилось первое зимовье в Сибири, Ермак послал вперед по Иртышу в Демьянские и Назымские городки 50 казаков во главе с Брязгой. Казаки должны были собрать там ясак «вдоволь розкладом поголовно». На пути отряду пришлось выдерживать бой с татарами.

Татарские улусы окружали Капшлык со всех сторон. Татары служили главной опорой ханской власти. Они оказали упорное сопротивление ермаковцам, и те обрушили на их голову грозу. Взяв с боя «крепкий татарский городок» на р. Аремзянке, казачий предводитель учинил расправу над «лучшими» татарскими «мерзеньями», чтобы навести страх на прочие улусы. Соседняя Наддынская волость была занята без сопротивления, зато в Туртаской волости казакам пришлось «учинить бой». Стычка была недолгой. За р. Туртаской располагалась Назымская волость. Здесь кончались татарские улусы и начинались хантские поселения. В заголовке «сказа» упоминалось о том, что Ермак послал казаков в Демьянские и Назымские городки. Однако в тексте о взятии Назыма и пленении местного князька не говорилось ни слова. Не объясняется ли это тем, что во времена С. Ремезова Назым утратил старое название и пришел в упадок?

Зимним путем по Иртышу конный отряд казаков добрался до устья Демьянки. Там располагался юрт союзника Ермака князька Бояра, который одним из первых стал помогать русским. В XVII в. сыновья и внуки Бояра числились «лучшими» людьми и жили на своих юртах. С. Ремезов пометил на своих картах близ устья Демьянки — «Бояровы юрты». Выше княжества Бояра располагались Верх-Демьянские волости — владения «большого» князька Демьяна (Нимьюана), относившегося к русским враждебно.

Г. Ф. Миллер тщетно искал в устье Демьянки следы старого «неприступного городка», будто бы взятого казаками. По его предположению русские осаждали скорее всего урочище Роман, расположенное на Иртыше в 30 верстах ниже устья Демьянки⁴². Против урочища находилась огромная гора, на вершине которой видны были остатки древних укреплений. Название урочища «Роман» находит аналогию в «сказах». Согласно этому источнику, на помощь «зборному» (т. е. собравшему помощь со всех сторон. — Р. С.) князю Демаяпу прибыл вогульский князек Роман Славный. Ближе всего к Демьянке располагались владения кондинских князьков (Конда впадает в Иртыш ниже устья Демьянки). Большая и Малая Конда входили в состав Пелымского княжества. Примечательно, что Роман уже после взятия городка бежал со всем своим родом вверх по Конде «к Пелыми».

Для обороны от казаков в урочище собралось будто бы до 2 тыс. вогульцев, остяков и татар⁴³. Если верно предположение об участии в войне кондинских князьков, то даже и в этом случае следует признать эту цифру весьма преувеличенной. По данным на начало XVII в., в Демьянских волостях, в Малой Конде, Нарыме, Цыньяле и Назыме числилось немногим более 140 взрослых мужчин, плативших ясак. В Большой и Малой Конде вместе взятых в тот же период было до 250 ясашных людей⁴⁴.

Позиции, занятые татарами, хантами и манси, были неприступными. Три дня стояли казаки под горой и не могли взять «город их велик и крепок». Некоторые предлагали отступить. Но по здравому размышлению решили биться до конца ввиду того, что «се распутица ходу и голод близок». Наступила самая трудная пора после первого зимовья Ермака в Сибирь. С Аремзянки казаки послали в Кашлык запас хлеба и рыбы, но его хватило ненадолго. Надвигался голод. Отряд не мог вернуться в

Кашлык без припасов и ясака. К тому же его передвижения затрудняла наступившая весенняя распутица. Близился ледоход.

Казакки решили в последний раз попытать счастье, и на этот раз штурм удался. «Неприступный городок» пал. Некоторые князьки, в их числе, вероятно, и Демьян, «разбегшася с роды в дома своя». Но «лучший» вогульский князек Роман, видимо, попал в плен к казакам. Именно так можно понять следующий текст «сказа»: «иных князей Романа Славяго и ту в городке шертовала и есак взял и весновал...»⁴⁵

Сведения об обложении ясаком владений Романа находят аналогию в предании, записанном в XVIII в. Согласно преданию, Ермак наложил на Ковду большую дань, которую местные вогуличи заплатили из казны своего святилища «наследием отец и праотец»⁴⁶. По «сказам», Роман Славный хотя и шертовал Ермаку и заплатил ясак, но позже изменил присяге и бежал в пределы Пелымского княжества⁴⁷.

В занятом городище отряд казаков оставался до тех пор, пока Иртыш не очистился ото льда. Ледоход на Иртыше приходится на апрель. В ширину река имеет в тех местах не менее километра, а в пору весеннего половодья заливает берега на 5—15 км. Уровень воды поднимается на несколько метров. Правый берег Иртыша высок и обрывист. Береговая полоса заросла густыми лесами. Казаки нашли тут в изобилии материал для строительства судов. Построив несколько «легких» стругов, они отправились в плавание вниз по Иртышу.

Местные племена знали о появлении чужеземцев, но ждали их много позже. На берегах Рачи, притока Иртыша, они собрались для жертвоприношений. Шаманы обошли все окрестные курты, собрали многочисленные дары и как раз завершили приготовления к пиршеству. Встреча была неожиданной как для казаков, так и для хантов. Пока казаки разворачивали струги и высаживались, бе-

рег опустел. Ханты попрятались в частый ельник. Подле святилища остались только жертвенные животные.

Казакки оставались на Раче целые сутки, рассчитывая, что ханты вернутся на берег, но напрасно. Весть о появлении в святилище чужеземцев распространилась по всей округе. Шаманы призывали богов истребить пришельцев. Старейшины и воины племени решили устроить засаду в теснинах ниже устья Рачи. Там, где Иртыш подходил к обрыву Цыгальской горы, они устроили завал, сбросив в реку несколько высоких деревьев. Когда течение стремительно вынесло казачьи струги из-за поворота и почти вплотную прибило их к обрыву, ханты оказались на укрытия и стали «хапать» лодки крюками. Неожиданное нападение вызвало минутное замешательство среди казаков. Но затем они, бросив весла, схватились за щипали и дали залп с обонх бортов. «Крючники» тотчас бросились наутек. За поворотом реки казакки нашли покпнутый воинами городок. Женщины и дети в страхе бегали по опустевшему урочищу. Когда наступил вечер, мужчины племени стали собираться в городке «един по единому, оглядываясь». Тут они убедились в том, что казакки «не бьют жен их и детей, точно ласкают».

Предводитель отряда оставил в покое тех, кто участвовал в нападении на струги, не причинив им ни малейшего вреда.

От Нарымского городка, как повествуют «сказы», отряд двинулся вниз по Иртышу, «до Колпуховы волости и сотника их и молбища их шейтанскаго»⁶⁴. Упоминание о «сотнике» в Колпуховской волости позволило С. В. Бахрушину высказать предположение, что на территории Сибирского ханства население делилось на «сотни» и что эта древняя военно-административная организация была введена завоевателями — татарами. Каждая «сотня» состояла из одного, двух или более юртов, а число жителей в «сотне» колебалось в разных местностях от 15 до

60 чел. Сотники, по предположению С. В. Бахрушина, были потомками родовых старейшин и должность их была наследственной. В XVII в. им поручали сбор ясак⁶⁶. Наличие сотника в Колпуховской волости подтверждается картами С. Ремезова, на которых занесено поселение Сотников⁷⁰.

Неподалеку от Сотникова находилось мольбище хантов. Казаки блись тут почти три часа, прежде чем преодолели сопротивление жителей. В районе Колпухова городка предводитель отряда собрал ясак «з боем и без боя».

Затем казаки вступили во владения князька Самара. Среди хантских волостей Самарова была одной из самых крупных, во всяком случае она превосходила Назымскую. Ее описание можно встретить в ясапных книгах начала XVII в.: «Волость Белогорская, а в ней лутчей человек Байбалак Самаров с товарищами 72 человека...»⁷¹ Байбалак Самаров был, очевидно, сыном князька Самара.

Князек Самар пользовался большим влиянием в округе, поскольку в его волости располагалось едва ли не самое знаменитое у хантов святилище. Благодаря этому в минуту опасности на помощь ему пришли 8 других хантских князьков. Рядом с поселением Самара располагалось укрепленное городище, служившее убежищем для его семьи в случае войны. По словам Г. Ф. Миллера, урочище находилось на вершине 60—80-метровой горы, почти отвесно спускавшейся к реке⁷². Позиция была неприступной. Но площадка на вершине была весьма невелика: не более 20 м в поперечнике. Г. Ф. Миллер видел там остатки двух хантских жилищ — землянок. Самар, его союзники и воины не могли разместиться в урочище и ночевали в юртах.

Казачья флотилия подошла к хантскому поселению на заре. Через протоку (позже она получила название Казенной) струя подошла вплотную к юртам. Хантские воины бесечно спали на карауле. Разбуженные выстре-

ламп, они разбежались. Самар и часть его приближенных погибли в стычке. Казаки провели в городке неделю. Большинство жителей покинули юрты и укрылись в разных местах. Оставшиеся припели ясак «с поклоном»¹².

В ходе ясашного похода на Обь ермаковцы нашли себе союзников в лице кодских хантов. По территории Кода далеко превосходила волости, располагавшиеся на Нижнем Иртыше. Большое племя, обитавшее на Коде, распадалось на роды. Им соответствовали 12 городков, каждый имел свою тамгу. У трех городков была тамга с изображением птиц, у других — оленя, стрелы и пр.¹⁴

Когда к казакам явился «большой» кодский князь Алачей, те объявили о передаче ему власти над всей округой: «постави князя болшого Алачая болшим, яко богата суца, и отпусти со своимн честно». В качестве союзников России наследники Алачая продолжали владеть Кодой вплоть до середины XVII в. Десять лет спустя после похода Ермака царь Федор пожаловал за верную службу Алачеева сына Игичея и его двоюродного брата двумя волостками со всеми угодьями и ясаком. Князьки собирали здесь ясак и несли военную службу¹⁵. По описи 1631 г., в пределах Кодского «княжества» жило около 600 чел. мужского пола¹⁶.

На земле хантов казакам открылся неведомый мир, перенесший их в совсем иную историческую эпоху. Здесь люди не обрабатывали землю и кормились почти исключительно рыбной ловлей. Оружием им служил лук и копье. Они были невелички ростом, носили одежду из шкур либо из «рыбьей кожи» с чешуей. Русские, побывавшие на Иртыше в XVII в., так описали жилища хантов: «Живут они в лесах темных над водами. Зимние юрты — деревянные в землях, аки в погребах от великих мразов; а летние юрты имеют в пных местах над водами великими токмо к лужам и пескам великим...»¹⁷ С наступлением весны ханты покидали зимовья и переселялись в «вешние юрты», которые переносили «с места на место, смотря по местам, рыбой изобильным». В Припр-

тысье население кормилось также лесными промыслами, в особенности охотой. «Обогатило их естество в сих пустынях,— писал Т. С. Паллас,— множеством диких зверей, между коими лоси главнейшее составляют их богатство»⁷⁶.

С Иртыша казачья флотилия вышла на Обь. Три дня казаки провели на Белогорье в «пустых» местах, после чего приняли решение о возвращении в Кашлык⁷⁷. Так «сказы» описывают окончание обского ясашного похода. Конечно, степень достоверности приведенного рассказа не следует преувеличивать. Перед нами не исторический отчет, а литературное описание, суммирующее разного рода сведения и предания о походах казаков в пределах Сибири. Путь на Обь должен был заинтересовать Ермака с первых дней его пребывания в Сибири. С низовьев Оби можно было через Печору вернуться на Русь⁷⁸.

С наступлением лета 1583 г. из Кашлыка в Москву выехала станица из 25 чел. На одном или двух стругах казаки повезли царю собранный ясак — пушнину. Погодинская летопись, включившая фрагменты из «архива» Ермака, весьма точно обозначила их путь: «...поплыше по Иртышу реке вниз и по великой Оби вниз же и через Камень прошли Собью же рекою в Пустоозеро; тута ж (шел.— Р. С.) казак Черкас Александр»⁷⁹.

Черкас Александров привез в Москву донесение Ермака о «сибирском взятии». Текст донесения воспроизведен Погодинским летописцем: «писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии самодержицу, что ... царство Сибирское взяша и многих живущих ту инопозычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти их привели, ... татар и остяков и вагулич привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку, пакамест... стоят, и ясак им государю давати по вся годы, а на русских людей ала никакого не мыслить...»⁸⁰

В Москве по достоинству оценили важность известий, привезенных казаками. Не позднее осени 1583 г. Иван IV отдал приказ о подготовке «зимнего похода» в Сибирь. После беседы с казаками царь вскоре же убедился в том, что уральские перевалы непроходимы в зимнее время, и известил Строгановых, которых ранее обязал выставить вспомогательный отряд, об отмене зимнего похода. «Ныне, — писал он, — нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конех пройтять не мочпо»⁴³. Экспедиция была отложена до весны.

Отпуская казаков, царь будто бы пожаловал покорителю Сибири шубу со своего плеча, два панциря и много другого «жалованья». С. Ремезова особо интересовала судьба царских панцирей, полученных Ермаком, и он тщательно записал местные предания о них. Согласно этим преданиям, после смерти атамана Кучум пожаловал снятые с него доспехи — один мурзе Кайдаулу, а другой — «в приклад» белогорскому шаману в его святилище⁴⁴. В середине XVII в. калмыцкий тайша Аблай просил у царя ермаковы панцири, один из которых оставался в семье Кайдаула в Тобольске, а другой оказался в руках то ли у кондинских князей, то ли у кодского князя Алачей, забравшего его из белогорского святилища. Тобольский воевода получил приказ изъять панцирь у детей Алачей. Но обнаружить его не удалось. «И до днесь не слышится», — записал С. Ремезов.

Другой панцирь разыскали без труда в Тобольске. По описанию, он имел следующие приметы: «длинен и около груди напереди кольца часты, напереди же ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо»⁴⁵. Сын Кайдаула отказался отдать семейную реликвию, и воевода приказал снять с него панцирь «неволею». Отец С. Ремезова отвез панцирь в подарок Аблаю. Со слов отца сибирский историк составил следующее описание доспеха: «бит в 5 колец мудрастно, долиною в 2 аршина, в плечах с четыю аршин, на грудех и меж крылец печати царские золтые

орлы, по подолу и рукавам опушка медная на 3 верышка»⁶⁶. Новое описание очевидным образом расходилось с ранее сделанным описанием прострелепной кольчуги. Аблай вскоре же показал полученный им подарок бывшему владельцу, однако тот «смотря, сказал, что тот панцирь не его». След тобольского панциря, как и кондигского, затерялся.

За 15 лет до того, как тобольские власти приступили к розыскам ермаковых панцирей, березовские служилые люди отыкали у приобских самоедов кольчугу. В первых отписках они указали, что «на том де пансыре на грудех мишени золоты, а на них вырезано на одной государеву имя, а на другой орел»⁶⁷. При более тщательном осмотре было установлено, что бляшки («мишени») — не золотые, а медные: «на одной вырезан двоеглавый орел, а на другой подпись князь Петра Ивановича Шуйского». Когда кольчуга была доставлена в Москву, на ней сохранилась лишь одна медная с позолотой бляшка, удостоверявшая принадлежность вещи П. Шуйскому. Вторая бляшка с орлом исчезла. Однако при поздних раскопках в Кашлыке археологи нашли еще одну бляшку с именем П. Шуйского, возможно, с того же панциря. находка эта позволила С. В. Бахрушину высказать, с рядом оговорок, предположение, что кольчуга Шуйского некогда принадлежала Ермаку и тот потерял бляшку с нее во время пребывания в Кашлыке⁶⁸. Однако это предположение не подкреплено никакими точными данными. Кольчуга могла попасть в Сибирь в бытность П. Шуйского на воеводстве в Казани, либо в то время, когда сибирские ханы были вассалами царя, либо в гораздо более позднее время.

Мнение, будто Ермак получил панцирь П. Шуйского из рук царя, по-видимому, является ошибочным. По данным «архива» Ермака, казаки были награждены за «сибирское взятие» деньгами и сукном, а атаманы — золотыми⁶⁹. Вопреки поздним преданиям, Ермак не получил ни панцирей, ни шубы с царского плеча.

Летописцы XVII в. утверждали, будто «Ермака повелел государь написать в грамотах сибирским князем»⁹⁰. И эти сведения также носят легендарный характер. Царь и не думал именовать предводителя казаков «сибирским князем». Напротив, он считал, что благоразумнее не оставлять его в завоеванном крае. Отчет о награждении казаков заканчивался фразой: «А Ермаку указал государь быть к Москве»⁹¹.

Погодинская летопись приводит подробную разрядную запись о посылке подкреплений Ермаку. Экспедицию возглавил воевода князь Семён Болховский. С ним в поход спарядили «голов Ивана Киреева да Ивана Васильева Глухова, а с ними казанских и сваяжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто ж человек и иных ратных людей 100 человек»⁹². Сведения о численности отряда С. Болховского находят подтверждение в подлинной царской грамоте от 7 января 1584 г. Иван IV велел Строгановым приготовить 15 стругов, «которые 6 струги подъяли по 20-ти человек с запасом», т. е. 300 чел.⁹³

После прекращения войны со шведами в 1583 г. русское командование высвободило значительные военные силы, но прицуждено было использовать их для обороны южных границ и в особенности для подавления грандиозного восстания в Поволжье. В Сибирь пришлось послать небольшой отряд. Предполагалось, что он выступит в поход и перевалит за Урал «по весне». Однако с наступлением весны Иван IV умер. В Москве произошли крупные народные волнения. В общей сумятице о сибирской экспедиции на время забыли.

Примерно в одно время с казаками Ермака в Москву прибыл английский посол Д. Боус. В последние годы Ливонской войны Московская компания английских куп-

цов поставила в Россию немало военного снаряжения, и ее руководители рассчитывали добиться от царя привилегий. Д. Боус обратился к царю с просьбой даровать английским купцам исключительное право на торговлю во всех северных русских портах. Англичане рассчитывали на то, что, освоив пристани в устьях Мезени и Печоры, без труда достигнут Оби и «Исленда» и заведут торг с населением Сибири».

Отношение Ивана IV к делам Московской компании было неодинаковым в разные годы. Первые английские мореходы, прибывшие в Москву, сумели заинтересовать его перспективой открытия кратчайших северных морских путей в Китай и Индию. Итальянские купцы, побывавшие в России через несколько лет после учреждения беломорского плавания, писали, что царь Иван для поощрения отважных северных мореходов «назначил большие награды в надежде с открытием пути устроить водное сообщение (с восточными странами.— *Р. С.*), отчего сильно возрастут таможенные сборы и пошлины...»

Однако экспедиции англичан в Северном Ледовитом океане терпели одну неудачу за другой, и к началу 80-х гг. XVI в. Московскую компанию больше интересовали близкие и практические цели — утверждение на морских путях в Сибирь.

Новая ориентация английских купцов вызвала резко отрицательное отношение Ивана IV. В ответ на обращение посла Д. Боуса Боярская дума вынесла решение: «А о реке Оби, да о Исленде реке, да о Печере реке о тех урочищах им отказать». В личной беседе с послом царь откровенно объяснил мотивы своего решения: «А что написано (в английской грамоте.— *Р. С.*), пристанища ж морские — Печера, да Исленди, да река Обь, и тому сstattиць невозможно: те места в нашей отчине, от тех мест, где приставают английские гости, далеко, да и пристанищ морских в тех местах нет и приставать тут не пригодится, а лише в тех местах вьдутца соболи

да кречеты, и только такие дорогие товары, соболи и кречеты, пойдут в Аглинскую же землю, и нашему государству как бес того быти?»⁹⁷. Царь прекрасно понимал значение драгоценной сибирской пушпы для русской казны, а равным образом и для торгова Московскои компани.

Прибытие послов Ермака с пушпы произвело сильное впечатление на западноевропейских купцов в Москве. Торговля с Сибирью сулила столь большие барыши, что многие готовы были преступить запрет московских властей. Английский купец А. Мерш, прославившийся своими махинациями, попытался заняться сибирской торговлей, действуя на свой страх и риск за спиной Московской компани. Он установил деловые связи с четырьмя русскими промышленниками, регулярно ездившими из Холмогор в устье Печоры и далее на восток. А. Мерш предложил им исследовать устье Оби и сообщить ему полученные сведения. 21 февраля 1584 г. купцы письменно уведомили А. Мерша, что готовы отправиться на Обь, для чего потребуется снарядить два коча с командой по 10 моряков на каждом. «Если ты хочешь, чтобы мы поехали к устью Оби морем,— писали холмогорские мореходы,— то мы должны пройти мимо островов Вайгач, Новая Земля, Земля Матвея, т. е. Матвеевой Земли, и ты можешь убедиться в том, что от острова Вайгача до устья Оби не очень трудно проехать»⁹⁸. Русские мореходы сообщали англичанину подробные сведения о югорских и мангазейских самоедах, об их городках, уверяли его, что «река Обь в устье глубока» и пр. Письмо не оставляло сомнения в том, что как морские, так и сухопутные дороги в Сибирь были им хорошо известны.

Нарушив закон, А. Мерш послал на Обь своего русского слугу Богдана с валасом товаров, предназначенных для меловой торговли с самоедами. На кочах холмогорских промышленников Богдан благополучно до-

брался до Сибири и вернулся в Москву с партией мехов, оцепенной в тысячу рублей. Однако московские власти решительно пресекли незаконную торговлю. Богдан подвергся порке и попал в тюрьму. Привезенные им соболи меха были конфискованы в казну⁹⁹.

Из письма холмогорских мореходов А. Мерш впервые узнал о том, что «некогда ваши люди (западноевропейцы.— Р. С.) уже достигли устья названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что они прехалли ограбить их»¹⁰⁰.

Сведения о гибели неизвестного западноевропейского корабля в устье Оби подтвердилось после того, как в Москву не позднее энымы 1584/85 г. был привезен пленный царевич Маметкул. Агент Московской компании Д. Горсей беседовал с ним и записал следующее: «Я слышал от него, что в их земле были некие англичане или по крайней мере такие люди, как я, взятые ими с кораблем, пушками, порохом и другими богатствами за два года до того, когда они пришли по Оби, чтобы найти Китай через Северо-Восток»¹⁰¹.

И. Гамель высказал предположение, что погибшее на Оби судно принадлежало капитану Ч. Джекмену и что самоеды связали появление корабля с походом Ермака, отчего и расправились так жестоко с его командой¹⁰². М. Боднарский считал, что в устье Оби погиб корабль Д. Бессендайна¹⁰³. Однако из записки о путешествии А. Пета следует, что барк «Уильям» под командой Ч. Джекмена перезимовал у берегов Норвегии и в феврале 1581 г. отплыл к берегам Исландии¹⁰⁴. Судя по рассказам Маметкула, корабль попал на Двину не ранее 1582—1583 гг. Следовательно, он никак не мог принадлежать Д. Бессендаину.

Нет оснований связывать гибель неизвестного экипажа с появлением Ермака в Сибири. Еще кормчий Лошак советовал С. Берро проявлять большую осторожность на

Оби, поскольку обские самоеды «всячески стараются застрелить всех людей, не говорящих на их языке»¹⁰⁵.

Имеющиеся материалы не позволяют установить национальную принадлежность корабля, потерпевшего крушение в устье Оби в период экспедиции Ермака. Судно было снаряжено скорее всего теми купцам-авантюристами из Западной Европы, которых манили пушные богатства Сибири¹⁰⁶. К числу подобных авантюристов принадлежал упоминавшийся выше О. Брюнель, служивший Строгановым. По поручению своих хозяев он выехал в Антверпен, чтобы нанять искусных лодманов и моряков, которые за щедрое вознаграждение согласились бы отправиться в Россию и поступить на службу к Строгановым. По словам О. Брюнеля, подготовка к экспедиции в самой России шла полным ходом. На верфях в устье Двины русские плотники под присмотром шведского корабельного мастера (вероятно, пленника) построили два корабля, предназначавшихся для арктического плавания¹⁰⁷.

Планы Строгановых остались несуществующими, поскольку О. Брюнель решил организовать самостоятельную экспедицию в Сибирь. Заинтересовав своим рассказом голландского купца Б. Мюшера, он объявил ему, что сможет достичь устья Оби лишь при условии, что корабль будет снабжен всем необходимым снаряжением и что в его команду будут наняты «хорошо известные русские», которые знакомы с Обью, «так как ездили туда из года в год»¹⁰⁸.

Итак, бельгиец возлагал большие надежды на помощь опытных русских лодманов, известных ему по службе у Строгановых. Он обратился за советами к Г. Меркатору. Некто Балак, как уже упоминалось выше, дал ему рекомендательное письмо к известному географу. Балак не скрыл от Г. Меркатора тот факт, что О. Брюнель не обладает достаточной подготовкой для путешествия. «Я бы хотел, — писал он, — чтобы этот

Олшвер (О. Брюпель.— Р. С.) был бы более сведущ в космографии, это значительно обогатило бы его опыт»¹⁰⁰.

В 1584 г. О. Брюпель отправился в плавание по северным морям и достиг о. Вайгач. Льды помешали экспедиции пройти в Карское море. На обратном пути корабль сел на мель в бухте неподалеку от устья Печоры. Незадачливый навигатор с трудом спасся¹⁰⁰.

Поморы давно освоили путь в устье Оби по Студеному морю. Но окончательно утвердиться здесь русские смогли лишь после того, как Ермак нанес сокрушительное поражение Сибирскому ханству.

Зная Кашлык, казаки рассчитывали получить немедленную помощь из России. Однако помощь надолго задержалась. Что же позволило Ермаку с его малочисленным отрядом продержаться в сердце Сибирского ханства почти два года? Это можно объяснить рядом обстоятельств.

Ермак выстоял потому, что за плечами у вольных казаков были многие десятилетия войны с кочевниками в «диком поле». Казаки основывали свои зимовья за сотни верст от государственных границ России, их станции со всех сторон окружали ордынцы, которых они научились одолевать. Ермак обладал мужеством и решимостью прирожденного полководца. Его боевая деятельность воплотила в себе весь опыт, приобретенный русскими колонистами в бесконечных «малых войнах» против степных орд.

Одной из причин успеха экспедиции являлась впутренняя непрочность Сибирского ханства. Подчиненные Кучуму татарские улусы, население которых вело кочевой и полукочевой образ жизни, были разобщены. На огромной территории ханства обитали редкие и мало-

численные племена, завоеванные татарами и связанные с ними одними лишь давнишними отношениями.

Убив Едигера, Кучум после долгого сопротивления подчинил татарских мурз. Но при первых же военных неудачах междоусобная борьба среди татарской знати возобновилась. «Ближний ясажный мурза» Кучума Сенахта Тагни «по недружбе» к хану Маметкулу сообщил казакам о том, что тот разбил свои кочевья по Вагаю в 100 верстах от Кашлыка. Ермак поспешил воспользоваться оплошностью татарского царевича. Он послал на Вагай отряд, по некоторым сведениям, немногим более полусотни казаков. Посреди ночи казаки напали на татарские кочевья, перебили стражу и захватили Маметкула в его шатре живым¹¹¹.

На протяжении многих лет Маметкул возглавлял войска Сибирского ханства. Кучум поручал ему руководство крупнейшими военными экспедициями. Пленение Маметкула пошатнуло военную опору Кучума. Враги хана немедленно подняли голову. Племянник свергнутого Кучумом Едигера Сеид-хан, которому в свое время удалось бежать в Бухару, вернулся в Сибирь и стал угрожать Кучуму мстью¹¹². Предчувствуя новые междоусобицы, знать стала спешно покидать ханский двор. От Кучума отвернулся даже его собственный карача¹¹³ (в Крыму, Ногайской Орде и в других татарских улусах титул «карачи» носили главные сановники хана, принадлежавшие к самым знатным и могущественным родам)¹¹⁴. После бегства Кучума карача отказался повиноваться ему, ушел со своим родом к Чулымскому озеру и стал кочевать в верховьях Иртыша в районе рек Тара и Омь¹¹⁵. В дальнейшем он вел свою особую войну с Ермаком, добываясь возвращения улуса под Кашлыком.

Власть Кучума перестали признавать местные племена и их князьки. Некоторые из них, например хантский князек Бояр со своим родом, как уже упоминалось, стал помогать казакам тотчас же после появления их

в Кашлыке. Со времени похода ермаковцев на Обь их надежным союзником стал также князь Алачей. Несколько позже в Кашлык прибыли Ишбердей и Суклем. Согласно поздним преданиям, эти мансийские князьки, жившие в недоступных местах за Яскалбинскими болотами, добровольно признали власть Ермака и привезли ему ясак. Казаки отпустили их с честью, после чего Ишбердей оказал им много услуг: «привел к покорности» русским других мансийских князьков и «пути (русским.— *Р. С.*) многи сказа, и на немпрных (князьков.— *Р. С.*) казаком вожь изрядной был и верен велми»¹¹⁶.

Помощь со стороны местного населения имела для экспедиции неоценимое значение. Горстка казаков не могла бы в течение двух лет продержаться среди враждебного населения. Фольклор хантов донес исторические предания о Ермаке. В них говорится не только о длительной и упорной войне с Ермаком, но и о мирных отношениях с ним. Можно сослаться на следующую запись хантского фольклора: «Остяки с Ермаком не воевали. Когда Ермак пришел, то наш вождь встретился с ним, встали напротив друг друга и поменялись, передавая из рук в руки лук и ружье: тот нашему ружье, а наш — лук»¹¹⁷.

Приведем еще одну запись фольклора хантов: «Когда Ермак (т. е. его люди.— *Р. С.*) пришли в Айполово, решили не трогать остяков, а дать им решить: покориться или воевать. В Айполово семь шаманов собрались и сказали своему народу: „Дайте нам семь дней подумать!“ Посовещались с богом и решили подчиниться и платить дань»¹¹⁸.

Экспедиция затягивалась, и силы Ермака таяли из месяца в месяц. Болезни и стычки с татарами приводили к невосполнимым потерям. Казаки могли успешно сражаться с превосходящими силами татар, пока в изобилии имели порох и свинец. Но вскоре отряд израсходовал почти все боеприпасы и, таким образом, утратил

свое главное преимущество перед врагами, не имевшими огнестрельного оружия. В такой обстановке Ермак предпринял поход на Пелым.

Все сведения о пелымском походе содержатся исключительно в «Истории» С. Ремезова и во вставных листах к ее тексту. Это обстоятельство затрудняет проверку достоверности известия с помощью других источников.

Данные С. Ремезова противоречивы. В начальном тексте «Истории» он сообщал о походе на Пелым самые краткие сведения: «Июля в 1 день того же году (7091.— Р. С.) ездил воевать по Тавде...»¹¹⁰ При составлении «кунгурских» листов С. Ремезов описал поход на Тавду к Пелыму в мельчайших подробностях, но при этом решительно пересмотрел данные о хронологии похода. Согласно новой редакции, поход имел место будто бы в 7087 (1579) г. и начался не 1 июля, а 1 августа¹²⁰. В первом случае С. Ремезов, возможно, ближе следовал имевшимся в его распоряжении источникам кунгурского происхождения, из которых следовало, что Ермак двинулся на Пелым после завершения ясажного похода на Обь. Хронологическая ошибка в «кунгурских» листах может быть объяснена лишь предположительно. Вставные листы «Истории» сохранили сведения о том, что в начале пелымского похода Ермак занял Карачин улус на Тоболе, что в дни похода местный шаман на Тавде велел Ермаку «воротится на Карачино озеро зимовать» и что казаки, собрав ясак хлебом и другими продуктами, «привадиша в зимовье Карачинское со многими припасы сушеными»¹²¹.

Казаки, направлявшиеся из Кашлыка на Пелым, неминуемо должны были пройти через улус Карачин, располагавшийся подле устья Тобола. Эта подробность, однако, была неверно истолкована С. Ремезовым. То, что начало похода кунгурские источники приурочили не к Кашлыку, а к Карачину острову в устье Тобола, возможно, и натолкнуло С. Ремезова на ошибочную догад-

ку, согласно которой казаки ходили на Пелым еще до взятия Кашлыка.

Известиям «кунгурских» листов можно дать более простое толкование. Городище Кашлык оказалось непригодным для того, чтобы пять казачьих сотен могли разбить в нем свой лагерь. Поэтому, заняв Кашлык, Ермак в дальнейшем перенес свое зимовье в Карачино городище на Тоболе. Тем самым он обезопасил себя от внезапных нападений татар. Ни одна сибирская летопись не упоминает о Карачине. Но сомневаться в достоверности известий о нем не приходится. В «Хорографической книге» С. Ремезова 1697 г. помечены озеро и остров Карачинский неподалеку от устья Тобола¹²². По словам Г. Ф. Миллера, Карачинское озеро, располагавшееся в 16 верстах от Тобольска, по форме представляло овальную дугу, концы которой почти сходились, соединяясь с Тоболом протокой. Озеро это, добавил Г. Ф. Миллер, «называется еще попыне по-русски Карачинным озером, а по-татарски Карача-куль»¹²³.

Пелымский поход казаков имел, по-видимому, совсем иные цели, нежели выступление казаков на Обь. Во время обского похода они облагали местное население ясаком и подолгу задерживались в занятых городищах. Ермак двигался в спешке. Из кунгурских листов следует, что казаки направились на Тавду и Пелым, «восхотеша» возвратиться «вспять на Русь»¹²⁴.

Предполагал ли Ермак отказаться от первоначальных планов и навсегда покинуть Сибирь? Если бы дело обстояло так, то казаки двинулись бы не на Пелым, а на Обь и беспрепятственно ушли бы на Русь старыми проторенными путями через Печору. На этом пути казакам пришлось бы иметь дело с союзниками и населением, принесшим присягу. На самом деле Ермак выбрал не самый легкий, а напротив — самый трудный путь. На Тавде располагалось Пелымское княжество, без сомнения наиболее сильное из мансийских объединений,

в течение многих лет ведущее войну сначала с Кучумом, а затем с русской Пермью. Майские племена были знакомы с примитивным земледелием, и бассейн Тавды был одним из наиболее населенных районов Сибирского ханства.

Выбор пути отступления продиктован был военными соображениями. За полтора года пребывания в Сибири казаки собрали подробную информацию о путях продвижения из Сибири в Прикамье. Они выяснили, что проделанный ими путь через тагильские перевалы был наиболее труднопроходимым. Если бы поход на Пелым увенчался успехом, казаки овладели бы самым удобным путем из Пельма в Кашлык. (Позже этот путь надолго стал для русских основным путем сообщения с Сибирью).

Кунгурский «сказ» о пелымском походе имеет определенный исторический интерес. Однако следует иметь в виду, что при нынешнем состоянии источников невозможно отделить достоверные сведения «сказа» от легендарных.

Согласно Кунгурскому летописцу, флотилия Ермака прошла с Тобола на Тавду. Там казаки заняли Красноярскую и Калымскую волости и обратили в бегство предводителя Лабуту с прочими майскими «князьями». Самый большой бой произошел на Паченке. В ходе боя много казаков было рабено. Однако и татарский отряд, противостоявший казакам, полег весь на месте. Погиб и князек Паченки («Паченег» или «Печенег»).

Следуя вверх по Тавде, Ермак вступил в Кашуцкие волости, захватил там «есаула» Ичимха и допросил его. Кашуцкие волости в городище Чандырь покорились казакам «боем и добровольно, со старейшинами их»¹²³. К Ермаку явились местные манси, принесшие в знак покорности ясак.

Однако чем дальше отряд продвигался на север, тем большее сопротивление ему приходилось преодолевать. В бассейне рек Тавды и Пельма располагался один из

самых крупных союзов племен манси. Русские летописи упоминали о Пелымском «государстве» с середины XV в.¹²⁶ В XVI в. оно входило в состав Сибирского ханства. Основу союза составляли племена манси, жившие на Пелыме, в Конде и на Тавде¹²⁷. Самым известным из местных князьков был Аблегирим, не раз возглавлявший нападения на строгановские владения в Приуралье. Несмотря на свои татарские имена, родо-племенная верхушка Пелымского «государства» оставалась мансийской. Этнический состав населения Пелыма, Конды и Тавды отличался однородностью. На конец XVI в. тут числилось более 500 ясачных людей, а следовательно, общая численность населения превышала 2500 чел.¹²⁸

Ермак побывал совсем недалеко от Пелыма, где находился князек Аблегирим, но штурмовать укрепленное городище не стал, желая уберечь от новых потерь свой и без того малочисленный отряд.

Пленные, захваченные близ Пелыма, твердили, что никакого пути с Пелыма на Русь нет («и по допросом пути нет за Камень в Русь»). Мансийские шаманы старались уверить казаков в том же самом. Если верить кунгурскому «сказу», они заявили Ермаку: «через Камень (Урал.— *Р. С.*), де, хотя и думаешь, не пойдешь, и дороги нет...»¹²⁹

Местные манси конечно же знали о существовании лозвинского пути из Зауралья в Пермь. Что же заставляло их давать казакам неверные сведения? Как видно, пелымских жрецов и старейшин вполне устраивало присутствие казаков в Кашлыке, препятствовавшее восстановлению власти Кучума над «Пелымским государством». Чандырский жрец с уверенностью предсказал победу Ермака над Кучумом: «...п о том,— значитя в кунгурских листах,— идольское пророчество сбылося, а о смерти его (Ермака.— *Р. С.*) не сказал»¹³⁰.

Вынужденные повернуть с Пелыма вспять, казаки собрали в волости Табары «хлеб в яsak», и «тот збор,—

отметил С. Ремезов, — первое ясачной хлеб в Тобольску и до ныне хлеб и денги и куш — то вместе — Ермакова прибору». Примечательно, что казаки не вернулись в Кашлык, а остались на зимовье на острове во владениях Карачи на Тоболе. Именно сюда они «провадише в зимовье» свои струги с хлебом и прочими «припасами». Манси, сопровождавшие обоз, были отпущены с Карачина острова восвояси¹³¹.

Тобольские церковники приписывали казакам Ермака несвойственную им роль борцов за православную идею. Как значилось в Списодпке ермаковым казакам, сам бог избрал Ермака и его дружину, чтобы победить бусурман и язычников, «и разорити их богомерская и нечестивая капища»¹³².

Документы разрушают такое представление. На вольные окраины стекались люди самой различной этнической принадлежности и вероисповедания. По этой причине казачеству был чужд религиозный фанатизм. В глубинах «дикого поля» население, бежавшее от гнета крепостнического государства, оказывалось вне сферы влияния официальной церкви. Неудивительно, что Ермак и его соратники, будучи в Сибири, не делали никаких попыток разрушения языческих капищ и христианизации края.

Вольные казаки пришли в Сибирь с мечом, но не с крестом. Взяв с боя татарскую Аремзянскую волость, предводитель отряда заставил татар в знак верности царю целовать казачью саблю. В кунгурских «сказах» церемония присяги описана следующим образом. Пятидесятник положил на стол окровавленную саблю и велел «целовати за государя царя, чтобы им (татарам.— Р. С.) служити и ясак платити по вся годы, а не изменити»¹³³.

Задолго до Ермака ханты, пиевшие дело с русскими, совершали особый магический обряд при шертовании, с использованием сабли. Они клали под ель на медвежью шкуру две сабли острием вверх «супротивно», под «жа-

бой берестяной» привязывали к елке две другие сабли острием вниз. Люди, приписавшие шерсть, обходили ель под саблями, приговаривая: «по их (русских.— *Р. С.*) праву бог казны»¹³⁴.

Во время своих походов в Сибири казаки, как повествуют «сказы», с любопытством разглядывали «священные камни», расспрашивали жителей об их свойствах. Будучи в Ташаткане, они узнали, что название этого городка означало в переводе с татарского «камень, который бросили». По преданию, городище возникло на месте, где с неба «спал камень», величлиую превосходивший воз с санями, на вид багровый. Жители считали «побесный камень» священным и рассказали казакам, что «от него по временам восходит стужа, дождь и снег»¹³⁵. В XVI в. доисламские верования у сибирских татар имели самое широкое распространение. Существовала вера в духов (козлев), культ березы, сосны, поверья насчет чудесных камней, производящих погоду. Шаманы искали волшебные камни в горах, во внутренних лесах и карася, наконец, в деревьях, куда они будто бы падали прямо с неба. Считалось, что с помощью камней шаманы могут папускать дождь, стужу и снег¹³⁶.

Кунгурские «сказы» сообщают, что во время похода на Тавду Ермак посещал языческие мольбища и в трудных для него обстоятельствах даже обращался за советом к шаманам. Попав в «великое болванское моление» в Чандыре, он спросил колдуна, суждено ли ему пройти «за горы на Русь». Шаман дал Ермаку отрицательный ответ и посоветовал вернуться в Кашлык: «Про возврат (на Русь.— *Р. С.*) Ермаку тот же шейтанчик сказал, что воротится на Карачино озеро (под Кашлык.— *Р. С.*) зимовать...»¹³⁷.

«Сказы», собранные С. Ремезовым, передают любопытные подробности насчет камлания шамана в Чандыре в момент посещения мольбища казаками. По знаку шамана, читаем в «кунгурских» листах, подручные креп-

ко связали ему руки и воткнули длинный нож «в брюхо сквозь». Через некоторое время шаман велел развязать себя, выдернул нож и, набрав полную пригоршню крови, стал пить ее и мазать себе лицо. Чтобы усилить эффект, «шейтапщик» подозвал казаков, и, откинув шкуру, показал им живот без каких бы то ни было следов кровавой раны¹³⁸.

Сведения из кунгурских листов находят полную аналогию в ранних этнографических описаниях Сибири XVIII в. Во время камлания, свидетельствовали этнографы, шаманы колот себя сами или другому дают себя колоть большим ножом, втыкая его по самой черепок, затем вытаскивают нож без всякого следа на коже¹³⁹.

Маяки верили в то, что шаманы наделены сверхъестественной силой, позволяющей им предсказывать будущее. Этнографы XVIII в. детально описали обряды, сопровождавшие шаманские пророчества. «Волхв», по их словам, приказывал связать себя и бросался на землю. Присутствующие начинали неистово кричать, ударять в котлы и доски. Колдун отзывался на их крики, делая «харей» разные «чудообразия» и бормоча призывы к богам. В чуме разводили «великий» огонь, курившийся дымом. Едва шамана обволакивал синий туман, он вскакивал в беспамятстве и метался словно угорелый. Очнувшись, шаман рассказывал о своем свидании с духами и просвещал сородичей насчет их будущего¹⁴⁰.

Казаки Ермака, возможно, были первыми, кто пытался разыскать в Сибири знаменитого идола — «Золотую бабу». Слухи об этом «великом» кумире проникли в Европу еще в те времена, когда русские утвердились в Приуралье. Сообщая о копчине Стефана Пермского, летописец записал под 1398 г., что святителю пришлось жить среди неверных, молящихся «идолам, огню, и воде, камню и Золотой бабе, и волхвом и дровью»¹⁴¹. В послании митрополита Симона пермичам 1510 г. вновь упоминалось о поклонении местных племен «Золотой ба-

бе»¹⁴². Из Московии эти слухи проникли в Западную Европу¹⁴³. Австрийский посол С. Герберштейн, посетивший Москву в начале XVI в., записал, что за Уралом при устье Оби стоит идол «Золотая баба» в виде некоей старухи, которая «держит в утробе сына и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук»¹⁴⁴.

Согласно «сказам», казаки впервые услышали о «Золотом идоле» от чуваша, перебежавшего в их стан при осаде городища на р. Демьянке. Чуваш, попавший в Сибирь в качестве пленника татар, немного говорил по-русски. С его слов ермаковцы узнали о том, что в осажденном ими урочище ханты молятся идолу — «богу литому золотому, в чаше сидит», а идол, «де, поставлен на стол и кругом горит жир и курится сера, аки в ковше». При этом чуваш не мог вразумительно ответить на вопрос, откуда взялся золотой идол¹⁴⁵. Описанный в купгурских «сказах» обряд моления, по предположению С. В. Бахрушина, был на самом деле стилизованным изображением хорошо известного обычая хантов «лить с золота воду» при заключении договоров и принесении присяги¹⁴⁶.

Согласно «сказам», казаки вторично услышали о «Золотой бабе», когда попали в Белогорье на Оби, где располагалось самое почитаемое хантами капище — «жрецие (священнодействие.— Р. С.) и съезд великий».

Казакам и на этот раз не довелось самим увидеть хантского бога. При их приближении жители спрятали «болвана», как и всю прочую сокровищницу — «многое собранье кумирное». Но казаки постарались расспросить хантов и на основании их слов составили описание идола: «...на Белогорье у них молбище болшее богине древней — нага с сыном на стуле сидящая»¹⁴⁷.

Автор одного из первых этнографических сочинений о Сибири Г. Новицкий вслед за казаками безуспешно разыскивал местонахождение хантских идолов, сделанных по подобию человека. Ему не удалось найти «Зо-

лотую бабу», но он видел и подробно описал идола, названного им «обский старик». Его хранили в мольбище «на усть Иртыша прежде (педалече) Самарова града», т. е. в тех местах, где побывали казаки Ермака. «Обский старик» (или «бог рыб») имел вид доски с носом-трубой, малыми рогами на голове и золотой грудью. Ханты тщательно закутывали его в «червленную одежду» и рубища. Отправляясь на промысел, они ели священную уху, предварительно помазав ею «бога рыб». Если им не везло и они возвращались с моря без рыбы, они принимались колотить идола и плевали на него. Когда промысел налаживался, они как ни в чем не бывало вновь оказывали ему почести. В крайней нужде ханты не только били своих золотых «стариков» и «старух», но и «отнимали» у них кусочки золота, чтобы выжить в трудную годину¹¹⁶.

Г. Новицкий знал о существовании другого идола в Белогорском мольбище, о котором писал: «Первоначальный же и паче всех настоящий кумир аде бо...»¹¹⁶. Но манси спрятали его в недоступных местах, и ученому увидеть его не удалось.

Отразившиеся в «сказах» сведения о веротерпимости казаков представляются правдоподобными. Отсутствие какого бы то ни было фанатизма, вражды к язычеству помогло казакам наладить отношения с местным населением.

ЗАВЕРШЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Сибирские источники весьма сбивчиво датируют основные события похода. Тобольские ветераны, воспоминания которых легли в основу ранних летописей и синодников, руководствовались несложной схемой. В их сознании с гибелью вождей были связаны главные вехи похода: каждый из вождей будто бы погиб в «свое» лето.

В первое лето «сибирского взятия» погиб Б. Брязга, во второе — Н. Пап, в третье — И. Кольцо, в четвертое — Ермак. Воевода С. Болховский прибыл в Сибирь после гибели Н. Пана и вскоре умер. Новый воевода И. Мансуров появился «во второе ж лето по Ермакове убийнии»¹⁵⁶.

По сибирским летописям, поход начался в 7089 г., а кончился в 7092 г. В действительности, как установлено выше, экспедиция Ермака началась в 7091 г. Попытаемся проверить теперь достоверность конечной даты.

По Синодику, Ермак погиб 5 августа 1584 (7092) г. Тобольские ветераны, по-видимому, в точности запомнили день, но не год смерти своего предводителя. По данным сибирских летописей, последнее столкновение казаков с татарами произошло незадолго до прибытия в Сибирь воеводы И. Мансурова. Это обстоятельство позволяет уточнить время окончания сибирской экспедиции.

Судя по царским грамотам, отряд С. Болховского прибыл в Сибирь в 1584 г., а не в 1583 г., как считали летописцы. Воевода И. Мансуров появился за Уралом не ранее чем через год. Не найдя казаков в Кашлыке, он спустился по Иртышу на Обь и занимал в «срубленном» им Обском городке. Подлинные документы Посольского приказа впервые упомянули об основании Обского городка в феврале 1586 г.¹⁵⁷ Отсюда следует, что И. М. Мансуров прибыл в Сибирь в конце лета 1585 г., а Ермак был убит 5 августа того же года.

Итак, сибирская экспедиция продолжалась не четыре «лета», как значилось в Синодике, а неполных три года — с 1582 по 1585.

Установление хронологии последнего периода сибирской экспедиции позволяет перейти к рассмотрению конкретных событий.

Первые подкрепления были приведены в Сибирь воеводой С. Болховским в 1584 г. Казаки встретили прибывших с Руси государевых стрельцов с ликованием и на

радостях щедро одарили мехами — «мягкой рухлядью». Но вскоре возникли затруднения.

Казаки заготовили ровно столько продовольствия, сколько необходимо было им для зимовья¹³³. Повторно собрать ясак, чтобы прокормить людей С. Болховского, оказалось, по-видимому, невозможно. Еще до начала экспедиции Строгановы получали от племенных сведения о том, что столица Сибирского ханства не имела каменных стен, а была окружена осыпавшимся земляным валом и неглубоким рвом¹³³. Попав в Сибирь, казаки скоро убедились, что городища там очень мало напоминали русские посады с их теплыми рублеными избами. Кашлык не был городом в собственном смысле этого слова. Располагавшийся на вершине крутого яра, он имел малую площадь: за невысоким валом помещались мечеть и несколько построек, служивших резиденцией Кучума и его близких людей. Казаки зимовали не в Кашлыке, а на Карачине острове, имевшем большую территорию. Сюда «проводили» они запасы, собранные в пелымском походе. Здесь построили срубы и открыли теплые землянки. Помещения были тесными, и все попытки разместить в них на постой дополнительно несколько сот человек оказались обреченными на провал.

Долгий, изнурительный поход утомил стрельцов до крайности. Они рассчитывали получить в столице Кучума отдых, но вместо отдыха их ждали еще худшие испытания. Пришла зима. Грянули жестокие сибирские морозы, когда температура падала ниже 40° и дули ледяные ветры¹³⁴, а воеводы, снаряжавшиеся в поход в весеннее время, не позаботились даже о шубах. Глубокие снега сделали невозможной охоту в таежных лесах. Подле человеческих жилищ бродили волчьи стаи.

Смерть стала безжалостно косить стрелецкий отряд. Погодинский летописец цитирует следующее донесение о гибели отряда, написанное сугубо деловым слогом, без каких бы то ни было литературных красот: «...которые

люди присланы были с воеводою со князем Семепом Болховский и с головами казанские да свияжские стрельцы да пермичи и вятчяна, а запасу у них не было никакого, и те все присыльные люди... померли в старой Сибири а голоду»¹⁵³. Сколь бы удивительными ни казались слова донесения о том, что стрельцы не имели при себе никаких запасов, их достоверность не вызывает сомнения. Причиной беды была как нерасторопность военных властей, так и незнание ими особенностей сибирского края. Воеводы надеялись, что «ратники» прокормятся «собой», как в любых других походах. Но подобные расчеты оказались беспочвенными. Очаги земледелия в Сибири были совсем невелики и найти хлеб оказалось невозможным. Выданные казной запасы стрельцы частью израсходовали в дни перехода, частью бросили на перевалах вместе с тяжелыми судами.

Итак, присылка царских воевод в Кашлык не достигла цели. Стрельцы почти все погибли, не приняв участия в борьбе с татарами. Казаки лучше перенесли голод и мороз, но и их ряды сильно поредели: из пяти сотен у Ермака осталась одна-две. Прибытие подкрепления в 1584 г. не облегчило, а, напротив, осложнило положение отряда. Единственным положительным моментом было то, что от стрельцов остался целый арсенал: пищали, порох и свинец.

Ермаку передали указ «быть к Москве», но он не выполнял царскую волю. Назначенный главным воеводой Сибири С. Болховский умер после неслыханно тяжелого перехода. Его помощник Иван Киреев уехал в Москву под предлогом необходимости сопровождения пленного Маметкула.

Чтобы сберечь уцелевших людей, Ермак старался избегать столкновений с татарами. Неудивительно, что он с готовностью откликнулся на мирные предложения, поступившие из вражеского стана: надо было выиграть время и дожидаться новых подкреплений.

Пленение Маметкула, воепачальника Сибири, выдвинуло на авансцену главного влиятеля Карачу, который перестал прилапывать власть Кучума. Карача перенес свои кочевья на Тару, где у него произошли стычки с Казахской Ордой. Карача прислал в Кашлык гонцов и просил Ермака оборонить его от недругов. Казаки созвали «круг» и после обсуждения постановили «по приговору всего товариства» отпустить к Караче атамана, «а с ним 40 человек товар(ище)ства»¹⁵⁶. Отправка союзного отряда к татарам сопряжена была со смертельным риском. Руководить операцией мог человек, обладавший исключительной отвагой и хладнокровием. Выбор пал на атамана Ивана Кольца.

Не искушенные в дипломатии казаки допустили роковую ошибку. Они не затребовали у Карачи «аманатов» — заложников. Их доверчивость обернулась катастрофой. Едва Иван Кольцо явился в татарские кочевья, его предательски захватили и убили вместе со всеми его людьми.

Когда весть о «победе» Карачи облетела сибирские улусы, татары решили, что для них настал час мести. Несколько казаков, собиравших ясак в отдаленных местностях, были убиты. По некоторым сведениям, среди них оказался атаман Яков Михайлов. Имя его ранее не упоминалось. Возможно, что казаки выбрали его на место выбывших атаманов. Ермак выслал Я. Михайлова на разведку — «в подсмотр»¹⁵⁷.

Первой заботой уцелевших после голода казаков было создание продовольственных запасов. Поначалу эта задача казалась легко выполнимой. С наступлением весны в Кашлык потянулись окрестные жители с битой дичью и рыбой¹⁵⁸. Однако уже в марте 1585 г. положение изменилось к худшему. Многочисленные татарские отряды окружили Кашлык со всех сторон. Карача спешил использовать наметившийся успех, чтобы не дать казакам оправиться от голода. С начала весны и до лета

(«пролетия») татары держали отряд Ермака в кольце, не пропуская к нему никого из его союзников с продовольственными обозами. Ермак терпеливо выждал момент для нанесения удара. Посреди ночи атаман Матвей Мещеряк с несколькими десятками казаков пробрался к главной ставке Карачи на Саускалском мысу в трех верстах от Кашлыка и внезапным ударом разгромил ее. Караче с двумя слугами удалось скрыться, зато двое его сыновей и вся охрана погибли. С наступлением рассвета казаки сами оказались в трудном положении. Татары, покинув позиции вокруг Кашлыка, атаковали горстку смельчаков со всех сторон. Казакам пришлось укрыться в кустах. В конце концов они отбили все атаки врага меткой пальбой. После полудня татары покинули окрестности сибирской столицы.

Вскоре Ермак предпринял свой последний поход против татар. Поводом к выступлению послужило то, что в Кашлык прибыли «вестники» от бухарцев — торговых людей — с жалобой, «что их Кучум не пропустит в Сибирь»¹⁵⁹. На первый взгляд, предприятие Ермака казалось безрассудной авантюрой: казакам падо было выждать совсем недолго, чтобы получить подкрепление. В действительности Ермак не располагал точной информацией о передвижениях московских воевод и принужден был рассчитывать исключительно на свои силы. Риск, связанный с походом на юг, представляется вполне оправданным. Отразив Карачу, Ермак не мог надеяться на то, что татары откажутся от новых попыток разделаться с плм. Оставаясь в Кашлыке, он рисковал в любой момент вновь оказаться в кольце блокады.

После поражения под Кашлыком Карача обратился за помощью к Кучуму и договорился с ним о совместных действиях против Ермака. Исходным пунктом нового наступления на Кашлык должно было стать Бегяшево городище. Однако Ермак упредил татар.

Выступление казаков продиктовано было не только военными соображениями. Ермаку во что бы то ни стало надо было собрать в Кашлыке большие запасы продовольствия, чтобы подготовиться к новому зимовью и встрече ратных московских людей. Сообщению о «бухарском» караване казаки придали исключительное значение. Бухарцы (так называли в Сибири выходцев из Средней Азии) играли особую роль в экономической жизни Сибирского «царства». В их руках находилась самая важная торговая артерия края, соединявшая его со среднеазиатскими рынками¹⁰⁰. Казаки по жалели усилий, чтобы выручить «бухарских» купцов.

Синодик ермаковым казакам без всяких подробностей сообщает о том, что Ермак «с певеликою своею дружиной» поспешил навстречу торговым людям — бухарцам, в пути остановился на ночлег «близ Вагайского устья... на перекопи» и тут подвергся нападению татар¹⁰¹. Краткая Тобольская летопись, служившая протографом для Есиповской и Строгановской летописей, подтвердила сведения Синодика указанием на то, что Ермак выступил против Кучума «не со многими людьми»¹⁰².

В своей «Истории» С. Ремезов писал, что в последнем походе с Ермаком было 50 чел.¹⁰³ Однако на кунгурских «сказов» следует, что отряд Ермака насчитывал 300 бойцов¹⁰⁴.

Более достоверные сведения о числе казаков, выступивших на Вагай, отразились, по-видимому, в тобольских разрядных записях. В них говорится, что «Ермак Тимофеев да 108 человек, пришел против Кучума царя, и на Вагайской перекопи стали почевать на острове»¹⁰⁵. Приведенная цифра подкрепляется показаниями двух наиболее надежных источников. Синодик ермаковым казакам показывает, что с Ермаком на Вагае погибло немало казаков, прочим удалось уйти от татар¹⁰⁶. Погодинская летопись приводит сведения ермаковского «архива» о том, что после гибели Ермака из Сибири ушли 90 казаков¹⁰⁷.

Поздние летописи отразили разрядные записи, но с искажением. Новый летописец, опиравшийся на «Краткое описание о земле Сибирской», сообщал, будто в походе на Вагай Ермака провожали атаман Иван Кольцо и 150 казаков¹⁶⁸. В своих расчетах летописец исходил из ошибочного представления о том, что казаки Ивана Кольца погибли на Вагае. По Синодику, в отряде Ивана Кольца служил 41 казак. Следовательно, без этих казаков отряд Ермака насчитывал 109 чел. Приведенная цифра совпадает с разрядной.

Все источники единогласно свидетельствуют о том, что Ермак погиб на Вагае. Судя по кунгурским «сказкам», казаки во время своего последнего похода прошли далеко за Вагай и поначалу они двигались беспрепятственно, не встречая сопротивления, «и все волости покорны были во всем»¹⁶⁹. Но затем положение переменилось.

Южные пределы Сибирского ханства от Кашлыка вверх по Иртышу до Барабы оставались главным прибежищем Кучума. То были наиболее заселенные территории Западной Сибири с однородным татарским населением. Кроме татар тут было небольшое число «бухарцев» — выходцев из Средней Азии¹⁷⁰.

В дни южного похода казаки столкнулись в районе Бегешева городища с большим скоплением татарских воинов. Помимо отступивших сюда карачинцев в урочище собралось множество кучумлян — «сборных татар», прибывших на помощь к князю Бегеши. В урочище доставлены были две железные пушки, еще оставшиеся у хана Кучума. По преданию, пушки попали к хану из Казани. В районе Бегешева городища произошел «великой бой». Бегеши пытался пустить в ход артиллерию, но безуспешно. Тогда он велел сбросить пушки под гору, на голову казаков, карабкавшихся по откосу вверх. Казаки овладели городищем после яростного штурма. Неподпавшим воинам Бегеши удалось бежать.

После «малого боя» в Салехе отряд Ермака вступил в пределы Саргачской волости, которой будто бы владела потомки местного ханского рода Саргачиков. Урочище «старосты» казаки взяли «з боем». В городище Тебенди князек Елыгай, не успевший собрать людей, выразил покорность и принес дары и ясак¹⁷¹. По преданию, Елыгай предложил Ермаку «в честь и в дар» свою дочь. Но предводитель казаков отклонил «дар» и запретил своим соратникам прикасаться к прекрасной девице из ханского рода.

Потомки некогда господствовавшего в Саргачке рода давно утратили былое влияние. Основную территорию Саргачской волости называли Ишим-томак. Она лежала выше урочища Тебенди, у впадения в Иртыш Ишима. В Ишим-томаке произошла новая стычка. Дралсь врукопашную: «яко не оружием, по рукам, кто кого может». В этом «великом бою» ермаковцы потеряли 5 чел. убитыми, что можно объяснить одним из двух: либо казаки подверглись внезапному нападению, либо у них кончился порох. Последнее вполне вероятно. Ермак выступил на Вагай (100 км от Кашлыка), имея ограниченные цели, и у него не было необходимости брать с собой большие запасы пороха и свинца. Пробиваясь к верховьям Иртыша, его отряд, однако, оказался втянутым в затяжные бои.

В своем стремительном движении отряд достиг юго-восточных пределов Сибирского ханства. Надежно прикрытое с северо-запада Уральским хребтом татарское «царство» не имело сильных крепостей на Тагиле, Таре и Оби. Юго-восточные степные границы были открыты для нападения степных кочевников, и тут сибирским ханам пришлось вести постоянные войны с соседними ордами. На степном рубеже располагалась крепость Кулары, «опасной крайной кучумовской (городок.— Р. С.) от (со стороны.— Р. С.) калмык». И на всем верхнем Иртыше, замечает автор «сказа», «крепче его нет»¹⁷². Казаки вскоре сами убедились в этом.

Урочище Кулары, по-видимому, служило центром Тав-Отузской волости. Если в Саргачской волости к началу XVII в. числилось примерно 290 татар, то в Тав-Отузской — около 350¹⁷³.

Пять дней отряд Ермака безуспешно штурмовал урочище Кулары, располагавшее превосходными естественными укреплениями. Не добившись цели, Ермак отдал приказ двигаться дальше. «Назад, де, воротясь, приберем!» — сказал он при этом, чтобы ободрить свое поредевшее войско¹⁷⁴. Ожидая подкреплений из России, Ермак, очевидно, не ставил целью закрепиться в южных пределах Сибирского ханства. Минував Ташаткан, он ушел на Шиш-реку в Туралинскую волость. Тут проходили последние рубежи Сибирского «царства». После поражения Карачи его воины в большом числе отступили сюда. Найдя беженцев в бедственном положении, Ермак приказал не обижать их: «...видеша всех, яко зело скудные, и плчем не вредяща им»¹⁷⁵.

С Шиш-реки казаки повернули назад и, пройдя мимо Кулар, стали возвращаться к Кашлыку, «прогребаяючи все городки и волости». Однако им не суждено было благополучно закончить поход.

Неудачи под Куларами имели роковые последствия. Противники Ермака воспрянули духом и предприняли попытку уничтожить его отряд. Карача с оставшимися у него воинами задумал устроить казакам западню. К нему присоединился Кучум, до того кочевавший на степных просторах и державшийся подальше от Иртыша. Чтобы задержать казаков, татары расставили на пути следования Ермака своих людей, которые в один голос говорили, будто видели бухарцев в верховьях Вагай. Хитрость вполне удалась. Отряд Ермака повернул с Иртыша на Вагай.

Подробности о переходе Ермака по Иртышу до Шли-реки сообщают лишь кунгурские «сказы». Отсутствие аналогичных сведений в других источниках затрудняет

их проверку. Однако в некоторых главных пунктах сибирские источники единогласны. Можно считать установленным, что Ермак отправился вверх по Иртышу на выручку каравану бухарских купцов и погиб в районе Вагай в дни последнего похода.

Ранняя Тобольская летопись свидетельствует, что в поисках бухарцев казаки в стругах поднялись по Вагаю до Атбаша¹⁷⁶. Это татарское урочище лежало на торговых путях, которые вели с юга, из-за Ишима, через Вагай к Кашлыку. Как писал сибирский воевода в начале XVII в., к Атбашу прилегал с одной стороны дремучий лес, с другой — непроходимые болота, простиравшиеся по Вагаю верст на 90¹⁷⁷.

Кунгурские «сказы» сохранили некоторые подробности плавания флотилии по Вагаю. Казаки «в трудности» поднялись вверх по течению, никого не нашли там и к вечеру вернулись к устью.

Источники содержат противоречивые сведения насчет местоположения последнего лагеря казаков. В своей «Истории» С. Ремезов сообщал, будто Ермак, следуя вверх по Иртышу, «в Агитской луке чрез волок перекопь учинил и до усть Вагай реки» дошел, а на обратном пути вернулся до перекопи «на усть Вагаю»¹⁷⁸. При картографировании Иртыша С. Ремезов несколько иначе обозначил излучину реки близ устья Вагай, назвав ее «Вагайская лука». У основания луки он показал тонкую цепочку протоков, против которой пометил: «Перекопь Ермакова»¹⁷⁹. Это название известно было уже в источниках начала XVII в.¹⁸⁰ В нем запечатлелась память о последней стоянке казаков. С. Ремезов слишком буквально истолковал это название, записав, будто «перекопь» через волок учинил сам Ермак.

Сравнительно недавно Д. Н. Фялков провел аэрофотосъемку устья Вагай и обнаружил пересохшую излучину на самом Вагае. Некогда она служила главным руслом реки. По предположению Д. Н. Фялкова, имен-

но на этой исчезнувшей палучине, в основании ее, и находилась «перекопь», где располагалась стоянка Ермака¹⁸¹.

Предположение Д. Н. Фялкова плохо согласуется с картографическими и иными данными XVII в., помещавшими «перекопь Ермака» в палучину Иртыша. Тобольские казаки в начале XVII в. вспоминали, как Ермак по Иртышу «допдоша близ Вагайского устья и обпочевашее на перекопи»¹⁸². Тобольская записная книга кратко сообщала, что казаки «на Вагайской перекопи стали начевать на острове»¹⁸³. Судя по ремезовским картам конца XVII в., «вагайская перекопь» (и соответственно «остров») находилась в основании «Вагайской лужи» Иртыша.

Кучум следил за каждым шагом Ермака. Казаки и не подозревали, что им устроена засада менее чем в трех верстах от их «острова». Страшась казацких сабель, хан расположил свои отряды в укрытии за рекою, «в темном диком суземье (глухом дремучем лесу.— Р. С.) при речке крутой и топкой велми»¹⁸⁴.

Ночь с 5 на 6 августа выдалась темной и дождливой. Ранний летописец отметил, что казаки находились в состоянии крайней усталости. С. Есипов стал утверждать, будто Ермак, проявив беспечность, не позаботился окружить лагерь крепкой стражей¹⁸⁵. В «Кратком описании о земле Сибирской» и в Новом летописце та же подробность послужила основой вполне легендарного рассказа.

При Кучуме будто бы находился татарин, приговоренный к смерти. Хан послал его на разведку, пообещав прощенье. «Смертник» будто бы дважды побывал в казачьем лагере и убедился в том, что казаки спят. Только тогда Кучум решился напасть на воинов Ермака¹⁸⁶.

В действительности татары сумели внезапно напасть на русский лагерь благодаря темноте и ночной непогоде.

Те же самые обстоятельства помешали им истребить казачий отряд.

Тобольские ветераны отчетливо помнили подробности почного боя. Но текст Синодика с записью их речей подвергся редакторской правке, полностью исказившей смысл их показаний:

Начальная редакция

И подсмотриша нечестивыя, и нападоша на станы их ночью... ужаснушася от нечестивых и в бегство предложашас, а инем на ставех побитым и кровь свою пролиша: Якову, Роману, Петру 2, Михаилу, Ивану, Ивану и Ермаку¹⁸⁷.

Поздняя редакция

Погани же подсмотриша их и нападоша на станы их ночью, ...и там вси избиеши быша. И в том деле убиеным Ермаку...¹⁸⁸

Автор ранней Тобольской летописи использовал исправленный вариант Синодика. Свой рассказ он закончил словами: «...и тако ту вси избиеши быша, един токмо утече»¹⁸⁹. Синодик дает основания утверждать, что отряду Ермака удалось избежать поголовного истребления и лишь некоторые из казаков («иные») были побиты на станах. Этот вывод полностью согласуется с наиболее достоверными сведениями о численности казачьего отряда. Из 108 чел., бывших при Ермаке на Вагае, остались в живых 90.

Ко времени составления Синодика в Тобольске находились не только ермаковцы, но и татары, сражавшиеся на стороне Кучума. Летописец дает прямую ссылку на их показания при описании последнего боя на Вагае. Эти показания точнее всего переданы Строгановской летописью: «Последи же вецы (некоторые.— *Р. С.*) глаголют от язык (туземцев.— *Р. С.*) о том, яко восприяну ту храбрый ваш воин Ермак от сна своего в виде дружину свою от нас побиваемых» и пр.¹⁹⁰ В летописи С. Есипова текст подвергся правке. Ее автор исключил ссылку на рассказ иноязычных и благочестиво заменил слова «от

нас (татар.— Р. С.) побиваемых» словами «от поганных побитых»¹⁰¹. Объясняя причины гибели Ермака, С. Есипов вставил указание на его железную кольчугу, нечто отсутствовавшее в татарском предании. В позднем сочинении С. Ремезова фигурировали уже не кольчуга, а два царских панциря, якобы помешавшие Ермаку добраться до своего струга.

**Строгановская Есиповская летопись История Сибирская
летопись**

...побеже в струг и не може донти своих си, повеже. бо в дали расстоянне, и тут ввержеса в реку и утоице ¹⁰²побеже в струг свой и не може донти, повеже одоляя жели лезом, стругу же отплывшу от берега, и не дошед утоице ¹⁰³бежа в струг и не може скоčiti, бо одоляя двема царскими панциря, струг же отплы от берега, и не дошед утоице... ¹⁰⁴
---	--	--

Подробности насчет панцирей (кольчуги), по-видимому, носят легендарный характер: даже во время походов войны надевали тяжелые панцири лишь перед боем, никогда никто не спал в доспехах. Казаки подверглись внезапному ночному нападению, и у Ермака едва ли было время облачиться даже в один панцирь.

Сибирские летописцы записали татарское предание о последних минутах жизни Ермака. По легенде, победителем Ермака был будто бы могучий и храбрый Кучугай, воин Кучума. В окружении сибирского хана, по-видимому, был человек, носивший имя Кучугая или Кутугая. Он служил дворецким мурзой при хане, собирал ясак от его имени, побывал в плену у Ермака, но был отпущен¹⁰⁵. При ночном нападении на казачий лагерь Кучугай «устремился за Ермаком в струг; стругу же отплывшу от берега и плывушу по реку; они же показаша между собою брань веллю, сразишеса друг с другом». Вооруженный саблей Ермак «нача одолевати» татарина, размахивавшего коротким копьем. Но у казака развязался ремень пле-

на и обнажилось горло. Тут «Кучугай прободя (Ермака.— Р. С.) в гортань»¹⁰⁶.

Никто не мог знать в точности, как протекал скоротечный ночной бой. Уцелевшие казаки кратко и неохотно говорили о нем. Картину происшедшего можно восстановить лишь приблизительно.

Татары, напавшие на спящий лагерь, понимали, что русские окажутся в их руках, как только будут захвачены их струги. Для казаков единственная возможность избежать гибели была в том, чтобы погрузиться на суда и как можно скорее отчалить от берега. Ермак бился с врагами до последней минуты, прикрывая отступление отряда. Благодаря этому казаки избежали поголовного истребления.

Атаман Ермак Тимофеевич приобрел после смерти огромную популярность. Народ прославил его в своих песнях и сказаниях, отдав должное его мужеству, преданности товарищам, воинской доблести. Располагая небольшими силами, Ермак сумел добиться выдающегося успеха, разгромив Сибирское «царство». Три года казачья дружина не знала поражений перед лицом многочисленных неприятелей. Наседавшие со всех сторон враги, суровые морозы, голод, невыносимые лишения — ничто не могло сломить волю казаков.

В последнем ночном бою поредевший отряд понес небольшие потери, но лишился испытанного вождя. Смерть Ермака означала конец экспедиции. Добравшись до Кашлыка, казаки приняли решение о возвращении на Русь. Более 500 чел. перевалили Урал с Ермаком. Только 90 вернулись на Русь с атаманом Матвеем Мещеряком и головой Иваном Глуховым. Казаки ушли из Сибири Печорским путем, по которому проследовала в Москву станция Черкаса Александрова, а затем — отряд И. Киреева с Маметкулом. М. Мещеряк спустился вниз по Иртышу и Оби и прошел через Урал на Печору¹⁰⁷.

Покидая Сибирь, казаки не знали, что подкрепления

из Москвы уже перевалили Уральский хребет. Воевода И. Мансуров преодолел горы и стремительно приближался к покинутому Кашлыку.

Погодинская летопись сообщает, что в новой экспедиции участвовали крупные силы — «семьсот человек служилых людей разных городов, казаков и стрельцов»¹⁹⁹. Прибыв в окрестности сибирской столицы, И. Мансуров узнал, что город оставлен. По преданию, воевода не осмелился высадиться под Кашлыком на виду у многочисленного татарского войска. Памятуя о судьбе С. Болховского, он не стал задерживаться на Иртыше и предпринял попытку догнать казаков. Пока судовая рать плыла по Иртышу, наступил холода. Опасаясь, что близкие морозы могут в любой момент сковать реки льдом, И. Мансуров принял решение зазимовать на Оби. Московские власти учли опыт С. Болховского и снабдили новый отряд всем необходимым — зимней одеждой, продовольствием. Воевода использовал оставшиеся осенние недели, чтобы подготовиться к зимовке. Близ устья Иртыша ратные люди срубили Обский городок, на время ставший опорным пунктом русских в Зауралье.

Весть о гибели Ермака мгновенно распространилась по всей Сибири. Князьки в Приобье поспешили сложить присягу царю и, собрав множество воинов, осаднили И. Мансурова. В течение дня они приступали к урочищу со всех сторон, а на другой день привезли в окрестности острожка идола и устроили жертвоприношения. Метким выстрелом из пушки ратные люди разбили вдребезги дерево, под которым ханты устроили это мольбище. Нагуганые князьки разбежались²⁰⁰.

Одной из самых крупных волостей на западных притоках Оби была волость Ляпин. Ее князек Лугуй оказал поддержку воеводе. В 1586 г. он ездил в Москву и получил жалованную грамоту. Лугуй обязался платить царю дань по 280 соболей ежегодно²⁰¹.

Отправив за Урал крупные силы во главе с И. Ман-

суровым, правительство поспешило заверить иностранных дипломатов, будто покорение Сибири завершено. «А поделал государь,— заявляли царские дипломаты,— города в Сибирской земле в Старой Сибири и в Новой Сибири на Тюменском городище, и на Оби на усть Иртыше тут город те государевы люди (И. Мансуров.— *Р. С.*) поставили и сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на государя»²⁰¹. Правдой в официальных заявлениях было лишь то, что И. Мансуров основал Обский городок, с тем чтобы обеспечить себе безопасный путь к отступлению на Русь.

Вернувшись в Москву М. Мещеряку и казакам не была оказана торжественная встреча. Тем не менее, как повествуют официальные источники, царь Федор «на них не опалился»²⁰². Сведения из Сибири поступали неутешительные, и в 1586 г. Разрядный приказ снарядил против Кучума новое войско. Возглавили его воеводы В. Сукин и И. Мясной²⁰³. Ч. Александров и М. Мещеряк двинулись за Урал вместе с ними²⁰⁴. Воевода В. Сукин получил приказ закрепиться на Тагиле и Туре. Он выполнил задачу и основал над Турою, на месте древней татарской столицы Чинги-Туры, Тюменский острог²⁰⁵. Прошло около года, прежде чем воеводы проникли в сердце Сибирского «царства».

Предвосхищая события, Посольский приказ уведомил соседние государства, что Сибирь и сопредельные земли платят в царскую казну несметную дань. По заявлениям русских дипломатов, «ясаку положил (царь.— *Р. С.*) на Сибирское царство и на Конду большую и на Конду меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру реку, и на Иртыш и на Иргязское государство, и на Пегие Колмаки и на Обь Великую и на все городки на обские, на девяносто на четыре города — с году на год имать по пяти тысяч сорок соболей, по десяти тысяч черных лисиц, да по пяти сот тысяч белки большие сибирские и летцкие»²⁰⁶. Донесения Ермака из Сибири, подкрепленные привезенным Ч. Александровым ясаком, создали у пра-

вительство представлено о неисчерпаемых пушных богатствах Сибири. Поскольку казак, а после них И. Мансуров успевал обложить государевой данью лишь земли по нижнему течению Иртыша и Оби, Посольский приказ особо упоминал о 94 обских городках.

Двести тысяч соболей — столько «мягкой рухляди» царское правительство надеялось получать из-за Урала ежегодно. И в самом деле, в ближайшие годы государева казна пополнялась неслыханным количеством мехов. Европа была поражена, когда московский двор направил в качестве субсидий («вспоможенья») австрийским Габсбургам через 10 лет после гибели Ермака 40 тыс. собольих шкурок, 20 тыс. купниц, более 300 тыс. белок²⁰⁷. Пражские купцы оценили московские меха в восемь бочек золота. На русских рынках пушнина ценилась много дешевле²⁰⁸.

События в Сибири развивались своим чередом. Остановившись на Туре, воевода В. Сукин затребовал из Москвы подкреплений. В 1587 г. Разрядный приказ послал за Урал голову Данилу Чулкова со стрельцами²⁰⁹. В. Сукин решил не задерживать его в Тюмени и послал в глубь Сибири. Отряд Д. Чулкова спустился по Туре и Тоболу на Иртыш и там выстроил деревянный острог, названный Тобольском. Тобольск располагался на высоком мысу в 15 верстах от Кашлыка²¹⁰.

Кучум поспешил занять свою старую столицу, едва лишь М. Мещеряк с товарищами покинули городище. Но престарелому хану не удалось поладить со знатью. Карача вновь отказал Кучуму в поддержке и стал на сторону Сенд-хана. Опираясь на поддержку Карачи и других мурз, Сенд-хан окружил Кашлык и после приступа овладел урочищем. Несколько сыновей Кучума погибли, прочим удалось бежать²¹¹. Кучум заблаговременно покинул Кашлык. Междоусобная борьба подготовила почву для окончательного падения Сибирского ханства.

Занятый войной с Кучумом, Сенд-хан старался избе-

гать столкновений с русскими. Когда в 1587 г. воеводы появились у самых стен Кашлыка, он попытался завязать переговоры. Д. Чулков пригласил хана и его приближенных в Тобольск на пир. Приняв приглашение, татары позаботились о мерах предосторожности. Сенд-хана сопровождали 500 отборных воинов. Голова Д. Чулков располагал куда меньшими силами. Когда гости явились к воротам Тобольска, Д. Чулков согласился впустить в крепость не более 100 чел. и предложил им свять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком крайне осторожным, но, видя малочисленность русских, согласился на их условия.

За столом татары столкнулись лицом к лицу с М. Мещеряком и другими ермаковскими казаками. Едва ли можно предположить, будто Д. Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего, события развивались стихийно. Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольца и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом. Ханская свита была перебита. Однако самое трудное было впереди. Гвардия хана — 400 воинов — стояла во всеоружии подле ворот острожка²¹². В кровопролитном бою казаки разгромили противника, но заплатили дорогой ценой за победу: в бою погиб «великий атаман» М. Мещеряк, возглавлявший экспедицию после гибели Ермака²¹³. Сенд-хан был увезен в Москву и там определен на царскую службу.

Пленение Сенд-хана было последним крупным событием, в котором ермаковы казаки участвовали как организованная военная сила. В дальнейшем судьба разбросала их по разным концам Сибири. Ни одна закладка новой крепости, ни одна военная кампания не обходилась без их участия. Показательна судьба одного из самых молодых участников экспедиции Гаврилы Иванова. Вернувшись в Сибирь с отрядом воеводы В. Сукина, он «ставил» крепость Тюмень, «рубил» деревянный Тобольский город с головой Д. Чулковым, а следовательно, участвовал

в бою с гвардией Сеид-хана, ставил Пелымский и Тарский городки, громил Кучума на Оби, участвовал в пленении царевича Али и пр.²¹⁴ Заслуги ветерана первой сибирской экспедиции получили признание лишь когда он достиг старости. В 20-х гг. XVII в. его назначили атаманом конных казаков в Тюмени. К тому времени лишь немногие из соратников Ермака остались в живых.

Казак Ч. Александров вернулся в Сибирь с воеводой В. Сушкиным в чине головы. Он командовал сотней служилых татар в Тобольске²¹⁵. Сподвижник Ермака прослужил в Сибири более 50 лет. Приказные грамоты 1638 г. упоминали о его поездке в Москву и даче показаний в приказе Казанского дворца. Документы называли его «тобольского города атаман Иван Александров»²¹⁶.

Участник экспедиции Ермака казак Гриша Ясырь отличился при походе на татар-«малогородцев» в 1595 г. Он продолжал служить в 1601 г.²¹⁷ Гаврила Ильин стал атаманом у тобольских «старых казаков», Алексей Галкин — атаманом в Березове²¹⁸.

Накануне похода Ермака Строгановы владели землями в нижнем течении Чусовой, на Сылве, Обви, Косве и Яйве²¹⁹. Как только ермаковцы заняли Сибирское ханство, С. Строганов и двое его племянников вновь почувствовали себя хозяевами в Приуралье. Они разослали своих людей ко всем «ипородцам» на Каме, Чусовой, Усве, Сылве, Яйве, Обви, Инве, Косве и других реках, приводя их к перти. Строгановы, как повествует их летописец, «ясашнаго ради збору по рекам в татарские и в вогульские улусы людей своих (начали.— Р. С.) посылати и ясак с них бусормен собирати и к Москве с людьми своими в Ноугородскую четь посылати»²²⁰. Как видно, предприимчивые промышленники пытались собирать ясак не только с приуральских манси, но и с сибирских татар. Они не прочь были повторить камский опыт в Сибири. В самом деле, на руках у них была царская грамота, предоставлявшая им право основывать городки и поселения по Тоболу

«и кои в Тобол-реку озера падут и до вершин»²²¹. Солепромышленники получили от Ивана IV льготу на будущие сибирские владения, причем срок их льготы истекал лишь в 1594 г. Права Строгановых подкреплял также и тот факт, что они понесли расходы в связи со снаряжением экспедиции Ермака.

Однако со смертью Ивана IV положение в Москве переменилось. С политического горизонта исчезли Богдан Бельский и другие опричники, покровительствовавшие Строгановым. Притязания солепромышленников на сибирские земли вызывали раздражение в Москве. Новые власти воспретили Строгановым собирать ясак в казну и распорядились проводить «ясашные сборы» по городам «от воевод, где те языцы живяху в разных местах»²²².

Исследователей давно ставило в тупик известие Строгановской летописи о том, что царь после «сибирского взятия» оказал милость Строгановым — «за их службу и раденье пожаловал города Солью Большою, еже есть на Волге, и Солью Малою»²²³. Поскольку никаких следов передачи названных городков в руки пермских солепромышленников не удалось разыскать, возникло предположение, что грамот, упомянутых в летописи, просто не существовало²²⁴. Авторы подобного предположения не объяснили мотивов подлога, что в определенной мере лишило их гипотезу доказательной силы. Можно полагать, что налицо более тонкая фальсификация. Строгановский летописец описал выдачу грамоты в следующих выражениях: «Государь царь... грамоту свою царскую па те места Семену Строганову пожаловал за красною печатью за приписью дьяка Андрея Шелкалова, по чему ему теми городами владети»²²⁵. Вполне допустимо, что придворный историограф в самом деле держал в руках царскую грамоту и точно описал подпись и красную печать, висевшую на ней. Но есть основания предполагать, что «пожалование» Строгановым было связано не с награждением, а с опалой.

Неслыханное земельное обогащение Строгановых давно вызывало недовольство столичной знати. Не только дворянские, но и боярские вотчины далеко уступали тем землям, которыми фактически владели солепромышленники. Своими богатствами Строгановы могли поспорить с главой Думы удельным князем Ф. Мстиславским. Им принадлежало несколько городков и острогов на Каме и Чусовой и десятки деревень.

Пока жив был Грозный, бояре ничего не могли поделать. Когда он умер, земское правительство упразднило прежние порядки и лишило всех бывших опричников чинов, выслуженных в опричнине, высоких окладов и т. д. Власть припомнила Строгановым и их опричную службу и земельные пожалования, полученные из опричнины.

Английский посол Д. Флетчер, будучи в Москве в 1588—1589 гг., собрал довольно точную информацию насчет строгановских имуществ. «Зависть и негодование на богатство, несогласное с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, — писал Д. Флетчер, — побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20 000 рублей вдруг, иногда более, пока наконец, в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну»²²⁹.

Отбирая имущество и капиталы у Строгановых, власти, возможно, пытались отчасти компенсировать им потери. Не по этой ли причине Семен Строганов получил жалованную грамоту на Соль Большую и Соль Малую? Эти городки издавна составляли владения царской семьи. По завещанию, составленному в годы опричнины, Иван IV распорядился передать их в удел сыну Федору²³⁰. В этих небольших заволжских городках, располагавшихся подле Нерехты, издавна добывали соль. Со временем соляные залежи тут истощились, и городки утратили былую хозяйственную ценность.

Семен Строганов не успел использовать пожалованные ему земли. В Соли Вычегодской он распоряжался и самоуправствовал не меньше, чем в Перми, занимался ростовщичеством, скупал и брал в заклад варницы, амбары, кузницы, землю, кабалил городскую бедноту. Насилия вызвали протест среди жителей Соли Вычегодской. Они восстали и в ночь на 22 октября 1586 г. убили Семена Аникеевича Строганова²²⁰.

Власти решили использовать смерть главы торгового дома, чтобы окончательно наложить руку на имущество семьи²²⁰. Д. Флетчер упоминал об опале на Строгановых в связи с сибирскими делами: «...царь Федор был доволен их (строгановской.— Р. С.) податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири... тут он насильно отнял у них все»²²¹. Факт конфискации у Строгановых их «столицы» городка Орла со всей камской вотчиной имеет документальное подтверждение.

До сих пор в литературе не было обращено внимания на любопытное совпадение. В 1588—1589 гг. Д. Флетчер записал сведения о лишении Строгановых их имущества. В те же самые годы Разрядный приказ составил «боярский список», содержащий важные сведения о сибирских воеводах. С осени 1588 г. и до осени 1589 г. дьяки регулярно вносили в текст списка пометы о служебных перемещениях воевод²²¹. В итоге против имени В. Сукнина появилась помета: «У пристава. В опале». Помощник тюменского воеводы В. Сукнина И. Мясной попал под стражу (помета «У пристава»), основатель Тобольска Д. Чулков тоже попал под арест (помета «В тюрьме»)²²². Сибирские воеводы В. Сукнин и его товарищи добились крупных военных успехов в Сибири: основали крепости, заняли Кашлык, пленили Сеид-хана. Почему же их заключили в тюрьму, невзирая на заслуги? Не следует ли связать гонения на сибирских воевод с опалой на Строгановых?

Дело, возбужденное против воевод, не имело серьез-

ных последствий. Младшие воеводы вскоре заслужили прощение и были назначены в шведский поход. Дьяки включили в списки участников похода и В. Сукина, но более высокие инстанции распорядились вычеркнуть его имя из списков²³⁹. Как видно, тюменский воевода провнился больше, чем его помощники.

Опала покончила с попытками Строгановых утвердить свое влияние на новых землях. Их люди прекратили собирать ясак по всему Приуралью. Однако казна не могла длительное время обходиться без строгановских услуг. Потому после непродолжительного времени Годунов и бояре объявили об их прощении. В 1590—1591 гг. царь Федор «пожаловал» «Никиту Григорьева сына Строганова, велел ему вотчиною его, городком Орлом, слободою и с варницами и с деревнями и с починками и со всеми к ним угодьи владеть по прежнему...»²⁴⁰.

В последующие годы Строгановы предприняли энергичные попытки вернуть себе расположение царя Федора и правителя Бориса Годунова. По словам голландского купца И. Массы, они поднесли Годунову подарки и изложили проект полного подчинения самоедских племен к востоку от Оби. снаряженные ими люди проникли на 200 миль за Обь и будто бы добились успеха: «многих людей с восточной стороны Оби склонили они к своему намерению, так что они добровольно подчинились русскому царю, позволили обложить себя данью»²⁴¹. Борис Годунов оценил старания Строгановых. Как отметил И. Массе, «после того, как дела эти приняли такой оборот..., Аниковичи еще больше возвысились, и получили большие привилегии и власть над многими местностями, которые были присоединены к их земле»²⁴². Известие И. Массы подтверждается фактами. Благодаря покровительству Годунова Никита Строганов 7 апреля 1597 г. получил новое пожалование — более полумиллиона десятин земли на Каме²⁴³.

С присоединением Сибири власти приступили к поис-

кам надежных путей в Зауралье. Дорога с Чусовой на Тагил была труднопроходимой. Более удобным оказался Лозьвинский путь с Вишеры за Камень. В 1590 г. воеводы выстроили острожек на р. Лозьве. Спустя три года воеводы Н. Траханиотов и П. Горчаков возглавили поход против Пелымского княжества. Им наказано было «приманить» местного князька Аблеприма и пять-шесть «лучших» людей, повинных в учинении «смуты», и повесить их, а «черных людей всех обласкать и обнадежить, чтобы жили по своим юртам, платили ясак и приходили в город, ничего не опасаясь»²³⁸. Неизвестно, удалось ли царским воеводам захватить пелымского князька в плен. Его имя не упоминалось более в документах.

Московские власти предписали воеводам основать городок в волости Табары па Тавде, где у манси была небольшая пашня. Однако П. Горчаков и Н. Траханиотов основали крепость близ устья Пельма. Во втором пелымском походе участвовали и ветераны из отряда Ермака²³⁹.

Из Каргополя, Перми и Вятки в окрестности Пельма прибыли первые русские крестьяне-переселенцы. Их поселили отдельной слободой и выделили землю под пашню. Гарнизонные стрельцы также получили разрешение заводить пашню.

Из Пельма Н. Траханиотов с ратными людьми ушел на стругах в Тобольск, а оттуда — на Обь. Он выстроил городок Березов на р. Сосьве близ ее впадения в Обь, там где пролегал древний путь из Югры в Печорский край.

В 1594 г. русские отряды прошли вверх по Оби до р. Сургутки, где располагалось хантское княжество. Местный князек Бирдан, с трудом оборонявшийся против соседей — так называемой Пегой Орды, добровольно принял русское подданство и помог воеводам выстроить на Оби городок Сургут. Старый Обский городок, основанный И. Мансуровым, был сломан и сожжен, а его гарнизон переведен в Сургут²⁴⁰.

Выстроив сеть укреплений на севере, русские двинулись на южные окраины Сибирского ханства, куда Кучум перенес свои кочевья после изгнания из Кашдыка. В 1594 г. А. Елецкий с полуторатысячным экспедиционным корпусом выступил вверх по Иртышу. В дни своего последнего похода Ермак достиг крайних пределов Сибирского ханства на Шиш-реке²⁴¹. А. Елецкий прошел дальше и приступил к сооружению крепости на Иртыше близ впадения в него Тары. В походе на Тару участвовал атаман Ч. Александров, возглавлявший сотню служилых татар из Тобольска²⁴². Оставленный в Тарском городке гарнизон насчитывал более 300 ратников и казаков.

Московские власти принимали энергичные меры к тому, чтобы восстановить традиционные торговые связи Западной Сибири со Средней Азией. В 1595 и 1596 гг. правительство неоднократно посылало воеводам указы с предписанием без задержки пропускать бухарских и ногайских купцов в Тобольск и Тюмень, «береженье к ним и ласку держати велцкую» и предоставить им беспоплащенный торг²⁴³.

В 1593—1594 гг. Кучум обратился в Москву с грамотой. Он просил царя пожаловать его, отдать сибирский юрт «под царскую высокую рукою», а также ходатайствовал об отпуске к нему из плена Маметкула²⁴⁴. В Москве не придали значения мпролюбивым ваявлениям Кучума. Его вероломство было хорошо известно. Маметкул справедливо считался лучшим военачальником Сибирского «царства», и если Кучум пытался его вызволить, то не потому ли, что замышлял новую войну? В самом деле, в 1595—1596 гг. Кучум не раз обращался к правителю Бухары Абдуллах-хану с настойчивой просьбой о военной помощи. Бухарский правитель был поглощен борьбой за Хорезм и отказал ему. Будучи вытеснен со своих кочевий, Кучум силой завладел ногайским улусом Авляя Мирзипа. Это вызвало раздражение в Бухаре. Абдуллах потребовал, чтобы Кучум немедленно вернул землю Авляю,

учинил его «меньшим братом» для совместной войны с русскими²⁴⁵.

В 1596 г. тарский воевода князь Ф. Елецкий с отрядом в 467 чел. настиг Кучума в городке Тупус и разбил его. Кучум спасся бегством²⁴⁶.

По мере того, как владения Кучума сокращались, росли раздоры среди его знати. В Москву поступали вести о том, что Кучума покинула могущественная знать, принадлежавшая к роду Тайбуги. Московские дьяки упомянули об этом в одной из грамот на имя Кучума: «Которые погайские улусы, тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которых людей была тебе большая надежда»²⁴⁷.

Некоторые знатные мурзы, не желая лишиться своих улусов, поступали на царскую службу. В числе их были Чин-мурза Исупов, а также мать царевича Маметкула.

Зная о трудном положении Кучума, Борис Годунов предпринял попытку привлечь его самого на русскую службу и таким путем закончить войну. По царскому приказу находившийся в Москве в плену сын Кучума Абдул-Хаир написал грамоту отцу, предлагая ему «покрыть свои вины» и отдаться под покровительство царя. Абдул-Хаир советовал Кучуму доказать свою добрую волю, прислав в Москву одного из своих сыновей²⁴⁸.

Не получив ответа, московские власти в 1597 г. предприняли новый демарш. Абдул-Хаир, на этот раз вместе с Маметкулом, направил новое письмо Кучуму, где сообщалось, что они несут в Москве службу и получили в удел города и волости. От имени царя Федора Маметкул и Абдул-Хаир предлагали Кучуму две возможности: либо он придет в Москву и получит щедрые земельные владения — города и волости, либо царь вновь «учинит» его на Сибирском «царстве» под своей высокой рукой. В Москве была составлена от имени царя Федора «опасная» грамота Кучуму, гарантировавшая ему безопасный проезд и

царскую милость. Путь в Сибирь был далек, и московские грамоты, как видно, не попали в руки Кучума.

Кучум избегал мирных переговоров с Москвой, но по различным частным поводам спосился с ближайшим к нему тарским воеводой. Свое последнее письмо к нему он адресовал так: «От вольного человека от царя боярам поклон!» Хан желал узнать у воевод, нет ли указа насчет него от царя из Москвы. Он явно ничего не знал о царской «опасной» грамоте и добивался некоторых практических уступок. «Прошу у великого князя у белого царя,— писал он,— Иртышского берегу, да и у вас у воевод, быю челом, того ж прошу». Помимо пастбищ хана беспокоил вопрос о вещах, которые попали к воеводам вместе с имуществом перехваченного ими каравана из Бухары. Кучум просил вернуть ему три вещи, включая снадобья для лечения глаз²¹⁰. В заключении Кучум выражал в самых общих и неопределенных выражениях надежду на возможность примирения с русскими. «А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмь встречю стояти,— сокрушенно признавал Кучум,— а Сибирь не яз отдал, сами естя взяли; и пыне попытаем миритца, либо будет на конце лутче»²¹⁰.

Кучум отклонил предложение царя о присылке сына в Москву и проведении мирных переговоров. Еще в 1597 г. хан восстановил свою власть в татарских волостях (Терея, Любар и др.), плативших до того ясак в царскую казну. Русские власти в Таре получили сведения о том, что Кучум готовит нападение на этот город²¹¹. В такой обстановке помощник тарского воеводы А. Воейков в августе 1598 г. отправился в Барабинские степи, чтобы отыскать и разгромить Кучума. При А. Воейкове находились голова Ч. Александров, ратные люди, казаки, служилые татары, всего 400 чел. Ч. Александров возглавил поиск в двух «волостях», только что «отведенных» от царя Кучумом. Захваченные им «языки» показали, что хан копит на Черных водах и при нем находятся «в собранье»

500 татар да еще 50 бухарских торговых людей²⁵³. Захваченные кучумовы люди подтвердили, что Кучум откочевал на Обь и собирает отовсюду людей, чтобы идти войной под Тарский городок. Вести встревожили воеводу. В двух днях пути от кочевий Кучума было замечено сосредоточение воинов-калмыков — 5 тыс. чел. Намерения их оставались неизвестными.

А. Воейков решил не терять времени. Ратные люди шли днем и ночью. Наконец, на рассвете 20 августа они приблизились к ставке Кучума. Побойще началось на заре и закончилось в полдень. Несмотря на то, что при Кучуме было более 500 воинов, тогда как у А. Воейкова лишь 400, татары потерпели сокрушительное поражение. В бою погибли брат и двое внуков Кучума, шесть князей, 15 музр и «аталыков», 150 чел. ханской гвардии. Еще около 150 татар погибли при отступлении. В плен к русским попали пять младших сыновей Кучума, восемь дарниц из его гарема, пять высших саповников и 50 отборных воинов²⁵⁴.

Кучума не было ни среди убитых, ни среди пленных. Одни говорили, что хан «в Оби реке утону», другие — будто «Кучум в судне утек за Обь реку»²⁵⁴. Действительно, хан в разгар боя бежал в небольшой лодке «сам третий». А. Воейков пытался постигнуть беглецов, для чего наскоро соорудил плоты. «Плавал я,— писал воевода в Москву,— на плотах по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел».

Кучум ускользнул от погоны. Вслед за тем к нему «прибежали» трое старших сыновей и около 30 воинов. С ними он вернулся на место битвы и в течение двух дней хоронил убитых, а потом послал гонца к своему вассалу музрае Кожбахтыю в соседнюю волость, прося лошадей и платье «на чем бы ему мочно поднятца». Музра прислал ему коня и шубу, а затем сам прибыл к Оби и предложил Кучуму свидетелься. Хан не стал дожидаться музру и ночью бежал прочь.

С наступлением осени 1598 г. тарские воеводы вновь предложили Кучуму поступить на государеву службу, обещая, вернуть жен и детей и пожаловать «царским жалованьем». При Кучумо не осталось ни одного писца, и он передал ответ воеводам на словах: «...не поехал, ден, я к государю по государеве грамоте, своею волею, в кою ден пору я был совсем цел, а за саблю ден мне к государю ехать не по что, а нынеча ден я стал глух, в слеп, и безо всякого живота».

Старшие сыновья давно отделились от отца, и он более всего горевал о пленении своего «промышленника» (кормильца) — 30-летнего царевича Асманака: «Хотя бы ден у меня всех сыновей понимали, а один бы ден у меня остался Асманак, и яз бы ден об нем ещо прожил, а нынеча ден я иду в Наган, а сына ден своего посылаю в Бухары»²³⁸. Кучум предполагал послать в Бухару сына Каная, мать которого доживала век в одном из бухарских городов. Но царевич так и не уехал в Бухару. В 1601 г. он жаловался на интриги бухарцев: «...отца де их Кучюма, заманив в колмаки (бухарцы.— *Р. С.*) оманом убили», а кроме того, «у них в Бухарех многих нагайских мурз, заманив оманом, побвкли»²³⁹.

С гибелью Кучума Сибирское ханство окончательно прекратило существование.

Вольные русские колонисты явились пионерами в освоении новых земель. Опережая правительство, они обжили «дикое поле» в Нижнем Поволжье, на Тереке, Яике и Дону. Поход Ермака в Сибирь был прямым продолжением этого народного движения. То, что первыми русскими поселенцами здесь стали вольные люди, оказало большое влияние на исторические судьбы Сибири. Преобладание народной колонизации привело к тому, что феодально-

дворянское землевладение и крепостное право никогда не утвердились на сибирской окраине.

Казачи Ермака сделали первый шаг. Следом за ними на Восток двинулись крестьяне, промышленники-звероловы, служилые люди. В борьбе с суровой природой они отвоевывали у тайги землю, основывали поселения и закладывали очаги земледельческой культуры.

Царизм нес угнетение коренному населению Сибири. Его гнет испытывали на себе в равной мере и русские переселенцы. Сближение трудового русского народа и местных племен благоприятствовало развитию производства, преодолению вековой разобщенности сибирских народностей, воплощая в себе будущее Сибири.

Новый XVII век стал истинно веком великих географических открытий русских на Востоке. С основанием Мангазеи в Обской губе возникло «мангазейское мореплавание» по Ледовитому океану между Архангельском и Обью. Казаки-землепроходцы освоили пути с Енисея в устье Лены и далее — на Индигирку и Колыму. Следуя из Якутска на восток, они вышли к Охотскому морю. Отряд Семена Дежнева открыл в 1648 г. пролив, отделявший Азию от Америки. Началось освоение русскими побережья Тихого океана.

- АИ** — Акты исторические, собранные и изданные
 Археографической комиссией
БАН — Библиотека Академии наук СССР
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГПБ — государственная публичная библиотека име-
 ня М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
МОИДР — Московское общество истории и древностей
 российских
ОР — Отдел рукописей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Русское историческое общество
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров,
 хранящихся в Государственной коллегии ино-
 странных дел
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Ин-
 ститута русской литературы АН СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних
 актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей рос-
 сийских при Московском университете

ВВЕДЕНИЕ

¹ Ремезов С. История Сибирская.— Сибирские летописи. Сиб., 1907, с. 312—366.

² Андреев А. И. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири.— Сов. этнография, 1936, № 6, с. 93—103; Он же. Труды В. Н. Татищева по географии России.— В кн.: Татищев В. П. Избранные труды по географии России. М., 1950, с. 3—35; Мирзоев В. Г. Историография Сибири. М., 1970, с. 50—66.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937.

⁴ Подробнее об исторических приемах Г. Ф. Миллера см.: Огородников В. П. Очерк истории Сибири до начала XIX в., ч. 1. Иркутск, 1920, с. 48—58; Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири.— В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 3—57; Мирзоев В. Г. Историография Сибири, с. 84—87.

⁵ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири, с. 43.

⁶ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 61.

⁷ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1952, с. 448.

⁸ Мирзоев В. Г. Историография Сибири, с. 111.

⁹ Радщев А. Н. Полное собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1941, с. 151.

¹⁰ Карамзин П. М. История государства Российского, т. 9. Сиб., 1821, с. 371.

¹¹ Словоцков П. А. Историческое обозрение Сибири. Книга первая с 1585 по 1742 г. Сиб., 1886; Щеглов П. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1832 гг. Иркутск, 1884; Андрианов В. К. Исторический очерк Сибири, ч. 1. Сиб., 1889.

¹² Соловьев С. М. История России, кн. 3. М., 1960, с. 693; кн. 4. М., 1960, с. 390, 391.

¹³ Там же, кн. 3, с. 690, 691.

¹⁴ Герцен А. П. Полное собрание сочинений, т. 9. Пг., 1910, с. 458.

¹⁵ Ключевский В. О. Неопубликованный курс лекций (см.: Печкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 381).

¹⁶ Окладников А. П., Копылов А. Н. С. В. Бахрушны как историк Сибири.— В кн.: Бахрушские чтения, 1966. Вып. 1. Новосибирск, 1968, с. 7.

¹⁷ Бахрушны С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 145.

¹⁸ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов XVII—XVIII вв. Л., 1937.

¹⁹ Шушков В. П. Вопросы аграрной истории России. М., 1974, с. 225, 231.

²⁰ Шушков В. П. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начало XVIII в. М.—Л., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1955.

²¹ Введенский А. А. Торговый дом в XVI—XVII вв. Л., 1924; Он же. Дом Строгановых в XV—XVII вв. М., 1962.

²² Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв., с. 4.

²³ Андреев А. П. Очерки по источникам ведения Сибири, вып. 1. М.—Л., 1960, с. 216.

²⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972, с. 53, 54.

²⁵ Там же, с. 55.

²⁶ Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

²⁷ Бояршинова З. Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству.— Тр. Томск. гос. ун-та, 1957, т. 136, с. 147—156.

²⁸ Дулов В. И. Когда началось присоединение Сибири к России?— Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1964, № 5. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 112—116.

²⁹ Шушков В. П. Вопросы аграрной истории России, с. 225.

³⁰ Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960, с. 68.

³¹ Шушков В. И. Вопросы аграрной истории России, с. 212, 213.

³² Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979, с. 163—165.

³³ См. с. 81.

³⁴ Шляков П. В. Ермак Тимофеевич летом 1581 г.— ЖМНП, 1901, июль, с. 41.

³⁵ Краевский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный.— Вopr. истории, 1947, № 3, с. 95, 96.

³⁶ Там же, с. 94, 95, 97.

³⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь..., с. 32, 33, 36, 37.

³⁸ Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ерма-

ка.— *Вопр. истории*, 1959, № 1, с. 23—127; Он же. *Источники в пути исследования сибирского похода волжских казаков.*— В кн.: *Актуальные проблемы истории СССР*. М., 1976, с. 38.

³⁰ Сергеев В. И. *Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов.*— В кн.: *Новое о прошлом нашей страны*. М., 1967, с. 179.

⁴⁰ Там же, с. 174—179.

⁴¹ Преображенский А. А. *Урал и Западная Сибирь...*, с. 40; Скрынников Р. Г. *Подготовка и начало сибирской экспедиции Ермака.*— *Вопр. истории*, 1979, № 8.

ГЛАВА I

¹ Миллер Г. Ф. *История Сибири*, т. 1. М.—Л., 1937, прил., с. 341—342.

² Преображенский А. А. *Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVII в.* М., 1972, с. 36; Сергеев В. И. *Источники в пути исследования сибирского похода волжских казаков.*— В кн.: *Актуальные проблемы истории СССР*. М., 1976, с. 28—32.

³ Бахрушин С. В. *Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе.*— *Научные труды*, т. 3, ч. 1. М., 1955; Ливкачев Д. С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.—Л., 1947; Андреев А. И. *Очерки по источниковедению Сибири*, вып. 1. М.—Л., 1960.

⁴ Дворецкий Н. А. *Археографический обзор списков повестей о походе Ермака.*— *ГОДРЛ*, М.—Л., 1957, т. 13, с. 467—482; Дергачева-Скоп Е. И. *Из истории литературы Урала и Сибири XVII в.* Свердловск, 1965; Сергеев В. И. *У истоков сибирского летописания.*— *Вопр. истории*, 1970, № 12, с. 45—60; Ромодановская Е. К. *Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы)*. Новосибирск, 1973.

⁶ Андреев А. И. *Очерки по источниковедению Сибири*, вып. 1, с. 211; Дворецкий П. А. *Археографический обзор...*, с. 478, 479.

⁸ БАН, ОР, 32.8.8.

⁷ *Сибирские летописи*. Сиб., 1907, с. 307, 308.

⁸ БАН, ОР, 32.8.8, л. 170.

⁹ ПСРЛ, т. 14. М., 1965, с. 33.

¹⁰ БАН, ОР, 32.8.8, л. 171.

¹¹ ПСРЛ, т. 14, с. 34.

¹² БАН, ОР, 32.8.8, л. 170, 171.

¹³ ПСРЛ, т. 14, с. 33.

¹⁴ *Время пребывания Кизриана в Сибири наиболее точно оп-*

ределяется Тобольской записной книгой (Книга записная, Томск, 1973, с. 18).

¹³ Книга записная, с. 18—21.

¹⁴ Буцаевский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый архиепископ Киприан.— Вера и разум, 1890, вып. 21, с. 639—641.

¹⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, ст. 3, стб. 6112/68, л. 74, 88.

¹⁸ Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историография. М., 1976, с. 379.

¹⁸ Там же.

²⁰ Запись о составлении Синодика помимо летописи С. Есипова приведена также в «Описании о поставлении града Тобольска». См.: БАН, ОР, 32.8.8, л. 174 об.

²¹ Там же.

²² ГИМ, ОР, Собр. Уварова, № 931 (370/540).

²³ Ромодановская Е. Н. Синодик ермаковым казакам. (Предварительное сообщение). — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1970, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 14—16 (далее при ссылке на публикацию Е. К. Ромодановской Синодика дается Синодик ермаковым казакам). Текст Синодика пополнялся до времени царя Алексея Михайловича. Имя Федора Алексеевича приписано другим почерком.— ГИМ, ОР, Собр. Уварова, № 931 (370/540), л. 87.

²⁴ Синодик ермаковым казакам, с. 20.

²⁵ Там же, с. 20.

²⁶ Сибирские летописи, с. 166.

²⁷ БАН, ОР, 32.8.8, л. 170.

²⁸ Сибирские летописи, с. 168.

²⁹ Там же, с. 38, 148.

³⁰ БАН, ОР, 32.8.8, л. 171.

³¹ ГПБ, ОР, Эрмитажное собр. F IV, № 327, л. 83.

³² Синодик ермаковым казакам, с. 20, 21.

³³ ГПБ, ОР, Эрмитажное собр., F IV, № 327, л. 83.

³⁴ Там же; см. также: Синодик ермаковым казакам, с. 19.

³⁵ На похоронах Нектария его гроб «проводил за город сам государь царь и со всеми властями» (см.; Книга записная, с. 28).

³⁶ Сибирские летописи, с. 353, 354.

³⁷ Там же, с. 169, 170.

³⁸ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 22—30.

³⁹ Сибирские летописи, с. 23, 24.

⁴⁰ Там же, с. 129, 130.

⁴¹ Там же.

⁴² ПСРЛ, т. 22, ч. 1. Спб., 1911, с. 365, 366. Отмеченные текстовые заимствования были впервые выявлены в исследовании

Е. К. Ромодановской. См.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половиной XVII в., с. 114, 115.

⁴³ Сибирские летописи, с. 24.

⁴⁴ РИБ, т. 13, с. 678, 645, 667.

⁴⁵ Синодальным указом, с. 20.

⁴⁶ БАН, ОР, 32.8.8, с. 171.

⁴⁷ Сибирские летописи, с. 37, 38.

⁴⁸ Там же, с. 147.

⁴⁹ Платонов С. Ф. Старые сомнения.— В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 175—178; Ставровиц А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 285—293.

⁵⁰ Сибирские летописи, с. 20, 27, 37.

⁵¹ РИБ, т. 13, с. 670, 677, 678, 701, 702.

⁵² Сибирские летописи, с. 32.

⁵³ РИБ, т. 13, с. 666, 673.

⁵⁴ Платонов С. Ф. Старые сомнения, с. 174.

⁵⁵ Повесть 1628 г. состоит из двух частей, тесно связанных между собой единым сюжетом. В первой части автор излагает события, происшедшие со времени «воцарения» Ивана IV до вступления на престол Михаила Романова. Во второй части набросаны литературные портреты всех царей, деяния которых описаны в первой. И первая, и вторая части завершаются сходными по слогу виршами.

⁵⁶ Сибирские летописи, с. 46.

⁵⁷ РИБ, т. XIII, с. 707, 711.

⁵⁸ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания в повести о Смутном времени как исторический источник. Спб., 1888, с. 257—262.

⁵⁹ Там же, с. 205, 217. А. С. Орлов доказал, что большое влияние на Повесть оказал риторический и лексический материал, который дает Троицкая история Гвидо де Колумно. (Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троицкая история Гвидо де Колумно.— В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 75.) Наблюдения А. С. Орлова не поколебали общих текстологических выводов С. Ф. Платонова.

⁶⁰ Платонов С. Ф. Старые сомнения, с. 180.

⁶¹ Поцов А. Н. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 231.

⁶² Ставровиц А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись, с. 285—289.

⁶³ Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор Повести о Смуте.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975, с. 76.

⁶⁴ В самое последнее время В. К. Зборовым напечатан новый список Повести (ГИБ, Собр. Спб. Духовной академии, № 305), анализ

которого позволил ему предположить, что «основная часть повести была создана до того, когда в Катырев-Ростовский и С. Шаховской обратили на нее внимание и создали свои редакции этого памятника» (Зиморов В. К. Об авторе так называемой повести Катырева-Ростовского.— В кн.: Источниковедение Древней Руси. Л., 1960, с. 250).

⁶³ Буслаем Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 1048—1050.

⁶⁴ Шаховской С. И. Домашние записки.— Московский вестник, 1830, ч. 5, с. 69, 70.

⁶⁵ Книга записная, с. 25.

⁶⁶ В 1646 г. С. Шаховской служил в Устюге, но на масленицу 1647 г. его отставили от службы и направили в Соль Вычегодскую. Царь Алексей Михайлович намеревался заслать С. Шаховского на Лепу, однако прибывший гонец в феврале 1648 г. объявил, что государь велел его «от ленские службы отставить». Лишь к концу 1648 г. С. Шаховского отпустили из Соли Вычегодской в его вотчину в Галиче (Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е, т. 9. М., 1789, с. 280, 281, Шаховской С. И. Домашние записки, с. 69, 70).

⁶⁷ Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 8, 9.

⁷⁰ Сохранилась переписка, которую С. Шаховской вел, будучи в Соли Вычегодской в 1647—1648 гг., с известным тобольским дьяком и литератором Т. Васильевым. В этой переписке нет, однако, и намека на то, что писатель в то время интересовался историей Сибири либо хлопотал о получении летописей из Тобольска и т. д. (Переписка Шаховского и Васильева.— Временник МОИДР, М., 1851, кн. 9, отд. 3). Т. Васильев обладал хорошим образованием и склонностью к литературному труду. Его перу принадлежали многочисленные послания (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 86).

⁷¹ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.—Л., 1960, с. 216.

⁷² Введенский А. А. Дом Строгановых, с. 67, 68.

⁷³ Там же, с. 68.

⁷⁴ Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания, с. 53.

⁷⁵ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 30.

⁷⁶ Согласно городским летописям Сибири, Киприан приказал составить Синодик «на второе лето престольства своего», т. е. в 1622 г. (Тыжнов П. И. Заметки о городских летописях Сибири, Спб., 1898, с. 36).

⁷⁷ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 23.

⁷⁸ Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири..., с. 45.

⁷⁹ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 26, 27.

⁸⁰ Сибирские летописи, с. 1.

⁸¹ Получив из Москвы разрешение на поминовение Ермака,

С. Есипов заменил заголовок летописи следующим образом: «О Сибирской стране, како взволением божиим взята бысть от русского полка, собраного и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым...» (см.: Сибирские летописи, с. 105).

⁸² Миросов В. Г. Присоединение и освоение Сибири..., с. 116.

⁸³ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 29.

⁸⁴ Андреев А. П. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, с. 216.

⁸⁵ Сибирские летописи, с. 29.

⁸⁶ См. с. 45.

⁸⁷ Сибирские летописи, с. 170.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, с. 136, 138, 144.

⁹⁰ Сб. РИО, ч. 2. Сиб., 1875, с. 967.

⁹¹ Сибирские летописи, с. 153.

⁹² Там же, с. 42.

⁹³ Там же, с. 155.

⁹⁴ Там же, с. 155—157.

⁹⁵ Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания, с. 52.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Дворецкая П. А. Археографический обзор..., с. 478.

⁹⁹ Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири, с. 128.

¹⁰⁰ Ромодановская Е. К. Русская литература..., с. 49, 50.

¹⁰¹ Ромодановская Е. К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания).— В кн.: Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980, с. 58.

¹⁰² Сергеев В. И. Источники и пути исследования..., с. 43, 44.

¹⁰³ Сибирские летописи, с. 272.

¹⁰⁴ Там же, с. 274.

¹⁰⁵ Там же, с. 283. Воевода князь Семен назван в Погодинской летописи не Болховским, а Волконским. Эта ошибка объясняется тем, что в распоряжении ее составителя оказался поздний, несправный список Есиповской летописи.

¹⁰⁶ Там же, с. 339.

¹⁰⁷ Мидлер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 343.

¹⁰⁸ Сибирские летописи, с. 295.

¹⁰⁹ Там же, с. 281.

¹¹⁰ Там же, с. 138, 283.

¹¹¹ Там же, с. 291.

¹¹² Там же, с. 283.

¹¹³ Там же, с. 284.

¹¹⁴ Там же, с. 283, 284, 288.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазуринна, № 272, л. 23.

¹¹⁰ Сибирские летописи, с. 271, 272, 276.

¹¹¹ Там же, с. 275.

¹¹² Там же, с. 288. С. Есипов включил в свою повесть фразу: «Ермак... одетя бе железом», которая в Строгановской летописи, а следовательно, и в протографе двух названных летописей, отсутствовала (там же, с. 38, 148).

¹¹³ Ромодановская Е. К. Погодинский летописец..., с. 57.

¹²⁰ Сергеев В. И. Источники в пути исследования..., с. 43. В виде отдельного документа Шертная грамота сохранилась в списке XVIII в. (ЦГАДА, ф. 197. Портфели А. Ф. Малиновского, портфель 3, № 95, л. 1). Текст Шертной грамоты был опубликован в сборнике «Наш край». Тюмень, 1966. Вторично публикация грамоты была осуществлена В. И. Сергеевым, впервые отметившим такой важный факт, как сходство названного документа с летописным текстом. (В сб.: Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976).

¹²¹ Ромодановская Е. К. Погодинский летописец..., с. 42.

¹²² Сб. РИО, т. 129. Спб., 1912. с. 414, 415.

¹²³ Сибирские летописи, с. 282.

¹²⁴ Актуальные проблемы истории СССР, с. 52.

¹²⁵ Сибирские летописи, с. 136.

¹²⁶ Там же, с. 138, 139.

¹²⁷ Там же, с. 29, 30.

¹²⁸ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири; Дергачева-Смоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; Гольдштейн Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965.

¹²⁹ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 34.

¹³⁰ Там же, с. 34, 35.

¹³¹ Сибирские летописи, с. 325.

¹³² Там же, с. 339.

¹³³ Там же, с. 313, 314.

¹³⁴ Там же, с. 317.

¹³⁵ Там же, с. 313, 314.

¹³⁶ Там же, с. 317.

¹³⁷ Сибирские летописи, с. 335, 336, 339; ср. с. 141, 142.

¹³⁸ Ромодановская Е. К. Погодинский летописец..., с. 50.

¹³⁹ Сибирские летописи, с. 356—359.

¹⁴⁰ Там же, с. 313.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 216.

¹⁴³ Сибирские летописи, с. 314.

¹⁴⁴ Там же, с. 315.

¹⁴⁵ Относительно брошенных Ермаком судов в кунгурских «сказах» говорится: «и те старые, где они лежат, сквозь их для

деревя проросли» (Сибирские летописи, с. 314). Деревья проросли струги, очевидно, после того, как колоды стругов полностью сгнили. Это наблюдение подтверждает вывод о позднем происхождении или поздней записи известий Кунгурского летописца.

¹⁴⁴ Сибирские летописи, с. 334.

¹⁴⁷ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 42.

¹⁴⁸ Дергачева-Смои Е. И. Из истории литературы..., с. 95.

¹⁴⁹ Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов, с. 7—30.

¹⁵⁰ Сибирские летописи, с. 348.

¹⁵¹ Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов, с. 146, 155, 166.

¹⁵² Сибирские летописи, с. 342.

¹⁵³ Там же, с. 326, 327.

¹⁵⁴ Там же, с. 342.

¹⁵⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, кн. 367, л. 378 об.—374.

¹⁵⁶ Синодик ермаковым казакам, с. 20.

¹⁵⁷ The Atlas of Siberia by S. Remezov. Copenhagen, 1958; ср.:

Сибирские летописи, с. 325—327, 333—336, 341—343. Описания Сябьяр Г. Ф. Миллера уступают в полноте картографическим материалам С. Ремезова, составленным на исходе XVII в. Г. Ф. Миллер не нашел на Вагае места под названием «Агитский городок», а потому предложил «следовать здесь рассказу других летописей». Точно так же он не нашел сведений о поселении Туралницы и сослался на то, что это название «дается еще и теперь некоторым татарам, живущим около Тары» (Миллер Г. Ф. История Сибири, с. 261). Более ранние и подробные карты С. Ремезова содержат указание и на волость Туралницы и на Агитку. Г. Ф. Миллер нашел в «Истории» С. Ремезова указание на Калымскую волость и отметил, что таковая ему неизвестна (там же, с. 251). За 40 лет до Г. Ф. Миллера С. Ремезов нанес на свою карту «волость Калымску» и «земля Калымские». Следует заметить, что названия, которые фигурируют у С. Ремезова в качестве «волостных», нередко относились и группам родственных семей, часть названий восходила к родоплеменной номенклатуре. Например, у барабинских татар известны такие родоплеменные названия, как саргач, туралы, нурдак, тебедю, таушка и др. (Томшилов П. А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978 с. 90).

¹⁵⁸ Сибирские летописи, с. 282.

¹⁵⁹ Там же, с. 335.

¹⁶⁰ Там же, с. 325, 339.

¹⁶¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 59.

¹⁶² Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 115—117, 140, 164.

¹⁶³ Сибирские летописи, с. 339.

¹⁶⁴ Там же, с. 353.

¹⁶⁵ Там же, с. 333, 336.

¹⁶⁶ Там же, с. 325, 327.

¹⁶⁷ Там же, с. 326, 327.

¹⁶⁸ Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы..., с. 27.

¹⁶⁹ Мнение о заимствованиях Ульяна Ремезова картографией либо литературой не подтверждается фактами. Еще Л. С. Багров высказал предположение об Ульяне как авторе так называемого годового чертежа 1667 г. в «Ведомости о Китайском государстве 1668 г.» Однако Л. А. Гольденберг отметил полную бездоказательность этого предположения (см.: Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов, с. 16, 17). Л. А. Гольденберг выяснил, что к моменту смерти Ульяна (1 марта 1689 г.) его старшему внуку Леонтию едва исполнилось 12 лет. Так что возможность их сотрудничества практически можно исключать. Надо отметить также, что в тексте «История» об Ульяне Ремезове говорится как об умершем: «Ульян же свискателя бе» (см.: Сибирские летописи, с. 348).

¹⁷⁰ Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов, с. 119, 120.

¹⁷¹ В целом палеографический анализ дает лишь самый скудный материал для датировки исследуемого памятника. Среди нескольких филигранных «История» одна (картуш со щитом в центре в двойных дугах по кругу) сходна со знаком 1659—1662 гг., другая (герб Амстердама в литеры CS) не имеет точной даты. С. А. Клепиков датировал ее по печатной «Артиллерии» 1709 г. Е. И. Дергачева-Скоп отметила ту же филигрань в рукописях С. Ремезова 1695—1696 и 1698 гг. (см.: Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы..., с. 22—24). На листах Кувгурской летописи имеются филигранные головы шута, полонизованный герб п, наконец, герб Амстердама без литеров. Последний сходен со знаками, которые отмечены у И. П. Ляхачева под № 3547 (1689 г.), у Лауляничюса под № 73 (1686—1687 гг.), у Е. Хивуда под № 377—383 (1676—1686 гг.) (см.: Ляхачев И. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 3. Спб., 1899; Лауляничюс. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Вильнюс, 1967; Neawood E. Watermarks. Hilversum, 1957). Анализ филигранных позволяет лишь констатировать, что С. Ремезов, будучи в Tobolske, использовал залежалую бумагу разнородного происхождения. В условиях Сибири, отрезанной от Центра, ничего необычного в этом не было.

¹⁷² Андреев А. И. Очерки по восточноведению Сибири, вып. 1, с. 253—254; Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов, с. 113.

¹⁷³ Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы..., с. 33.

¹⁷⁴ Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов, с. 166.

¹⁷⁵ Сибирские летописи, с. 324 в сл.

¹⁷⁶ Там же, с. 312.

¹⁷⁷ Там же, с. 317. Двум зачином соответствовали ст. 1—3 на первом листе и ст. 9—11 на втором. Между ними располагался первый из кунгурских листов со ст. 5—8. При составлении сплошной нумерации кунгурские статьи были учтены не сразу. В ст. 78 автор сослался на статьи о звере с номерами 23, 24. Однако в окончательном варианте эти статьи читаются под номерами 27—28. Расхождение в четыре номера как раз и объяснялись вставкой кунгурского листа со ст. 5—8.

¹⁷⁸ См. выше, с. 57.

¹⁷⁹ Проанализировав художественные особенности иллюстраций «Истории», В. Н. Алексеев пришел к выводу, что в их создании участвовали три рисовальщика: Семен Ремезов, обладавший самым высоким мастерством, его отец Ульян, старавшийся копировать композиция сына, и сын Леонтий (см.: Алексеев В. И. Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (Проблемы атрибуции). — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, сб. 2. М., 1974, с. 194). Выше отмечено, что участие Ульяна Ремезова в работе над «Историей» не подтверждается фактами. Исходя из этого, следует интерпретировать и наблюдения В. Н. Алексеева. Очевидно, эскизы к кунгурским листам были выполнены одним из двух рисовальщиков — Семеном либо Леонтием. Изменившие манеры рисования было вызвано отказом от старых, «житийных» установок в пользу новых, светских. Сугубо светские сюжеты кунгурских статей невозможно было бы иллюстрировать старомодными «житийными» миниатюрами.

¹⁸⁰ Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов, с. 120.

ГЛАВА II

¹ Преображенский А. А. У истоков народной историко-географической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 377.

² Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 9. Спб., 1821, с. 224; Броневский В. В. История Донского Войска. Спб., 1834.

³ Соловьев С. М. История России, кн. 4. М., 1960, с. 390.

⁴ Там же, с. 391.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. 3, Пг., 1918, с. 130, 131, 136.

⁶ Багалей Д. Н. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; Перетаткивич Г. И. Поволжье в XV—XVI вв., ч. 1. М., 1877.

⁷ Любавский М. К. Историческая география России. М., 1908, с. 8, 9.

⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, с. 108—113.

⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, т. 2. М., 1954; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962; Шушков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.—Л., 1946; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972; Голобуцкий В. А. Черноморское казачество. Киев, 1936; Он же. Запорожское казачество. Киев, 1957; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1. М., 1946; Кобышев С. Г. Заселение Дона в XVI—XVII вв.— Уч. зап. ЛГПИ, 1955, т. 10. Геогр. ф-т, вып. 3.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 127, Ногайские дела, кн. 2, л. 230.

¹¹ Сухоруков В. Д. Историческое описание земля Войска Донского. Изд. 2-е. Новочеркасск, 1903, с. 3.

¹² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордями и с Турцией, т. 1.—Сб. РИО. СПб., 1884, т. 41, с. 413.

¹³ Памятники дипломатических сношений..., т. 2.— Там же. СПб., 1895, т. 95, с. 690.

¹⁴ Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны, М., 1967, с. 167.

¹⁵ СГГД, ч. 2. М., 1819, с. 86.

¹⁶ Пронштейн А. П. К истории возникновения..., с. 170.

¹⁷ Сухоруков В. Д. Историческое описание..., с. 62.

¹⁸ Примечательно, что вольные казаки почти всегда сражались в пешем строю, когда им приходилось надолго покидать свои станицы и отправляться в походы с царскими воеводами.

¹⁹ Аяты Московского государства, т. 1, М., 1890, № 23, 42; РИБ, т. 2, стб. 51, 52, 79; Анишлов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967, с. 363.

²⁰ Среди казаков преобладали беглые крестьяне, посадские люди, холопы. Но в «десятнях» конца 70 — начала 90-х гг. XVI в. можно встретить имена разорвавшихся детей боярских и беспоместных дворян, которые «сошли на Дон в вольные казаки», «сошли на поле», «на поле казакуют» (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 8. М., 1861, с. 248, 316, 317, 356, 428, 429).

²¹ ЦГАДА, ф. 127, Ногайские дела, оп. 1, кн. 3, л. 86.

²² Там же, кн. 4, л. 39 об.— 40.

²³ ПСРЛ, т. 13. М., 1965, с. 164.

²⁴ Епифанов П. П. Войско и военная организация.— В кн.:

- ²⁵ ПСРД, т. 13, с. 285, 286.
- ²⁶ Там же, с. 273.
- ²⁷ Там же, с. 274.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 127, Ногайские дела, оп. 1, кн. 4, л. 325 об.
- ²⁹ Там же, кн. 5, л. 7—7 об.
- ³⁰ Там же, ф. 210, Столбы Белгородского стола, с. 139, л. 473, 474.
- ³¹ ПСРД, т. 13, с. 283.
- ³² Там же, с. 271, 272.
- ³³ Там же, с. 275.
- ³⁴ Там же, с. 286.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, с. 315, 319.
- ³⁷ Там же, с. 339.
- ³⁸ Там же, с. 343.
- ³⁹ Витебская старина, 1885, т. 4, с. 34—39.
- ⁴⁰ Исторический архив, 1959, № 4, с. 175—177.
- ⁴¹ ПСРД, т. 13, с. 318.
- ⁴² Авты, относящиеся к истории Войска Донского, т. 1. Новочеркасск, 1891, с. 1.
- ⁴³ Сухоруков В. Д. Историческое описание..., с. 58, 59.
- ⁴⁴ Там же, с. 26.
- ⁴⁵ Флоря Б. Н. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в.— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 217, 218.
- ⁴⁶ Сирмышников Р. Г. Россия после обречения. Л., 1975, с. 160—166.
- ⁴⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 253, 254.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 123, кн. 15, л. 418 об.— 419.
- ⁴⁹ АИ, т. 1. Спб., 1841, с. 445.
- ⁵⁰ Английские путешественники..., с. 265.
- ⁵¹ На Днепре казачьи городки возникли раньше, чем на Нижней Волге. Уже в 40-х гг. XVI в. выходцы из Киева, Черкас и других мест основали укрепленные поселения на днепровском острове Томаковке. Их «коша», насчитывавшие несколько сот человек, стала ядром Запорожской сечи. (Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII в.). М., 1978, с. 31).
- ⁵² Перетяткевич Г. Поволжье в XVI—XVII вв., с. 317—318, примеч. 2.
- ⁵³ Прошштейн А. П. К истории возникновения..., с. 172.
- ⁵⁴ ЦГАДА, ф. 127, Ногайские дела, св. 1, 1585, тетрадь 8.
- ⁵⁵ Сухоруков В. Д. Историческое описание..., с. 86.

⁵⁶ Подробнее см.: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины, с. 45—48.

⁵⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. ГПБ, Эрмитажное собр., д. 390, л. 549—549 об.; Разрядная книга 1475—1599 гг., М., 1966, с. 301.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 127, кн. 10, л. 58 об.— 59.

⁵⁹ Там же, л. 65 об. Посольские материалы о действиях казаков в Поволжье были выплнены А. А. Преображенским, а затем подробно проанализированы В. И. Сергеевым. См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь..., с. 36, примеч. 64; Сергеев В. И. Источники и пути исследования..., с. 27—33.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 127, кн. 10, л. 140.

⁶¹ Там же, с. 264—264 об.

⁶² Там же, л. 147 об.— 149, 257 об., 269, 270.

⁶³ Под натиском казаков хан Урус, по словам ногайцев, откочевал в устье Яика «блиско моря», а Бек-Мурза ушел поближе к Юргенкчу: оба откочевали «далеко, блюдыся войны от волжских казаков» (ЦГАДА, ф. 127, кн. 10, л. 265 об.— 266).

⁶⁴ Там же, л. 257.

⁶⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 9. Спб., 1821, с. 382.

⁶⁶ Соловьев С. М. История России, кн. 3. М., 1960, с. 696—698.

⁶⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь..., с. 39, 40.

⁶⁸ Книга записная, с. 18.

⁶⁹ Сибирские летописи, с. 125.

⁷⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 455.

⁷¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 3, стб. 6112/68, л. 74.

⁷² Козлович М. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию, Сиб., 1883, с. 253.

⁷³ Там же. Допесение Стравинского является самым ранним историческим документом, упоминающим имя Ермака.

⁷⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974, с. 272.

⁷⁵ Шликов Н. В. Ермак Тимофеевич летом 1581 г.— ЖМНП, 1901, июль, с. 41.

⁷⁶ Аналогичную дату отставивал лишь Г. Краснянский. По его мнению, казаки из будущей дружины Ермака действовали на Волге еще летом 1581 г., когда Иван IV послал против волжских казаков крупные военные силы. Между началом сентября и серединой октября 1581 г. «волжские казаки должны были уже появиться на Урале», «а ранним летом 1582 г. они двинулись в поход» (Краснянский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный, с. 95, 96). Г. Краснянский не подкрепил приведенные им даты никакими фактическими данными.

⁷⁷ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв., с. 62—63; Каталаев Г. Е. Западносибирское служилое казачество и его

роль в обследовании и заятии русскими Сибири, вып. 1. Спб., 1909, с. 33. Прозвище «Ермак» изредка встречается в бумагах XVI в., но считать его распространенным не приходится, а в сочетании с определенным отчеством оно становится уникальным. Предположение, будто два Ермака Тимофеевича подавались одновременно в одной и той же роли, маловероятно и само по себе.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 127, кв. 10, л. 141 об.— 142, 147 об.— 149.

⁷⁹ В. И. Сергеев высказал предположение, что атаманы Кольцо и Пан прибыли на Урал через несколько лет после Ермака (Сергеев В. И. Источники и пути исследования похода волжских казаков, с. 31—33, 38, 39). Однако даже в поздних документах нет и намека на факт раздельного движения казаков на Урал. Что касается наиболее ранних документов, то они зачастую опровергают такую возможность.

⁸⁰ О происхождении ошибок, допущенных строгановским летописцем при определении хронологии экспедиции, см. с. 130—133.

⁸¹ Сибирские летописи, с. 263; ПСРЛ, т. 14, с. 33.

⁸² Разрядная книга 1475—1605 гг., л. 635, 637, 644, 645, 650 об.

⁸³ ЦГАДА, ф. 127, кв. 10, л. 110 об.

⁸⁴ Краткое описание о земле Сибирской. БАН, ОР, 32.8.8, л. 170.

⁸⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений России с Персией, т. 1. Спб., 1890, с. 36.

⁸⁶ Сибирские летописи, с. 313.

⁸⁷ См.: Зинкер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. [Иркутск], 1968, с. 14.

⁸⁸ Там же, с. 45, 46.

⁸⁹ Сибирские летописи, с. 276.

⁹⁰ Тушин Ю. Н. Русское мореплавание. М., 1978, с. 36, 37.

⁹¹ Там же, с. 37.

⁹² Грамота Ивана IV от 7 января 1584 г.— В кв.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 343—344.

⁹³ Боплан Г. Описание Украины, вып. 2. Киев, 1896, с. 345.

⁹⁴ Пермская старина, 1894, вып. 5, с. 220; Воронихин А. К биографии Ермака.— Вопр. истории, 1946, № 10, с. 98—100; Попов В. Т. Предания в Тотемском уезде (Вологод. губ.) о Ермаке, завоевателе Сибири.— Вологод. епарх. ведомости, 1899, № 6, Прибавления, с. 154—156; Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак.— История СССР, 1976, № 3, с. 142—144.

⁹⁵ Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак, с. 131.

⁹⁶ Сибирские летописи, с. 305—306.

⁹⁷ Буцицкий П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых поселенцев. Харьков, 1889, с. 109; Головачев П. М. Покорение Сибири и личность Ермака.— Сибирский сб., т. 1. М., 1894, с. 175; Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции, с. 380.

⁹⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 455, 456; РИВ, т. 2, Сиб., 1875, с. 401.

⁹⁹ Сибирские летописи, с. 281.

¹⁰⁰ Дергачева-Смои Е. А. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965, с. 113.

¹⁰¹ Даль В. Толковый словарь, т. 4, М., 1955, с. 410.

¹⁰² Два таких портрета Ермака воспроизведены в книге: Копылов Д. И. Ермак. Свердловск, 1974.

¹⁰³ Сибирские летописи, с. 344.

¹⁰⁴ Там же, с. 316.

¹⁰⁵ Там же, с. 375.

¹⁰⁶ Там же, с. 337.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 196. Собр. Мазурина, д. 273, л. 23.

¹⁰⁸ Сибирские летописи, с. 333.

¹⁰⁹ Там же, с. 281.

¹¹⁰ Синодны ермаковым казакам, с. 20.

¹¹¹ Сибирские летописи, с. 29.

¹¹² Там же, с. 55.

¹¹³ ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 272, л. 18 об., 23 об., 25, 26 об., 30, 33.

¹¹⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 6, д. 86, л. 88.

¹¹⁵ Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции..., с. 380, 381. Семён Шемелин погиб при осаде Тулы, будучи в армии Шуйского в 1607 г.

¹¹⁶ Сукорухов В. Историческое описание..., с. 57.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 363, л. 110; Н. П. Оглоблин называет в числе «сотрудников Ермака» также Матвьяша Угреяина (см.: Оглоблин Н. П. Обзорные столбцы в книг Сибирского приказа, ч. 1. М., 1895, с. 285). Это мнение не совсем точно. Венгр Матвьяш попал в Сибирь «в Тобольск в первых сведенцах» (ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 363, л. 132).

¹¹⁸ Синодны ермаковым казакам, с. 20, 21.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII века. Новосибирск, 1973, с. 99.

¹²¹ Оксенов А. В. Слухи и вести о Сибири до Ермака.— Сибирский сб., 1887, № 4; Анушин Д. И. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака.— Тр. Моск. археол. о-ва, 1890, т. 4; Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954; Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 72—136; Бояршинова З. Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству.— Тр. Томск. гос. ун-та, 1957, т. 136, с. 147, 148.

¹²² Грамоты Великого Новгорода в Пскова. М.—Л., 1949, с. 9. Командыряне, с которыми русские познакомились раньше, чем с их восточными соседями, называли уральских кантов «тегра».

Отсюда и произошло летописное наименование «югра».

¹²³ Окладников А. П. Открытие Сибири, с. 162, 163.

¹²⁴ Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации, Томск, 1960, с. 111, 112; Аноллова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XVII в. М., 1976, с. 22. Некоторые авторы не разграничивают историю Тюменского и Сибирского ханств. (Петанов Л. П. Алтайцы. — В кн.: Народы Сибири. М. — Л., 1956, с. 333; Храмова В. В. Западносибирские татары. — Там же, с. 474).

¹²⁵ Лимонов Ю. А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1967, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 115, 116.

¹²⁶ Бояршинова З. Я., Степанов Н. Н. Западная Сибирь в XIV—XVI вв. — В кн.: Материалы по истории Сибири. Улан-Уда, 1964, с. 475—503.

¹²⁷ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 74, 75.

¹²⁸ Устюжский летописный свод. М. — Л., 1954, с. 94.

¹²⁹ Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири..., с. 107—109.

¹³⁰ Устюжский летописный свод. М. — Л., 1950, с. 94.

¹³¹ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2. М., 1955, с. 113, 152.

¹³² Устюжский летописный свод, с. 94.

¹³³ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 152.

¹³⁴ Там же, с. 113, 114.

¹³⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордями и с Турцией, т. 1. — Сб. РИО, Сиб., 1884, т. 41, с. 81—83.

¹³⁶ Там же, с. 146, 168.

¹³⁷ Там же, с. 199.

¹³⁸ См.: Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири..., с. 109.

¹³⁹ Слово «тайбуга» обозначало, по-видимому, не имя собственное, а звание, которое в Ногайской Орде носили очень влиятельные беки (см. там же, с. 106).

¹⁴⁰ Овсянов А. Сибирское ханство до эпохи Ермака. Томск, 1888, с. 13.

¹⁴¹ Разрядная книга 1475—1508 гг., с. 29.

¹⁴² Устюжский летописный свод, с. 100.

¹⁴³ Солодова З. Н. О сложении этнографических и территориальных групп у обских угров. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 123—125.

¹⁴⁴ Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до XV в. М., 1960, с. 599.

¹⁴⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг., т. 1, ч. 1, с. 56.

¹⁴⁶ Преображенский А. А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири. — В кн.: Ис-

следования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 384.

¹⁴⁷ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 77.

¹⁴⁸ Бопршинова Э. Я. Население Западной Сибири..., с. 109—111.

¹⁴⁹ Храмова В. В. Западносибирские татары.— В кн.: Народы Сибири. М.—Л., 1956; Валеев Ф. Т. К этнической истории татарских татар.— В кн.: Из истории Сибири, вып. 16. Томск, 1975; Татова Э. Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк).— В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск, 1976; Томшлов Н. А. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (к вопросу об угорском и самодийском компонентах).— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири в Дальнего Востока. Новосибирск, 1973; Томшлов Н. А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

¹⁵⁰ Бопршинова Э. Я. Население Западной Сибири..., с. 100, 101.

¹⁵¹ История Сибири. т. 1. Л., 1968, с. 356—358; Аполова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья, с. 26, 27.

¹⁵² Сибирские летописи, с. 319.

¹⁵³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., 1948, с. 13.

¹⁵⁴ ПСРЛ, т. 13, с. 248.

¹⁵⁵ Преображенский А. А. Русские дипломатические документы..., с. 384.

¹⁵⁶ Сб. РИО, т. 59, с. 479, 480.

¹⁵⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 248.

¹⁵⁸ Ошраньес на данные начала XVII в., Б. О. Долгих рассчитал, что в то время коренное население на территории бывшего Сибирского ханства исчислялось цифрой в 21870 чел. Все эти люди принадлежали к «черному» ясашному населению (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 28—77).

¹⁵⁹ По сообщению Д. Флетчера, сразу после присоединения Сибири Москва получала оттуда в виде дани 18640 шкурок соболей, 200 куниц и 140 черно-бурых лисиц (Флетчер Д. О государстве Русском. Спб., 1906, с. 80). В XVII в. обычной нормой ясака служила одна соболя шкурка с человека. Однако «лучшие» люди давали до трех-четырех, а сотники — по семь соболей (Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 58, 59).

¹⁶⁰ ПСРЛ, т. 13, с. 248.

¹⁶¹ Там же, с. 276.

¹⁶² Миллер Г. П. История Сибири, т. 1, прил., с. 331.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ ПСРЛ, т. 13, с. 285.

- 193 Там же.
- 194 Радичев А. Н. Полное собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1941, с. 151.
- 197 Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири..., с. 117.
- 199 Там же.
- 199 Дополнение к актам историческим, т. 1. Спб., 1846, № 117.
- 179 Там же, № 179.
- 171 СГГД, т. 2. М., 1819, с. 52.
- 172 Там же, с. 63.
- 173 Там же, с. 64.
- 174 Сырнышиков Р. Г. Опричный террор. Л., 1969, с. 11—13.
- 175 Там же, с. 166—169.
- 176 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 339.
- 177 Там же.
- 179 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 476, 477.
- 179 Там же, прил., с. 332, 333.
- 190 Сырнышиков Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 225, 353, 354.
- 191 Желтованни грамота Ивана IV Строгановым от 30 мая 1574 г.— В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 339.
- 192 Половин Н. И. [Вводная статья].— В кн.: Штаден Г. Записки немца-опричника. Л., 1925, с. 176.
- 193 Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 142, примеч., 20.
- 194 Ersteln F. Heinrich von Staden. Hamburg, 1930, S. 89.
- 195 Штаден Г. Записки немца-опричника, с. 118.
- 196 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 339.
- 197 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 42. Строгановы называли население Татчей общераспространенным именем «остяки» («которые остяки живут круг Татчей»). Однако надо иметь в виду, что русские причисляли к остякам самые различные этнические группы. Например, в русских писцовых книгах 1623—1624 гг. камские башкиры фигурировали как «остяки» (Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 570).
- 198 Сибирские летописи, с. 4.
- 199 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 341.
- 199 Сибирские летописи, с. 5.
- 191 Там же, с. 339.
- 192 Предание было записано Н. Миссой в начале XVII в. См.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. 1. Иркутск, 1932, с. 249.
- 193 О ранних походах и плаваниях русских в Сибирь подробнее см.: Овлиндинов А. П. Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. М.—Л., 1948; Исторические памятники русского арктического мореплавания XVII в. М.—Л., 1951; Вилков О. П.

О некоторых причинах присоединения Сибири к России в конце XVI — начале XVII в. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, 1967, № 11. Спр. общеста. наук, вып. 3; История Сибири, т. 1. Л., 1968; Шляк-рев Л. Сибирь. Откуда она пошла и куда она идет. Иркутск, 1974; Белов М. И. и др. Мангазеи. Мангазейский морской ход, ч. 1. Л., 1960.

¹⁸⁴ Любименко И. История торговых сношений России с Англией, вып. 1. Юрьев, 1912, с. 83.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Алексеев М. П. Сибирь в известиях..., с. 166.

¹⁸⁷ Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 32.

¹⁸⁸ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 198.

¹⁸⁹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937, с. 107—111.

¹⁹⁰ Любименко И. История торговых сношений..., с. 105, 121.

¹⁹¹ Там же, с. 44, 45.

¹⁹² Английские путешественники..., с. 126—128.

¹⁹³ Сб. РИО, т. 38. Спб., 1853, с. 94, 95.

¹⁹⁴ Английские путешественники..., с. 133.

¹⁹⁵ Алексеев М. П. Сибирь в известиях..., с. 170, 171.

¹⁹⁶ А. Дженкинсон в конце 50-х гг. XVI в. записал сведения о приюбском населении в Мангазее со слов русского морехода из Холмогор Федора Топтыгина, едввшего на Обь по крайней мере дважды. «Товары у них («самоедов». — Р. С.) — соболя, белые и черные лисицы...» — такими словами заканчивал А. Дженкинсон свой рассказ (см.: Английские путешественники..., с. 192).

¹⁹⁷ Английские путешественники..., с. 164.

¹⁹⁸ Алексеев М. П. Сибирь в известиях..., с. 166.

¹⁹⁹ О. Брюнелл прибыл по торговым делам в Холмогоры, где был арестован по наветам англичан. Заподозренный в шпионаже бельгиец провел в тюрьме в Ярославле несколько лет. В дальнейшем Яков Строганов поручился за него перед властями и из тюрьмы взял к себе на вотчинную службу (Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 55). Подробнее об О. Брюнеле см.: Кордт В. А. Очерки сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. — Сб. РИО, т. 116. Спб., 1902, с. XXX—XXXIX; Литие Ф. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, ч. 1. Спб., 1828, с. 26—30.

²⁰⁰ Красинский Г. О «путешествиях» Оливера Брюнелла на реку Обь. (Об одном историческом мифе). — Вопр. истории, 1950, № 2, с. 95.

²⁰¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях..., с. 179.

²⁰² Как пример совершенной «галматьи» Г. Красинский приводил ссылку О. Брюнелла на рассказы туземцев, слышавших от прадедов «о замечательно нежном звоне колоколов на дне китай-

ского озера и о виденных ими там больших и красных водах». Эти сведения О. Брюнель получил от жителей местечка Якс Олгущ, названного так по имени «мощной реки». По словам бельгийца, река эта впадала в Обь, местечко же находилось на расстоянии 12-дневного пути от устья Оби. Судя по всему, О. Брюнель имел в виду одно из татарских поселений на Иртыше. В среде татар сохранились предания о красоте монгольской столицы в Китае.

²¹³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях..., с. 179.

²¹⁴ Устюгов П. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957, с. 123. В своем родовом гнезде в Соли Вычегодской Строгановы разделили в 1577 г. девять соляных варниц (Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 47).

²¹⁵ Сибирские летописи, с. 9, 10.

²¹⁶ Введенский А. А. Торговый дом..., с. 62.

²¹⁷ Там же, с. 63, 64.

²¹⁸ Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный, с. 97.

²¹⁹ Там же, с. 94.

²²⁰ Там же, с. 95.

²²¹ Там же, с. 96.

²²² Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 88.

²²³ Легенда о рождении Ермака в строгановских вотчинах неизвестна была даже строгановским историкографам XVII—XVIII вв. А. А. Введенский принял на веру поздние предания о том, что Строгановы основали соляные варницы на Самарской Луке вблизи станиц волжских казаков. Отсюда А. А. Введенский заключил, что «давние связи Строгановых с Ермаком Тимофеевичем, атаманом волжских казаков, получают новое подтверждение. Возможность личных контактов Ермака Тимофеевича со строгановской администрацией Волжского Усоляя делается вполне вероятной» (Катаев П. М. На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябинск, 1948, с. 10, 11; Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 93, примеч. 1).

²²⁴ БАН ОР, 32.8.8, л. 170.

²²⁵ ПСРЛ, т. 14, с. 33.

²²⁶ Сибирские летописи, с. 314. О пушке Ермака, отлитой по приказу Максима Строганова, см. с. 135—136.

²²⁷ Ставрович А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись, с. 285, 291.

²²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 342; Сибирские летописи, с. 14.

²²⁹ Сибирские летописи, с. 125.

²³⁰ Там же, с. 8, 9.

²³¹ Там же, с. 10.

²³² Там же, с. 10, 11, 12.

²³³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 341, 342.

- ²²⁴ Введенский А. А. Торговый дом..., прил., с. 62.
- ²²⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 342.
- ²²⁶ Сибирские летописи, с. 274, 275.
- ²²⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 347, 348.
- ²²⁸ Дмитриев А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири.— ЖМНП, 1894, январь, с. 32, 33. В. В. Голубцов осматривал пушку в петербургском дворце Строгановых в 80-х гг. XIX в. Спустя 40 лет пашаль пытались разыскать, но к тому времени она оказалась затерянной. Скопировавший надпись В. В. Голубцов владел палеографией и как ученый осторожный и добросовестный едва ли дал бы ввести себя в заблуждение. Предположение насчет сознательного подлога с его стороны сомнительно.
- ²²⁹ Икоsov П. С. История о родословии гг. Строгановых (1791 г.). Пермь, 1881, с. 45.
- ²³⁰ Сибирские летописи, с. 315.
- ²³¹ ГПБ, собр. Спб. духовной академии, № 313, л. 61.
- ²³² Сибирские летописи, с. 10, 11.
- ²³³ БАН, ОР, 32.8.8., л. 170.
- ²³⁴ Там же, с. 316.
- ²³⁵ Там же, с. 316.
- ²³⁶ Сибирские летописи, с. 275.
- ²³⁷ Сб. РИО, т. 129. Спб., 1910, с. 414, 415.
- ²³⁸ ПСРЛ, т. 13, с. 248; Сб. РИО., т. 59. Спб., 1887, с. 479, 480.
- ²³⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 342.
- ²⁵⁰ Там же.

ГЛАВА III

¹ Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака.— Вопр. истории, 1959, № 1, с. 123—127; Он же. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков.— В кн.: Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976, с. 38.

² Сибирские летописи, с. 318.

³ Вышека из песцовых княз 1579 (7067) г.— В кн.: Устрялов П. Имятые люди Строгановы. Спб., 1842, прил., с. 38, 39.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, с. 220, 221.

⁵ См.: Бвдер О. Н. Археологические памятники Тагильского края.— Уч. зап. Молотовск. ун-та, 1953, т. 8, вып. 2, с. 315—318.

⁶ К аналогичным выводам пришла Н. П. Кипарисова (см.: Кипарисова Н. П. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края.— Уч. зап. Пермск. ун-та, 1956, т. 11, вып. 3, с. 115).

⁷ Рассадович А. И. Кокуй-городок.— Уч. зап. Пермск. ун-та, 1968, № 191, вып. 4, с. 292—296.

⁸ Можно заметить, что легенда о Кокуе была широко распространена в Приуралье. На рубеже XIX и XX вв. местные жители рассказывали о сызвенской деревне Кокуй, что ее основали казаки Ермака, как в соседнюю деревню под названием «Ермаки» (Блажен В. В. Ермаковыя предания XVII в. в составе Кунгурской летописи.— В кн.: Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971, с. 43). Очевидно, поздние топонимические указания требуют осторожного к себе подхода.

⁹ Осенью 1583 г. Иван IV велел Строгановым послать «на пашу службу в сибирской в зимней поход 50 человек на конех». 7 января 1584 г. Иван IV известил Строгановых об отмене своего первого указа потому, что «выше нас (царя.— Р. С.) слух дошел, что в Сибирь вымыши путем на конех пройтись не мочно» (Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 343, 344).

¹⁰ Сибирские летописи, с. 276.

¹¹ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым. Фототипическое издание. Спб., 1882, л. 2.

¹² Сибирские летописи, с. 314.

¹³ Служебная чертежная книга.— ГИВ, ОР, Эрмитажное собр., № 237. Память о брошенных Ермаком судах жила в Приуралье и в конце XVIII в. Придворный историограф Строгановых писал в то время: «...струи Ермаковы... и поныне есть многим лесникам известны, ибо где оные на берегах оставлены, вырос на них кустарник немалой» (Икосов П. И. История о родословии гг. Строгановых. Пермь, 1881, с. 52). Конечно, брошенные на Серебрянке суда могли принадлежать не Ермаку, а царским судовым ратям, следовавшим по его пути. Как бы то ни было, они служили ориентиром для тех, кто позже искал маршрут Ермака.

¹⁴ Сборник Кирши Данилова. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М., 1977, с. 69.

¹⁵ Сибирские летописи, с. 11.

¹⁶ Там же, с. 276.

¹⁷ Там же, с. 314.

¹⁸ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века. М., 1961, с. 116.

¹⁹ Бодлав Г. Описание Украины. Спб., 1832, с. 344.

²⁰ Сибирские летописи, с. 317.

²¹ Там же, с. 323.

²² Там же, с. 276.

²³ Там же.

²⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 342.

²⁵ Сибирские летописи, с. 12.

²⁶ Там же, с. 274, 275.

- 27 Там же, с. 16, 126.
 28 Там же, с. 20, 127.
 29 БАН, ОР, 32.8.В, л. 170.
 30 Сибирские летописи, с. 19, 20, 127.
 31 Там же, с. 21, 127, 128.
 32 Там же, с. 21, 129.
 33 Там же, с. 133.
 34 Там же, с. 332.
 35 Назаров В. Д. Зауральская эпопея XVI века.— Вопр. истории, 1969, № 12, с. 109.
 36 Книга записная. Томск, 1973, с. 1; Сибирские летописи, с. 330.
 37 Боулан Г. Описание Украины, с. 68.
 38 Сибирские летописи, с. 24.
 39 Там же, с. 24, 131, 331.
 40 Там же, с. 337.
 41 Там же, с. 25, 26, 134, 135.
 42 Там же.
 43 Синодик ермаковым казакам, с. 20.
 44 Сибирские летописи, с. 26, 27, 135.
 45 Там же, с. 281.
 46 Там же, с. 282.
 47 Там же, с. 135.
 48 Там же, с. 27.
 49 Синодик ермаковым казакам, с. 20.
 50 Назва Посольского приказа 1585 г.— В кн.: Сб. РИО. Спб., 1907, т. 129, с. 414, 415.
 51 Синодик ермаковым казакам, с. 20.
 52 Сибирские летописи, с. 141, 142.
 53 Там же, с. 336.
 54 Синодик ермаковым казакам, с. 20.
 55 Сибирские летописи, с. 29.
 56 Там же, с. 28.
 57 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 241.
 58 Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 141.
 59 Спафарий Н. Путешествие через Сибирь. Спб., 1882, с. 34,
 180.
 60 Сибирские летописи, с. 286.
 61 ЦГАДА, ф. 214; кн. 16, л. 373, 376, 377, 380 об.— 381.
 62 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 243.
 63 Сибирские летописи, с. 333.
 64 Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 89, 146.
 65 Сибирские летописи, с. 334.
 66 Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 246.
 67 Сибирские летописи, с. 334.

- ⁶⁸ Там же, с. 339.
- ⁶⁹ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 54.
- ⁷⁰ Хорографическая чертежная книга 1697 г., л. 68; Сибирские летописи, с. 335.
- ⁷¹ ПГАДА, ф. 214, кн. 16, л. 715.
- ⁷² Миллер Г. Ф. История Сибири, ч. 1, с. 240.
- ⁷³ Сибирские летописи, с. 335.
- ⁷⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 67, 68.
- ⁷⁵ СГГД, ч. 2. М., 1819, с. 127.
- ⁷⁶ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 142.
- ⁷⁷ Арсеньев Ю. В. Примечания к «Описанию путешествия Н. Спафария». — Зап. Имп. Русского географ. об-ва, Спб., 1882, т. 10, вып. 1, с. 180.
- ⁷⁸ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 3, первая половина. Спб., 1788, с. 53, 54; ч. 2, кн. 1. Сиб., 1770, с. 327.
- ⁷⁹ Сибирские летописи, с. 336.
- ⁸⁰ Поморы издавна ловили рыбу в Обской губе и в Мангазее, основывая там зимовья. По некоторым данным, их постройки появились тут до похода Ермака в Сибирь (Белов М. Н., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазейский морской ход, ч. 1. М., 1980, с. 30).
- ⁸¹ Сибирские летописи, с. 289.
- ⁸² Там же, с. 281, 282.
- ⁸³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 343.
- ⁸⁴ Сибирские летописи, с. 346.
- ⁸⁵ Там же, с. 346, 347.
- ⁸⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 494, 495.
- ⁸⁷ Сибирские летописи, с. 347.
- ⁸⁸ Бахрушин С. В. Кольчуга князя П. Н. Шуйского. — В кн.: Сборник Оружейной палаты. М., 1925, с. 121—123.
- ⁸⁹ Сибирские летописи, с. 283.
- ⁹⁰ БАН, 32.8.8, л. 174; ПСРЛ, т. 14, с. 33; Сибирские летописи, с. 338.
- ⁹¹ Сибирские летописи, с. 283.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 343, 344.
- ⁹⁴ РИО, т. 38. Спб., 1883, с. 48. Изучив английскую грамоту, московские дьяки составили справку о морских пристанях на берегах Студеного моря. «Обь река — близко Сибири, — значилось в справке, — ...Ислендь река за Обью» (там же, с. 94).
- ⁹⁵ Донесение о Московии второй половины XVI века. — ЧОИДР, 1913, кн. 2, отд. 3, с. 21.
- ⁹⁶ Сб. РИО, т. 38, с. 95.
- ⁹⁷ Там же, с. 127, 128.
- ⁹⁸ Алексея М. П. Сибирь в известиях..., с. 186, 187.

- ⁹⁹ Там же, с. 188.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 187. Приведенные сведения стали известны в том же году в Лондоне (см.: Armstrong T. E. Arctic.— The Hakluyt Handbook, v. 1. Hakluyt Society, 1974, p. 257).
- ¹⁰¹ Russfa at the Close of the XVI century. London, 1856, p. 225.
- ¹⁰² Hamel J. Sir John Franklin's Nordwestexpeditionen und Charls Jackmann's Nordostfahrten von 1580—1581.— Melanges Russes, 1860, I, IV, S. 110—112.
- ¹⁰³ Боднарский М. С. Великий северный морской путь. М., 1926, с. 20.
- ¹⁰⁴ Английские путешественники..., с. 164.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 109.
- ¹⁰⁶ Слова Д. Горсея насчет поисков пути в Китай были, по-видимому, не более чемвольной интерпретацией рассказа Маметкула.
- ¹⁰⁷ Алексеев М. П. Сибирь в известиях..., с. 179.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 181.
- ¹¹⁰ Сб. РИО, т. 116. Спб., 1902, с. XIII.
- ¹¹¹ Сибирские летописи, с. 27, 139, 338.
- ¹¹² Там же, с. 28, 140.
- ¹¹³ Там же, с. 285.
- ¹¹⁴ Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах, ч. 2. Спб., 1864, с. 411—437; Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 487.
- ¹¹⁵ Сибирские летописи, с. 339.
- ¹¹⁶ Там же, с. 337.
- ¹¹⁷ Материалы по фольклору хаптов. Томск, 1978.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Сибирские летописи, с. 339.
- ¹²⁰ Там же, с. 325.
- ¹²¹ Там же, с. 325, 326.
- ¹²² Хорографическая чертежная книга 1697 г., л. 11.
- ¹²³ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 226.
- ¹²⁴ Сибирские летописи, с. 325.
- ¹²⁵ Там же, с. 325, 326, 339.
- ¹²⁶ Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 142—145.
- ¹²⁷ Вереш П. Этнокультурное развитие угорских народов.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 112.
- ¹²⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 28—31.
- ¹²⁹ Сибирские летописи, с. 326.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же, с. 326, 327.
- ¹³² Синодик ермаковым казакам, с. 20.

- 133 Сибирские летописи, с. 333.
- 134 Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2, с. 152.
- 135 Сибирские летописи, с. 342.
- 136 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., 493; Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 484; Томпаев Н. А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 91.
- 137 Сибирские летописи, с. 326.
- 138 Там же.
- 139 Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М.—Л., 1947, с. 47.
- 140 Там же, с. 45, 46.
- 141 ПСРЛ, т. 5, с. 250.
- 142 Трапезников В. Чудские подолы и пермские боги.— Атенст, 1930, № 52, с. 69, 70.
- 143 Алексеев М. П. Сибирь в известных..., с. 115—118.
- 144 Там же, с. 105.
- 145 Сибирские летописи, с. 334.
- 146 Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 490.
- 147 Сибирские летописи, с. 336.
- 148 Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком (1715 г.). Ново-Сибирск, 1941, с. 59. О хантских кумирах см.: Кудемзин В. М., Лукман Н. В. Васюгипско-Ваховские ханты. Томск, 1977, с. 131—134.
- 149 Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком, с. 61.
- 150 Сибирские летописи, с. 39, 40, 151; Синодик ермаковым казакам, с. 20, 21.
- 151 ЦГАДА, дела Польского двора, ф. 79, кн. 16, л. 27—27 об.
- 152 Сибирские летописи, с. 31, 32.
- 153 Иносов П. С. История о родословии гг. Строгановых, с. 42.
- 154 Пигнетт В. Искер (Кучумово городище).— Ежегодник Тобольского губ. музея, 1915, вып. 26, с. 16.
- 155 Сибирские летописи, с. 284.
- 156 Синодик ермаковым казакам, с. 20.
- 157 Сибирские летописи, с. 34, 144, 145.
- 158 Там же, с. 32, 33, 144, 145.
- 159 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
- 160 Потанин Г. Н. О караванной торговле в Джунгарской Бугарии.— ЧОИДР, 1866, ч. 2, с. 67; Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.— В кн.: В. В. Бартольд. Ташкент, 1927, с. 33—35. Зинев Х. Узбеки в Сибири. Ташкент, 1968, с. 6—8.
- 161 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
- 162 Сибирские летописи, с. 37, 147.
- 163 Там же, с. 341.

- 104 Там же.
- 105 Книга записная, с. 2.
- 106 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
- 107 Сибирские летописи, с. 285.
- 108 ПСРЛ, т. 14, с. 33.
- 109 Сибирские летописи, с. 341.
- 170 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 49, 50, 56—59.
- 171 Сибирские летописи, с. 341, 342.
- 172 Там же.
- 173 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 54, 55.
- 174 Сибирские летописи, с. 342.
- 176 Там же, с. 343.
- 178 Там же, с. 37, 147.
- 177 Буцинский П. Н. Заселение Сибири..., с. 118.
- 178 Сибирские летописи, с. 341.
- 179 Atlas of Siberia, p. 81.
- 180 Буцинский П. Н. Заселение Сибири..., с. 120.
- 181 Фялков Д. Н. О месте гибели и захоронения Ермака.—
В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XVII вв.
Новосибирск, 1969, с. 280, 281.
- 182 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
- 183 Книга записная, с. 2.
- 184 Сибирские летописи, с. 343.
- 185 Там же, с. 37, 148.
- 186 Там же, с. 310; ПСРЛ, т. 14, с. 34.
- 187 Синодик ермаковым казакам, с. 21.
- 188 Сибирские летописи, с. 108.
- 189 Там же, с. 33. Ср.: «И нападоша па въ я побнша, токмо
едн казак утек» (там же, с. 148).
- 189 Там же, с. 38.
- 191 Там же, с. 148.
- 192 Там же, с. 38.
- 193 Там же, с. 148.
- 194 Там же, с. 344.
- 195 Там же, с. 321.
- 196 БАН, ОР, 32.8.8, гл. 24; Дворецкая Н. А. Археографический
образ...
- 197 Сибирские летописи, с. 299.
- 198 Там же, с. 299. Раньше сибирские летописи подтверждают,
что с И. Мансуровым были «многие воинские люди» (там же, с. 39,
40). Сведения С. Ремезова о том, что И. Мансуров привел в Сибирь
100 ратников, недостоверны (там же, с. 348). Мансуровы принадлежали к вятскому дворянскому роду и по служебному положению далеко превосходили князя С. Болховского — руководителя предыдущей экспедиции.

- ¹⁹⁸ Там же, с. 290.
- ²⁰⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 344, 345.
- ²⁰¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь..., с. 49.
- ²⁰² ПСРЛ, т. 14, с. 34.
- ²⁰³ Решение об экспедиции было принято, по-видимому, не позднее октября 1585 г., но воеводы выступили в поход лишь в 1586 г. (ГИБ, ОР, Разрядная книга 1475—1605 гг. Эрмитажное собр., д. 390, л. 692).
- ²⁰⁴ Сибирские летописи, с. 291.
- ²⁰⁵ ПСРЛ, т. 14, с. 34; Книга записная, с. 2.
- ²⁰⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 10, Спб., 1822, примеч. 44.
- ²⁰⁷ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными, т. 2. Спб., 1883, с. 236—240.
- ²⁰⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 10, с. 106.
- ²⁰⁸ До августа 1586 г. Д. Чужков служил головой в Ряжске, затем был вызван в Москву и назначен в полки на Оку (Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 366).
- ²¹⁰ Книга записная, с. 3.
- ²¹¹ Сибирские летописи, с. 289.
- ²¹² Там же, с. 293, 294. Строгановский придворный летописец утверждал, будто Сеид-хан прибыл в Тобольск как бы для торга и в течение дня «торговаша с русскими людьми», поставив воиновских людей в укрытие. На следующее утро все войско «прииде под город тайно приступом» (там же, с. 43). Этот рассказ, по-видимому, менее достоверен.
- ²¹³ Там же, с. 90.
- ²¹⁴ РИБ, т. 2, стб. 401, 402.
- ²¹⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 357—359.
- ²¹⁶ РИБ, т. 2, стб. 987.
- ²¹⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 294, 367; т. 2, с. 104.
- ²¹⁸ Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции..., с. 380, 381.
- ²¹⁸ См.: Карты Пермского края, составленные С. А. Адриановым. — В кн.: Отчет о 37-м присуждении наград гр. Уварова. Спб., 1837, с. 332, 333.
- ²²⁰ Сибирские летописи, с. 45.
- ²²¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 339.
- ²²² Сибирские летописи, с. 45.
- ²²³ Там же, с. 29.
- ²²⁴ Адрианов С. А. К вопросу о покорении Сибири. — ЖМНП, 1893, апрель, с. 547; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, с. 215.
- ²²⁵ Сибирские летописи, с. 29, 30.

- ²²⁶ Флетчер Д. О государстве Русском. Сиб., 1906, с. 70.
- ²²⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 442.
- ²²⁸ Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 50, 51.
- ²²⁹ С. Строганов однажды испытал царскую опалу. При разделе отцовских владений в 1573 г. он так крупно «своровал», что царь велел выдать «Семенку» голозой со всем имуществом его старшим братьям. Семен был отстранен от управления делами на несколько лет (Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 45—46).
- ²³⁰ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 70.
- ²³¹ Боярские епископы последней четверти XVI — начала XVII в. вып. 2. Сост. А. Л. Станиславский. М., 1979, с. 30.
- ²³² Там же, с. 157.
- ²³³ Там же, с. 278.
- ²³⁴ Жалованная грамота 1692 года.— В кн.: Устрялов Н. Г. Испытанные люди Строгановы. Сиб., 1842, прил., с. 42, 43.
- ²³⁵ Алексеев М. П. Сибирь и известия..., с. 251—253. Аналогичные сведения привел в своем трактате о Московии англичанин Д. Мильтон (там же, с. 295).
- ²³⁶ Там же, с. 254.
- ²³⁷ Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 113, 114.
- ²³⁸ Минлер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 348—354.
- ²³⁹ РИБ, т. 2, с. 402.
- ²⁴⁰ История Сибири, т. 2, с. 34.
- ²⁴¹ Сибирские летописи, с. 343.
- ²⁴² Минлер Г. Ф. История Сибири, т. 1, прил., с. 357—359.
- ²⁴³ Зинев Х. Узбеки и Сибирь, с. 11.
- ²⁴⁴ СГГД, ч. 2. М., 1819, с. 133.
- ²⁴⁵ Зинев Х. Узбеки в Сибирь, с. 9, 10.
- ²⁴⁶ Будинский П. Н. Заселение Сибири..., с. 145.
- ²⁴⁷ СГГД, ч. 2, с. 134.
- ²⁴⁸ Там же, с. 131.
- ²⁴⁹ СГГД, ч. 2, с. 230. Достигнув преклонного возраста, Кучум ночью ослеп. Он просил прислать ему конский вьюк на бухарской «рухляди», в котором были свадебья. «Очи у меня были больны,—

писал хан, — и с теми послы были земля, да и роспись тем землям с ними же была» (там же).

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Будинский П. И. Заселение Сибири..., с. 146.

²⁵² Сившев В. С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г. — В кн.: Вопросы географии Сибири, сб. 2. Томск, 1951, с. 144—148.

²⁵³ АИ, т. 2. Сиб., 1841, с. 3, 4.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же, с. 6, 7.

²⁵⁶ РИБ, т. 2, стб. 283. По другим сведениям, Кучум после поражения на Оби собрал уцелевших улусных людей и попытался угнать стада у калмыков, но был настигнут ими и разбит. Потеряв войнство, хан пытался найти прибежище в ногайских кочевьях. Ногайцы, боясь, что следом за Кучумом в их улусы придут русские, убили его. (См.: Сибирские летописи, с. 161).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Источники	12
Глава II. Подготовка экспедиции	61
Вольное казачество и освоение окраин Русского государства	—
Ермак и его соратники	78
Политика России в отношении Сибири	98
Роль Строгановых в организации экспедиции	113
Глава III. Три года в Сибири	142
Ваятне столицы Сибирского ханства	—
Присоединение Сибири к России	157
Завершение экспедиции	191
Список сокращений	222
Примечания	223

Руслан Григорьевич Скрынников

СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЕРМАКА

Ответственный редактор

Алексей Павлович Окладников

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР

Редактор издательства *С. В. Бобрищева*
Художественный редактор *Н. А. Пискун*
Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*
Корректоры *К. И. Сергеева, Е. Н. Зимица*

ИБ № 23607

Сдано в набор 15.10.81. Подписано к печати
26.02.82. МН-05510. Формат 70×108¹/₂. Бумага
типографская № 2. Обыкновенная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт.
11,4. Уч.-изд. л. 13. Тираж 30 000 экз. Заказ
№ 761. Цена 85 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение,
630089, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука».
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, проспект Ленина, («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

85 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ